

**ИЗВЕСТИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**PROCEEDING OF THE
KABARDINO-BALKARIAN
STATE UNIVERSITY**

ТОМ III, № 1, 2013

Учредитель: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (КБГУ)

Главный редактор **Б.С. КАРАМУРЗОВ**
Первый зам. главного редактора **А.П. САВИНЦЕВ**
Зам. главного редактора **С.К. БАШИЕВА**
Зам. главного редактора **Х.Б. ХОКОНОВ**
Зам. главного редактора **А.А. ШЕБЗУХОВ**
Зам. главного редактора **Г.Б. ШУСТОВ**
Зам. главного редактора **М.М. ЯХУТЛОВ**
Ответственный секретарь **М.Ч. ШОГЕНОВА**

Редакционная коллегия

Волков Ю.Г., Гуфан Ю.М., Дзамихов К.Ф., Карлик А.Е., Матузов Н.И., Радченко В.П., Радченко О.А., Рубаков В.А., Фельдштейн Д.И., Фортон В.Е., Хавинсон В.Ц., Хохлов А.Р., Хуснутдинова Э.К., Гукешоков М.Х., Жамбекова Р.Л., Кетенчиев Х.А., Кочесокон Р.Х., Мизиев И.А., Шхануков-Лафишев М.Х.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-44485 от 31.03.2011 г.

Подписной индекс в Каталоге «Пресса России» 43720.

Журнал включен в Перечень российских рецензируемых журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Доступ к рефератам статей журнала осуществляется на сайте научной электронной библиотеки «eLIBRARY.RU» (<http://elibrary.ru>).

ISSN 2221-7789

Адрес редакции: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004. г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Телефоны: (88662) 722313

E-mail: rio@kbsu.ru, <http://izvestia.kbsu.ru>

© Авторы, 2013

© Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2013

Founder: Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov (KBSU)

Editor in chief **B.S. KARAMURZOV**
The 1st Deputy Editor **A.P. SAVINTSEV**
Deputy Editor **S.K. BASHIEVA**
Deputy Editor **H.B. KHOKONOV**
Deputy Editor **A.A. SHEBZUHOV**
Deputy Editor **G.B. SHUSTOV**
Deputy Editor **M.M. YAHUTLOV**
Executive secretary **M.Ch. SHOGENOVA**

Editorial board

Volkov Yu.G., Gufan Yu.M., Dzamikhov K.F., Karlik A.E., Matuzov N.I.,
Radchenko O.A., Radchenko V.P., Rubakov V.A., Feldshtein D.I., Fortov V.E.,
Khavinson V.Ts., Hohlov A.R., Khusnutdinova E.K., Gukeshokov M.Kh., Zhambekova R.L.,
Ketenchiev Kh.A., Kochesokov R.Kh., Miziev I.A., Shkhanukov-Lafishev M.Kh.

Registration certificate PI № FS 77-44485 from 31.03.2011

Subscription index in the catalog «Russian Press» 43720

Access to abstracts of articles of the magazine is carried out on the Scientific Electronic Library Online «eLIBRARY.RU» (<http://elibrary.ru>).

ISSN 2221-7789

Editorial address: Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov, 360004, Nalchik, Chernyshevsky st. 173

Phone number: (88662)722313

E-mail: rio@kbsu.ru, <http://izvestia.kbsu.ru>

© Authors, 2013

© Kabardino-Balkarian State University
of H.M. Berbekov, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЗИКА

- Дедков Г.В., Кясов А.А.** Динамическая сила Ван-дер-Ваальса – Казимира при взаимодействии релятивистского атома с поверхностью 5
- Елекоева К.М., Коротков П.К., Мусуков Р.А., Созаев В.А., Хоконов Х.Б.** Температура контактного плавления разрыхленных малых частиц и нанопленок 9
- Ципинова А.Х., Азизов И.К., Карданова З.И.** Потери энергии фотоэлектронов на возбуждение фоновых степеней свободы в кристаллах галогенида серебра 13

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

- Дударов З.И., Шевченко А.В., Кандохов З.М.** Результаты сейсмических наблюдений в районе Эльбрусского вулканического центра 16
- Князева З.М.** Оценка числа дней с грозой на основе инструментальных наблюдений с использованием грозорегистратора LS8000 21
- Марданов И.И.** Влияние геодинамической ситуации на развитие экотуризма в высокогорьях азербайджанской части Большого Кавказа 25

ХИМИЯ

- Кушхов Х.Б., Адамокова М.Н., Кучмезова Ф.Ю., Мамхегова Р.М.** Термодинамическая оценка взаимодействия алмазов с кислородсодержащими соединениями элементов IV–VI групп при высоких температурах 29
- Берберов А.Б., Афонин Д.С., Борзаев Х.Х., Бакулин Д.А., Иванов Е.В.** Получение Fe-Co-Ni-содержащих наночастиц плазмохимическим методом 35

МЕДИЦИНА

- Асланов А.Д., Мизиев И.А., Жигунов А.К., Адер Омар, Батов А.З., Куготов А.Х.** Новые подходы к лечению синдрома диабетической стопы 38
- Нальчикова М.Т.** Состояние прооксидантной системы у больных экземой 41

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Камбачокова М.Ю.** К вопросу об основных этапах становления этноса и субэтническом составе абазин 45
- Башиев А.М.** Сословная реформа в Балкарии в 60-е гг. XIX века: к определению социального статуса сословия ясакчи (жасакъчы) 49

ФИЛОЛОГИЯ

- Шокуева М.К.** Акцентный статус объекта как фактор семантической транзитивности и лексической деривации глагола (на материале английского, русского и кабардино-черкесского языков) 56
- Кремшокалова М.Ч.** Оптативные конструкции в благопожеланиях и проклятиях в кабардино-черкесском языке 62
- Бозиева Н.Б.** Поиски синтеза реальности и художественного мира в документальных повестях М. Кармокова 67
- Тимижев Х.Т., Карданова М.А.** Причины усиления индивидуализма в литературе черкесского зарубежья (на примере рассказов М. Кумыка) 71
- Кулова Л.З.** Способы воздействия на эмоциональную сферу адресата в религиозном и астрологическом дискурсах 76

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Паштов Д.Р.** Участие прокуратуры Кабардино-Балкарской Республики в правотворческой деятельности законодательного (представительного) органа власти (организация и деятельность) 80
- Матуева Ж.М.** Понятие правонарушения в сфере труда 84
- Машукова Е.М.** Некоторые аспекты увольнения работников за прогул 89

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

- Абидова А.А.** Влияние уровней ситуационной и личностной тревожности студентов-иностранцев на развитие их коммуникативной компетентности (на примере Кабардино-Балкарского государственного университета) 92
- Манукян А.Р.** Самовоспитание обучаемых в вузах МВД РФ как фактор совершенствования личности будущих офицеров 95
- Тайлакова Е.А.** Интеграция отечественного и европейского опыта экологической проектной деятельности школьников 99

ЭКОНОМИКА

- Карамурзов Р.Б.** Жилищные условия населения в странах Центральной Азии и Южного Кавказа (1990–2010 гг.) 104
- Таова С.М.** Проблемы мониторинга кадровых ресурсов здравоохранения региона 112

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

- Гетегежева Ф.В., Темрокова Л.И.** Золотые россыпи М. Кандура 115
- Безрокова М.Б.** Круг общения как фактор формирования языковой личности (на примере Кабардино-Балкарской Республики) 117
- Азаматова Т.Х.** К проблеме фонетического восприятия постмодернистского текста в полиэтнической среде 120
- Баба Магеррамли.** Корневые морфемы в тюркских языках 124
- Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «Известия Кабардино-Балкарского государственного университета»** 129

CONTENTS

PHYSICS

- Dedkov G.V., Kyasov A.A.** Dynamic van-der-Waals-Casimir Force under the Interaction of Relativistic Atom and a Surface 5
Elekoeva K.M., Korotkov P.K., Musukov R.A., Sozaev V.A., Khokonov Kh.B. The temperature of contact melting of loosen small particles and nanofilms 9
Cipinova A.Kh., Azizov I.K., Kardanova Z.I. Losses of energy of photoelectrons on excitation of phonon degrees of freedom in silver halogenide crystals 13

EARTH SCIENCES

- Dudarov Z.I., Shevchenko A.V., Kandokhov Z.M.** The results of seismic observations in the elbrus volcanic center 16
Knyazeva Z.M. Estimation of number of days with a thunderstorm on the basis of instrumental supervisions with use registrar of thunderstorms LS8000 21
Mardanov I.I. The influence of geo dynamic situation to the development of eco turizm in mountainous of Azerbaijanian part of great Caucasus 25

CHEMISTRY

- Kushkhov H.B., Adamokova M.N., Kuchmezova F.Y., Mamhegova R.M.** The formation of nanosized tungsten and molybdenum carbides powders in metal capsule films of nickel and cobalt by method of chemical deposition 29
Berberov A.B., Afonin D.S., Borzaev H.H., Bakulin D.A., Ivanov E.V. Synthesis of Fe-CO-Ni-containing nanoparticles by plasma-enhanced chemical vapor deposition 35

MEDICINE

- Aslanov A.D., Miziev I.A., Zhigunov A.K., Omar Hadad, Bahtov A.Z., Kugotov A.H.** New approaches to the treatment of diabetic foot 38
Nalchikova M.T. Condition of the prooxidant system in the patients with eczema 41

HISTORY. CULTUROLOGY

- Kambachokova M.Yu.** On the question of the main stages of ethnic development and sub-ethnic composition of the abazins 45
Bashiev A.M. Estate reform in Balkaria in the 60s of the 19th century: to definition of the social status of estate group «yasakhci» (jasakhci) 49

PHILOLOGY

- Shokueva M.K.** The accentual state of the object as a factor of the semantic transitivity and lexical derivation of the verb 56
Kremshokalova M.Ch. Optative construction in the good wishes and curses of the Kabardino-Circassian language 62
Bozieva N.B. Search for synthesis of reality and literary world documentary of M. Karmokova 67
Timizhev H.T., Kardanova M.A. Reasons of intensification of individualism in cherkessian diaspora's literature (on basis of M. Kumik's novels) 71
Kulova L.Z. Methods of influence on the emotional sphere of the recipient in the religious and astrological discourses 79

JURISPRUDENCE

- Pachtov D.R.** Participation of prosecutor's office of the Kabardino-Balkarian Republic in right creative activity of the legislative (representative) authority (organization and activity) 80
Matueva Zh.M. The concept of offence in the sphere of labour 84
Mashukova E.M. Some aspects of the dismissal of employees for truancy 89

PEDAGOGICS AND PSYCHOLOGY

- Abidova A.A.** Influence of levels of situational and personal uneasiness of students foreigners on development of their communicative competence (on the example of the Kabardino-Balkarian State University) 92
Manukyan A.R. Self-education of students in higher educational establishments of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation as a factor of self-improvement of future officers 95
Taylakova E.A. Integration of national and european practice in ecology projects with schoolchildren 99

ECONOMY

- Karamourzov R.B.** Housing in the countries of Central asia and south caucasus (1990–2010) 104
Taova S.M. Problems of monitoring human resources health region 112

SHORT REPORTS

- Getegejeva F.V., Temroкова L.I.** Gold mine M. Candwr 115
Bezrokova M.B. Social Circle as a Linguistic Personality Formation Factor (on the example of Kabardino-Balkarian Republic) 117
Asamatova T.H. To the problem of phonetic perception the postmodernist text in the polyethnic environment 120
Baba Magerramli. Root morphemes in turkic languages 124
The demand to the design of the scientific article, represented in the magazine «Proceeding of the Kabardino-Balkarian State University» 129

ФИЗИКА

УДК 538.9

ДИНАМИЧЕСКАЯ СИЛА ВАН-ДЕР-ВААЛЬСА – КАЗИМИРА ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РЕЛЯТИВИСТСКОГО АТОМА С ПОВЕРХНОСТЬЮ

Дедков Г.В., Кясов А.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

gv_dedkov@mail.ru

Впервые рассчитывается динамическая сила Ван-дер-Ваальса – Казимира, действующая на нейтральный атом при релятивистском движении вблизи гладкой металлической пластины. Рассматриваются случаи идеального и реального металла, описываемого моделью Друде.

Ключевые слова: Динамические силы Ван-дер-Ваальса – Казимира, колебания электромагнитного взаимодействия, атом-поверхность взаимодействия.

DYNAMIC VAN-DER-WAALS-CASIMIR FORCE UNDER THE INTERACTION OF RELATIVISTIC ATOM AND A SURFACE

Dedkov G.V., Kyasov A.A.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

For the first time, we calculate dynamic van-der-Waals-Casimir force under the interaction of an atom moving with relativistic velocity and a smooth metallic plate. The scenarios of an ideal and real metals (within the Drude model) are considered.

Keywords: Dynamic van-der-Waals – Casimir force, fluctuation electromagnetic interaction, atom-surface interaction.

Несмотря на фундаментальное значение для различных областей физики, расчет консервативных сил Ван-дер-Ваальса и Казимира – Полдера между атомами и поверхностями конденсированных тел, за редкими исключениями, проводился в рамках статического подхода. Первые попытки динамического расчета в нерелятивистском и релятивистском приближении предпринимались в работах [1, 2]. Однако использованный авторами рецепт перехода к динамической задаче путем введения доплеровских частотных сдвигов в выражении для свободной энергии системы «атом – поверхность», как было показано нами в недавних работах [3], не является строгим даже при нерелятивистской скорости V атома, поскольку при этом остается неучтенным существенный вклад во взаимодействие, асимптотически стремящийся к нулю при $V \rightarrow 0$.

Данная работа является естественным обобщением [3] в рамках релятивистской теории флуктуационно-электромагнитного взаимодействия для конфигурации «малая частица – пластина» [4]. Воспользуемся общим выражением [4] для консервативной силы притяжения малой частицы к поверхности поляризующейся пластины при параллельном движении частицы на расстоянии z от нее:

$$F_z = -\frac{\hbar\gamma}{2\pi^2} \int_0^\infty d\omega \int_{-\infty}^{+\infty} dk_x \int_{-\infty}^{+\infty} dk_y \left\{ \begin{array}{l} \alpha''(\gamma\omega^+) \operatorname{Re}[\exp(-2q_0 z) R_e(\omega, k)] \coth\left(\frac{\gamma\hbar\omega^+}{2k_B T_1}\right) + \\ \alpha'(\gamma\omega^+) \operatorname{Im}[\exp(-2q_0 z) R_e(\omega, k)] \coth\left(\frac{\hbar\omega}{2k_B T_2}\right) \end{array} \right\}; \quad (1)$$

$$R_e(\omega, k) = \Delta_e(\omega) \left[2(k^2 - k_x^2 \beta^2)(1 - \omega^2/k^2 c^2) + (\omega^+)^2/c^2 \right] + \Delta_m(\omega) \left[2k_y^2 \beta^2(1 - \omega^2/k^2 c^2) + (\omega^+)^2/c^2 \right]; \quad (2)$$

$$R_m(\omega, k) = \Delta_m(\omega) \left[2(k^2 - k_x^2 \beta^2)(1 - \omega^2 / k^2 c^2) + (\omega^+)^2 / c^2 \right] + \Delta_e(\omega) \left[2k_y^2 \beta^2(1 - \omega^2 / k^2 c^2) + (\omega^+)^2 / c^2 \right]; \quad (3)$$

$$\Delta_e(\omega) = \frac{q_0 \varepsilon(\omega) - q}{q_0 \varepsilon(\omega) + q}, \quad \Delta_m(\omega) = \frac{q_0 \mu(\omega) - q}{q_0 \mu(\omega) + q}, \quad q = (k^2 - (\omega^2 / c^2) \varepsilon(\omega) \mu(\omega))^{1/2}, \quad (4)$$

$$q_0 = (k^2 - \omega^2 / c^2)^{1/2}, \quad k^2 = k_x^2 + k_y^2, \quad \omega^+ = \omega + k_x V, \quad \beta = V / c, \quad \gamma = (1 - \beta^2)^{-1/2},$$

где T_1 – температура частицы, T_2 – температура пластины и окружающего вакуумного фона, $\alpha'(\omega), \alpha''(\omega)$ – действительная и мнимая части диэлектрической поляризуемости частицы, $\varepsilon(\omega), \mu(\omega)$ – диэлектрическая и магнитная проницаемость вещества пластины (в дальнейшем будем считать $\mu(\omega) = 1$). При наличии у частицы магнитной поляризуемости соответствующие члены добавляются в фигурных скобках (1).

Переходя в (1) к пределу $T_1 = T_2 \rightarrow 0$ аналогично тому, как это делалось в [3], получим:

$$F_z = F_z^{(0)} + F_z^{(1)}; \quad (5)$$

$$F_z^{(0)} = -\frac{\hbar \gamma}{2\pi^2} \int_{-\infty}^{+\infty} dk_x \int_{-\infty}^{+\infty} dk_y \cdot \text{Im} \left\{ \int_0^{\infty} d\xi \exp(-2\sqrt{k^2 + \xi^2 / c^2} z) \alpha(\gamma(i\xi + k_x V)) \cdot \left[i \cdot R_e^{(1)}(i\xi, k) - 2\beta k_x \frac{\xi}{c} (\Delta_e(i\xi) + \Delta_m(i\xi)) \right] \right\}; \quad (6)$$

$$F_z^{(1)} = \frac{2\hbar \gamma}{\pi^2} \int_0^{\infty} dk_x \int_0^{\infty} dk_y \int_0^{k_x V} d\omega \alpha''(\gamma(\omega - k_x V)) \cdot \text{Re} \left\{ \exp(-2\sqrt{k^2 - \omega^2 / c^2} z) \cdot \left[R_e^{(1)}(\omega, k) - 2\beta k_x \frac{\omega}{c} (\Delta_e(\omega) + \Delta_m(\omega)) \right] \right\}; \quad (7)$$

$$R_e^{(1)}(i\xi, k) = \Delta_e(i\xi)(2k^2 + \xi^2 / c^2) + \Delta_m(i\xi) \left[2\beta^2(k^2 + \xi^2 / c^2) - \xi^2 / c^2 \right] - \beta^2 [\Delta_e(i\xi) + \Delta_m(i\xi)] (k^2 + 2\xi^2 / c^2) \cos^2 \theta; \quad (8)$$

$$R_e^{(1)}(\omega, k) = (\omega^2 / c^2 + k^2 \beta^2 \cos^2 \theta) [\Delta_e(\omega) + \Delta_m(\omega)] + 2(k^2 - \omega^2 / c^2) \cdot \left[(1 - \beta^2 \cos^2 \theta) \Delta_e(\omega) + \Delta_m(\omega) \beta^2 \sin^2 \theta \right], \quad (9)$$

где $\cos \theta = k_x / k$, $\beta = V / c$.

Для того, чтобы продвинуться дальше, используем осцилляторную модель диэлектрической поляризуемости атома:

$$\alpha(\gamma \omega) = \frac{\alpha(0) \tilde{\omega}_0^2}{\tilde{\omega}_0^2 - \omega^2 - i \cdot 0 \cdot \omega}, \quad \tilde{\omega}_0 = \omega_0 / \gamma, \quad (10)$$

$$\alpha''(\gamma \omega) = \frac{\pi \alpha(0) \tilde{\omega}_0}{2} [\delta(\omega - \tilde{\omega}_0) - \delta(\omega + \tilde{\omega}_0)], \quad (11)$$

где ω_0 – частота атомного перехода. Подставляя (10), (11) в (6), (7), получим:

$$F_z^{(0)} = -\frac{1}{2\pi^2} \hbar \alpha(0) \tilde{\omega}_0^2 \gamma \int_{-\infty}^{+\infty} dk_x \int_{-\infty}^{+\infty} dk_y \int_0^{\infty} d\xi \frac{\exp(-2\sqrt{k^2 + \xi^2 / c^2} z)}{[(\tilde{\omega}_0^+)^2 + \xi^2][(\tilde{\omega}_0^-)^2 + \xi^2]} \cdot \left[R_e^{(1)}(i\xi, k) (\tilde{\omega}_0^+ \tilde{\omega}_0^- + \xi^2) - 4\beta^2 k_x^2 \xi^2 (\Delta_e(i\xi) + \Delta_m(i\xi)) \right] \quad (12)$$

$$F_z^{(1)} = -\frac{1}{\pi} \hbar \alpha(0) \omega_0 \int_{\tilde{\omega}_0 / V}^{\infty} dk_x \int_0^{\infty} dk_y \text{Re} \left\{ \exp(-2\sqrt{k^2 - (\tilde{\omega}_0^-)^2 / c^2} z) \cdot \left[R_e^{(1)}(-\tilde{\omega}_0^-, k) + 2k_x \beta (\tilde{\omega}_0^- / c) (\Delta_e(-\tilde{\omega}_0^-) + \Delta_m(-\tilde{\omega}_0^-)) \right] \right\}, \quad (13)$$

где $\tilde{\omega}_0^\pm = \tilde{\omega}_0 \pm k_x V = \tilde{\omega}_0 \pm kV \cos \theta$.

Тройной интеграл в (12) все еще достаточно сложен, но может быть приведен к двойному после интегрирования по углам. Конечные формулы опускаем ввиду их громоздкости. Формулы (12), (13) удобны для численного расчета силы Казимира – Полдера при произвольных значениях скорости (энергии) атома и локальной диэлектрической проницаемости общего вида. При $V \rightarrow 0$, как видно из структуры для $F_z^{(1)}$, соответствующий вклад исчезает. В этом случае, как показано в [3], в незапаздывающем приближении из (12) в дополнение к статической силе Ван-дер-Ваальса прибавляется квадратичная по скорости динамическая поправка, полученная в работах [1, 2], однако на основе подхода [1, 2] принципиально невозможно получить выражение для вклада $F_z^{(1)}$.

Специальный интерес представляет случай идеально проводящего материала пластины, $\varepsilon(\omega) \rightarrow \infty$, когда в формулах (12), (13) следует положить $\Delta_e(\omega) = 1$ и $\Delta_m(\omega) = -1$. Тогда формулы (12), (13) приводятся к более простому виду ($\lambda = 2\tilde{\omega}_0 z / c$):

$$F_z^{(0)} = \frac{4\hbar\alpha(0)\omega_0^5}{\pi^2 c^4 \gamma^6} \int_0^\infty dx \int_0^\infty dy \frac{(1 - \beta^2 x^2 + y^2)(x^2 + y^2)^{3/2}}{[(1 + \beta x)^2 + y^2][(1 - \beta x)^2 + y^2]} \left[\frac{d^3 K_0(t)}{dt^3} \right]_{t=\lambda\sqrt{x^2+y^2}}; \quad (14)$$

$$F_z^{(1)} = \frac{2\hbar\alpha(0)\omega_0^5}{\pi c^4 \gamma^6} \int_{1/\beta}^\infty dx [x^2(1 - \beta^2) + 2\beta x - 1]^{3/2} \left[\frac{d^3 K_0(t)}{dt^3} \right]_{t=\lambda\sqrt{x^2(1-\beta^2)+2\beta x-1}}, \quad (15)$$

где $K_0(x)$ – модифицированная функция Бесселя.

На первый взгляд кажется, что зависимость γ^{-6} в (14), (15) делает динамические силы Казимира – Полдера чрезвычайно малыми, но как в дальнейшем показывают численные расчеты, величина показателя степени зависимости F_z от γ не так велика и изменяется (по модулю) от 4 до 1 при увеличении расстояния z от 1 до 500 nm.

На рис. 1, 2 показаны результаты численного расчета динамических сил Казимира – Полдера, выполненного по формулам (12)–(15) для атома цезия ($\alpha(0) = 57 \cdot 10^{-30} \text{ m}^3$, $\omega_0 = 1.44 \text{ eV}$), движущегося вблизи пластины золота. Рис. 1а и рис. 2а соответствуют идеально металлу (расчет по формулам (14) и (15)), а рис. 1б и рис. 2б – реальному металлу (расчет по формулам (12), (13)) с диэлектрической функцией Друде $\varepsilon(\omega) = 1 - \omega_p^2 / \omega(\omega + i\gamma)$ с параметрами $\omega_p = 9 \text{ eV}$, $\gamma = 0.035 \text{ eV}$. Линии, показанные на рис. 1а, б точками, соответствуют статическому случаю $\beta = 0$, верхняя и нижняя сплошные линии – $\beta = 0.3$ и $\beta = 0.9$, штриховые линии – $\beta = 0.98$. На рис. 2а, б штриховые линии соответствуют статическому случаю $\gamma = 1$, верхняя и нижняя сплошные линии – $\gamma = 5, 50$, точками показаны линии, соответствующие $\gamma = 500$.

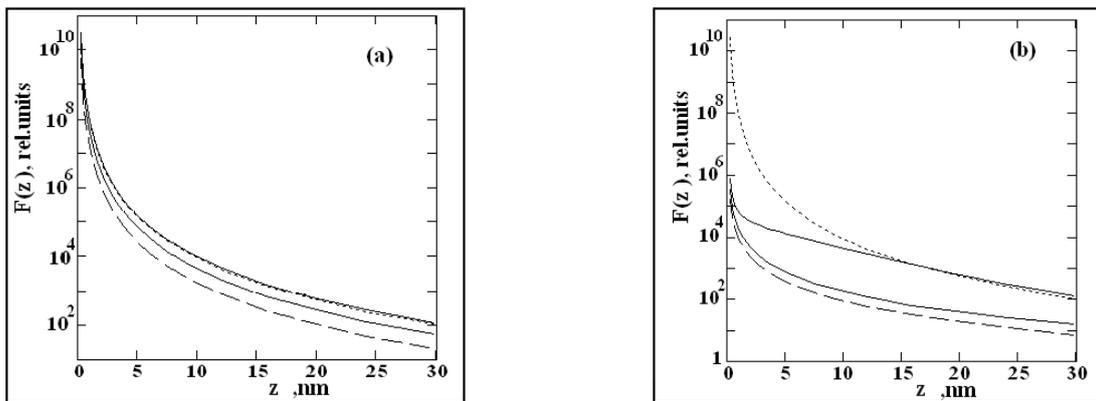

Рис. 1. Зависимость динамической силы Казимира – Полдера (в относительных единицах) от расстояния z и относительной скорости $\beta = V / c$ для взаимодействия атома цезия с пластиной из золота. (а) – идеальный металл, (б) – металл Друде. Пунктирные линии соответствуют $\beta = 0$, верхняя и нижняя сплошные линии 1 и 2 – $\beta = 0.3$ и 0.9 , точки $\beta = 0.98$. Для такого перевода значений сил в N результаты надо умножить

$$\text{на коэффициент } K = \hbar\alpha(0)\omega_0(\omega_0 / c)^4 = 3.7 \cdot 10^{-20}$$

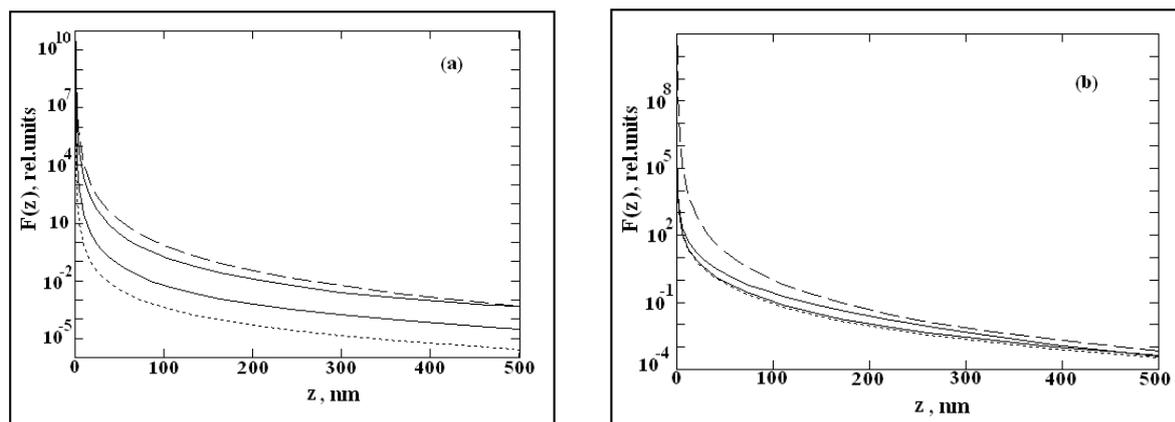

Рис. 2. То же, что на рис. 1, в зависимости от расстояния z и Лоренц-фактора γ .

Штриховые линии – $\gamma = 1$, верхняя и нижняя сплошные линии – $\gamma = 5$ и 50 ,
 точки – $\gamma = 500$. (а) – идеальный металл, (б) – металл Друде

Приведенные зависимости демонстрируют сложную зависимость динамических сил Казимира – Полдера от расстояния, скорости (энергии) и материальных свойств. Из рис. 1, например, видно, что динамическая сила может превышать статическую при $\beta = 0.3$, $z > 15 \text{ nm}$; существенно изменяются зависимости сил от расстояния и т.д. Сравнивая рис. 2а с рис. 2б, можно отметить значительно более слабую зависимость от γ во втором случае, т.е. при учете материальных свойств пластины. В целом возрастание Лоренц-фактора γ частицы от 1 до 5 вызывает резкое уменьшение силы Казимира – Полдера на 1–6 порядков величины при переходе от расстояний в нескольких сотен nm к расстояниям порядка 1 nm в случае пластины, описываемой моделью Друде. В то же время при $\gamma > 5$ зависимость от энергии становится незначительной. Для идеальной пластины зависимость силы от γ более монотонна (ср. рис. 1а, б) и близка к $F_z \propto \gamma^{-1}$ при $z > 500 \text{ nm}$ и к $F_z \propto \gamma^{-4}$ при $z \leq 10 \text{ nm}$.

Полученные результаты могут использоваться при интерпретации экспериментов по прохождению субрелятивистских и релятивистских атомных пучков в узких щелях и вблизи поверхностей твердых тел. Экспериментально, например, можно изучать прохождение ускоренных, однократно ионизованных ионов высоких энергий через газовую мишень, удаляя из пучка электростатическим полем ионы, не захватившие электроны, и анализировать угловое распределение нейтрализованного атомного пучка при его последующем прохождении вблизи поверхности стенки.

Библиография

1. Ferrell T.L., Ritchie R.H. Dynamical and geometrical effects on the physisorption of atoms // Phys. Rev. 1980. V. A21. P. 1305–1311.
2. Marvin A.M., Toigo F. Van der Waals interaction between a point particle and a metallic surface // Phys. Rev. 1982. V. A25. P. 782–802.
3. Dedkov G.V., Kyasov A.A. Dynamical van der Waals atom-surface interaction // Surface Sci. 2011. V. 605. P. 1077–1081.
4. Dedkov G.V., Kyasov A.A. Vacuum attraction, friction and heating of nanoparticles moving nearby a heated surface // J. Phys.: Condens. Matter 2008. V. 20. P. 350301-1–35031-10.

ТЕМПЕРАТУРА КОНТАКТНОГО ПЛАВЛЕНИЯ РАЗРЫХЛЕННЫХ МАЛЫХ ЧАСТИЦ И НАНОПЛЕНОК

¹Елекоева К.М., ²Коротков П.К., ²Мусуков Р.А., ^{1,2}Созаев В.А., ²Хоконов Х.Б.

¹Северо-Кавказский горно-металлургический институт

²Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

sozaeff@mail.ru, pkorotkov1984@rambler.ru, mingitay@rambler.ru, sozaevv@kbsu.ru

В работе в рамках термодинамики поверхностных явлений получено соотношение для температуры контактного плавления разрыхленных малых частиц и нанопленок.

Ключевые слова: контактное плавление, малые частицы, нанопленки.

THE TEMPERATURE OF CONTACT MELTING OF LOOSEN SMALL PARTICLES AND NANOFILMS

¹Elekoeva K.M., ²Korotkov P.K., ²Musukov R.A., ^{1,2}Sozaev V.A., ²Khokonov Kh.B.

¹North-Caucasian Institute of Mining and Metallurgy

²Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

The relation for the temperature of contact melting of loosen small particles and nanofilms has been obtained within the thermodynamics of surface phenomena.

Keywords: contact melting, small particles and nanofilms.

Задачи исследования

Измерение температуры плавления наноструктур – сложная задача [1], еще более трудоемкой является оценка температуры контактного плавления (КП).

К числу методов измерения температуры (КП) двухслойных металлических пленок относится метод, основанный на измерении электропроводности [2], который, однако, трудно использовать для тонких пленок (толщиной менее 50 нм), т.к. в этом случае начинает проявляться островковая структура пленок.

Как показывают исследования с помощью атомно-силовой и электронной микроскопии, поверхности металлических пленок, напыленных на диэлектрические подложки, а также наночастиц (рис. 1) являются разрыхленными, что не всегда учитывалось в теоретических оценках температуры КП [3, 4].

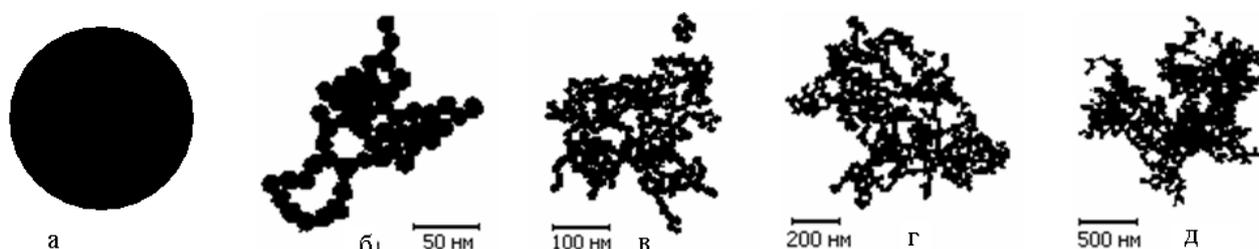

Рис. 1. Приближение гладкой поверхности наночастицы, используемое при построении термодинамических моделей (а). Кластер коллоидного золота, снятый с помощью просвечивающего электронного микроскопа при различных увеличениях (б–д) [5]

Иногда разрыхленность путают с термином «разряженность» (у металлов плотность вещества в поверхностном слое ниже, чем в объеме). В твердых наночастицах это связано с релаксацией структуры. Как видно из рис. 1б–д, контур, ограничивающий наночастицу, разрыхлен. В настоящей работе речь идет о поверхностях, которые не являются гладкими (рис. 1б–д). По современной терминологии их называют фрактальными с дробной размерностью от 2 до 3 (неевклидовы поверхности). При теоретических оценках температуры контактного плавления ранее использовалось приближение гладких поверхностей (рис. 1а) (евклидовы поверхности).

Влияние разрыхления на поверхностную энергию (ПЭ) малых частиц изучалось в работе [6], а тонких пленок – в работе [7], где показано, что ПЭ разрыхленных частиц и пленок выше, чем у гладких. Известно, что между ПЭ малых частиц и нанопленок, с одной стороны, и их температурой плавления, с другой, существуют взаимосвязи [3], поэтому следует ожидать влияния фактора разрыхления и на температуру контактного плавления.

В настоящей работе предпринимается попытка вывести соотношение для температуры КП разрыхленных малых частиц и нанопленок.

Результаты исследований

Для частиц радиусом $r \geq 30s$ (s – линейный параметр, приводящий уравнение Томаса – Ферми к безразмерному виду) в работе [6] для ПЭ на границе «частица – расплав» в рамках электронно-статистического метода Томаса – Ферми получено уравнение:

$$\sigma_{12}(r) = \sigma_{12}(\infty) \left\{ 1 - \left[(\xi_1 + 3\xi) \delta + 0,5 \left| \xi \right| c \frac{a_0}{\xi_\rho} s \right] \frac{1}{r} \right\}. \quad (1)$$

В уравнении (1) σ_{12} – поверхностная энергия при $T = 0$ К макроскопической системы; $\delta = 1 - q \ll 1$ – фактор разрыхления; $q = \frac{r_g}{r} \leq 1$ – фактор заполнения. В случае малых частиц $q = \frac{R_g}{R}$, где R_g – весовой радиус частицы; R – геометрический радиус частицы; $a_0 = 1 - \chi_{pr}(\varepsilon_r)$; $\chi_{pr}(\varepsilon_r) = \frac{3}{5} \frac{1}{\xi_\rho} [1 - (1 - \xi_\rho)^{5/3}]$; $c = 2,1 \left(\frac{125}{3} \right)^{1/4}$; $\rho_{er}(\infty) / \rho_{ir}(0) = 1 - \xi_\rho$, где $\rho_{er}(\infty)$ – электронная плотность расплава вдали от поверхности раздела, $\rho_{ir}(0)$ – электронная плотность в центре металлического зерна, а функция $\chi(\varepsilon)$ связана с потенциалом и электронной плотностью зерна.

$$\xi_1 = \frac{1}{\sigma_{12}} \sum_k \sigma_{ik}; \quad \xi = \frac{1}{\sigma_{12}} \sum_k (\xi_{ik} \sigma_{ik} + \xi_{ek} \sigma_{ek}), \quad (2)$$

где σ_{ik} и σ_{ek} – внутренняя и внешняя части отдельных вкладов в поверхностную энергию соответственно [6].

Величину $\delta_T = \frac{1}{2} \left[(\xi_1 + 3\xi) \delta + 0,5 \left| \xi \right| c \frac{a_0}{\xi_\rho} s \right]$ можно рассматривать как аналог постоянной Тол-

мена, которая зависит от фактора разрыхления δ . Для ряда металлов постоянная Толмена ~ 1 нм.

Используя соотношение, связывающее ПЭ со степенью разрыхления [6, 7], и исходя из условия равновесия между малой частицей (пленкой), представляющей собой твердый раствор А в В, и расплавом в рамках концепции капиллярных эффектов II рода Л.М. Щербакова [8], можно показать, что температура КП зависит от степени разрыхленности поверхности.

Вывод размерной зависимости температуры контактного плавления проведем сначала на примере контакта микрочастиц. Предположим, что на разрыхленную наночастицу А нанесли оболочку металла В, между которыми в тонком пограничном слое происходит взаимодиффузия (диффузионный механизм КП). Воспользуемся условием равновесия между кристаллической крупинкой радиуса r , представляющей собой твердый раствор А в В, окруженный собственным расплавом с учетом поверхностного давления:

$$\mu^{(S)} + \left(\frac{2\sigma}{r} + \frac{\partial\sigma}{\partial r} \right) \Omega = \mu^{(L)}, \quad (3)$$

где μ – химпотенциал; σ – межфазная энергия; Ω – атомный объем. Верхние индексы относятся к фазам (S – твердое, L – жидкое).

Обозначим энергию, связанную с избыточным давлением, через

$$f = \left(\frac{2\sigma}{r} + \frac{\partial\sigma}{\partial r} \right) \Omega, \quad (4)$$

тогда выражение (3) примет вид:

$$\mu^{(S)} + f = \mu^{(L)}. \quad (5)$$

Варьируя μ по давлению P , температуре T и концентрациям $C_A + C_B$ в последнем выражении и учитывая, что:

$$\left(\frac{\partial\mu^{(S)}}{\partial T}\right)_{P,C_A,C_B} = -S^{(S)}; \left(\frac{\partial\mu^{(L)}}{\partial T}\right)_{P,C_A,C_B} = -S^{(L)}, \quad (6)$$

где $S^{(S)}, S^{(L)}$ – энтропии в твердом и жидком состоянии, соответственно, получим:

$$(S^{(S)} - S^{(L)})dT = df. \quad (7)$$

Учитывая, что $S^{(S)} - S^{(L)} = -\frac{\lambda}{T_{КП}}$, где $T_{КП}$ – температура контактного плавления, λ – теплота контактного плавления, которую при $r > 100$ нм можно считать не зависящей от размеров [9], получим:

$$-\frac{\lambda}{T_{КП}}dT = df. \quad (8)$$

Найдем вид функции f с учетом разрыхления пленки, для этого воспользуемся выражением поверхностной энергии для малых сферических частиц (1). Найдем частную производную от поверхностной энергии (1) по r :

$$\frac{\partial\sigma_{12}}{\partial r} = \sigma_{12}(\infty)\frac{2\delta_T}{r^2}. \quad (9)$$

Подставим формулы (1) и (9) в выражение (4):

$$f = \Omega\left(\frac{2\sigma}{r} + \frac{\partial\sigma}{\partial r}\right) = \frac{2\sigma_{12}(\infty)\Omega}{r}\left(1 - \frac{\delta_T}{r}\right). \quad (10)$$

Подставляя выражение (10) в (8) и интегрируя левую часть уравнения (8) по температуре, а правую – по r , получим:

$$T_{КП}(r) = T(\infty)\exp\left\{-\frac{2\sigma_{12}\Omega}{\lambda r}\left(1 - \frac{\delta_T}{r}\right)\right\}. \quad (11)$$

По аналогии можно записать соответствующие уравнения и для размерной зависимости температуры КП двухслойных пленок:

$$T_{КП}(h) = T(\infty)\exp\left\{-\frac{2\sigma_{12}\Omega}{\lambda h}\left(1 - \frac{\delta_T}{h}\right)\right\}. \quad (12)$$

Формула (12) показывает, что эффект разрыхления может влиять на температуру КП двухслойных пленок.

Обсуждение результатов

Величина δ зависит от типа металла, способа приготовления пленки. Например, до процесса КП поверхность двухслойной пленки Sn/Cu показана на рис. 2, а на рис. 3 приводится гистограмма распределения неровностей по размерам, из которой видно, что для данной пленки размеры неровностей $d = 14 - 15$ нм. Такого же порядка степень разрыхленности и в металлических пленках отдельных металлов.

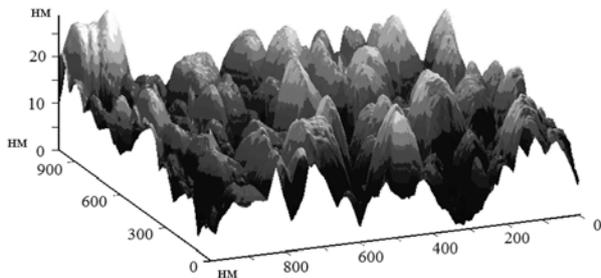

Рис. 2. Морфология поверхности двухслойной пленки Sn/Cu по данным атомно-силовой микроскопии. Толщина пленки 200 нм. Пленки напылялись методом термического испарения на установке УВН-3М на стеклянную подложку марки К-8 [2]

Известно, что при увеличении толщины пленки фактор разрыхления пленки ($\delta \sim 1/h$) уменьшается, – тогда, как видно из (12), это должно приводить к росту $T_{кп}$. Для пленок толщиной ~ 200 нм отношение $\frac{d}{h} \sim 7.5\%$, следовательно, это влияние хотя и имеется, но невелико. При уменьшении толщины пленок ($h < 50$ нм) фактор разрыхления необходимо учитывать при оценке температуры контактного плавления.

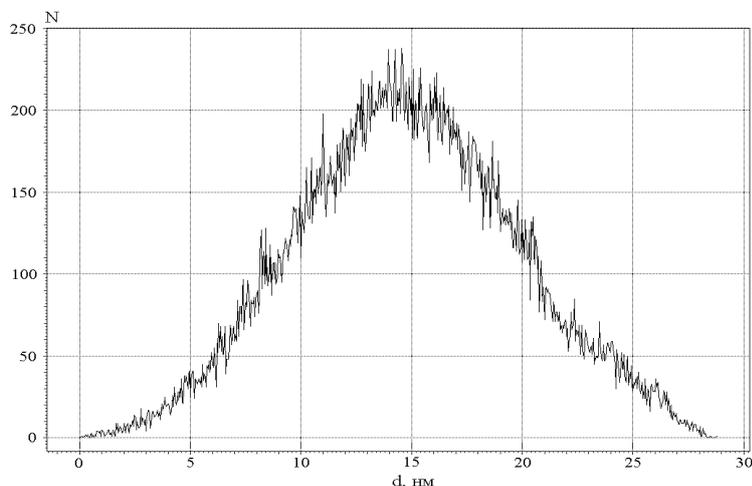

Рис. 3. Гистограмма распределения неровностей поверхности по размерам для двухслойной пленки Sn/Cu. N – число выступов определенной высоты, d – высота выступа

Выводы

В рамках термодинамики поверхностных явлений получены формулы для оценки температуры контактного плавления разрыхленных малых частиц и нанопленок, которые можно применять при размерах (толщинах) более 50 нм, когда можно пренебрегать размерным эффектом теплоты контактного плавления.

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ. Проекты № 2.1.1.11929 и № 16.552.11.7030.

Библиография

1. Макаров Г.Н. Экспериментальные методы определения температуры и теплоты плавления кластеров и наночастиц // УФН. 2010. Т. 180, № 2. С. 1–24.
2. Коротков П.К., Мусуков Р.А., Орквасов Т.А., Созаев В.А. Размерный эффект температуры фазовых превращений в контакте тонких металлических пленок // ЖТФ. 2008. Т. 78. Вып. 3. С. 99–100.
3. Коротков П.К., Орквасов Т.А., Созаев В.А. Размерный эффект контактного плавления металлов // Письма в ЖТФ. 2006. Т. 32. Вып. 2. С. 28–32.
4. Гусев А.И. Наноматериалы, наноструктуры, нанотехнологии. М.: Физматлит, 2005. 416 с.
5. Стромберг А.Г., Семченко Д.П. Физическая химия. М.: Высш. шк., 1999. 527 с.
6. Задумкин С.Н., Хоконов Х.Б. Зависимость межфазной энергии металла на границе «кристалл – расплав» от размера частиц // Поверхностные явления в расплавах и возникающих из них твердых фазах. Нальчик: Каб.-Балк ун-т, 1965. С. 75–78.
7. Задумкин С.Н., Хоконов Х.Б. Поверхностная энергия тонких металлических пленок // ФММ. 1962. Т. 13. Вып. 5. С. 658–662.
8. Карамурзов Б.С., Коротков П.К., Созаев В.А. О размерной зависимости температуры контактного плавления металлических систем // Межвузовский сб. научных трудов «Физико-химические аспекты изучения кластеров, наноструктур и наноматериалов». Тверь: ТВГУ, 2009. Вып. 1. С. 48–53.
9. Lai S.L., Guo J.V., Petrova V., Ramanath G., Allen L.H. Size-dependent melting nanocalorimetric measurements // Phys. Rev. Lett. 1996. V. 77. P. 99–102.

ПОТЕРИ ЭНЕРГИИ ФОТОЭЛЕКТРОНОВ НА ВОЗБУЖДЕНИЕ ФОНОННЫХ СТЕПЕНЕЙ СВОБОДЫ В КРИСТАЛЛАХ ГАЛОГЕНИДА СЕРЕБРА

Ципинова А.Х., Азизов И.К., Карданова З.И.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

kocev.isuf@mail.ru

В работе проведен анализ механизма формирования центров скрытого изображения в микрокристаллах галогенида серебра. Рассматривается механизм потери энергии фотоэлектронов на возбуждение фононных степеней свободы в кристаллах галогенида серебра. Получена зависимость длины пробега фотоэлектронов от его начальной энергии.

Ключевые слова: центры скрытого изображения, скрытое изображение, фоточувствительный, примесный центр, фонон, фотоэлектрон, фононные степени свободы.

LOSSES OF ENERGY OF PHOTOELECTRONS ON EXCITATION OF PHONON DEGREES OF FREEDOM IN SILVER HALOGENIDE CRYSTALS

Cipinova A.Kh. Azizov I.K., Kardanova Z.I.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

The analysis of the mechanism of formation of centers of the latent image in silver halogenide microcrystals has been performed. The mechanism of losses of energy of photoelectrons on excitation of phonon spectra in silver halogenide crystals has been considered. The dependence of the free-path of photoelectrons on their initial energy has been derived.

Key words: centers of the latent image, the latent image, photosensitive, extrinsic center, phonon, photoelectron, phonon degrees of freedom.

Галогениды серебра ($AgHal$) на сегодняшний день остаются основой фоточувствительных материалов. Несмотря на большое количество работ [1–4], посвященных механизму образования и роста центров скрытого изображения (ЦСИ), до сих пор нет общепринятых концепций по этому вопросу.

Сложность данной задачи заключается в необходимости рассмотрения взаимодействия между собой электронной и ионной подсистем кристаллической решетки в присутствии дефектов и примесных центров, т.к. одним из основных условий образования скрытого изображения (СИ) в МК $AgHal$ является достаточно большое число подвижных ионов серебра и свободных электронов.

Освещение вызывает в МК внутренний фотоэффект, т.е. появление свободных электронов, перемещающихся в пределах МК. Если электроны захватываются межузельными атомами серебра Ag_n , то появляется $[Ag_n]^+$, которое притягивает к себе ион Ag^+ , и начинается рост ЦСИ по механизму Герни – Мотта (рис. 1).

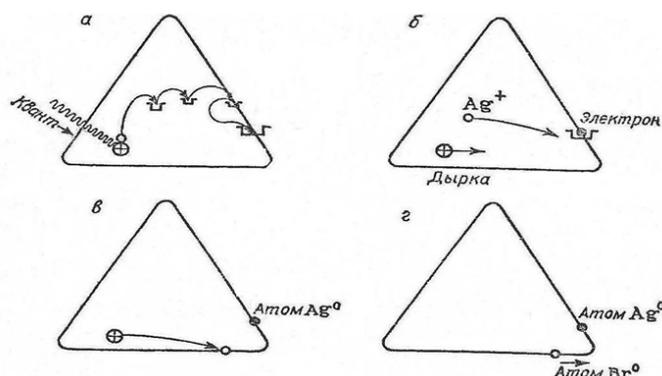

Рис. 1. Схема последовательных стадий образования единичных атомов фотолитического серебра и фотолитического брома, т.е. схема зарождения скрытого изображения

Следовательно, для формирования ЦСИ фотоэлектроны должны обладать достаточной энергией, чтобы диффундировать к местам образования ЦСИ.

Диссипация энергии электрона происходит за счет возбуждения электронных и фононных степеней свободы.

Механизм потери энергии электрона при взаимодействии с электронной подсистемой *AgHal* рассмотрен нами в работе [4]. В данной работе рассматриваются энергетические потери фотоэлектронов при возбуждении фононных степеней свободы.

В гетерополярном полупроводнике атомы решетки обладают отличным от нуля эффективным зарядом. В результате этого оптические колебания решетки сопровождаются колебаниями дипольного момента, т.е. колебаниями вектора поляризации среды. Это приводит к изменению энергии электрона по сравнению с покоящейся решеткой, которое не связано непосредственно с потенциалом деформации. Электроны в ионном кристалле гораздо сильнее взаимодействуют с оптическими, чем с акустическими колебаниями. Это связано с тем, что электроны сильно взаимодействуют с дипольными моментами, возникающими в кристаллических ячейках при оптических колебаниях разноименно заряженных ионов. Для расчета потерь на возбуждение продольных поляризационных колебаний рассмотрим кристалл *AgHal* с кубической решеткой типа *NaCl*. Если a – расстояние между ближайшими ионами Ag и Br , то элементарная ячейка объемом $\Omega_0 = 2a^3$ содержит два иона Ag^+ и Br^- с массами m_1, m_2 соответственно. Спектр колебаний обладает тремя акустическими и тремя оптическими ветвями. Смещение k -го атома в n -й ячейке выразим через нормальные координаты a_{qj} в виде:

$$\bar{u}_n(k) = \frac{1}{\sqrt{N}} \sum_{qj} \bar{e}_{qjk} (a_{qj} e^{iq\bar{a}_n} + a_{qj}^* e^{-iq\bar{a}_n}), \quad (1)$$

где $k = 1; 2$ соответственно для положительных и отрицательных ионов, N – число ячеек, $V = N \cdot \Omega_0$, \bar{e}_{qjk} – поляризационные векторы, удовлетворяющие условиям:

$$m_1 \bar{e}_{qj}^1 + m_2 \bar{e}_{qj}^2 = 0; \quad m_1 (\bar{e}_{qj}^1)^2 + m_2 (\bar{e}_{qj}^2)^2 = m_1 + m_2. \quad (2)$$

Выберем поляризационные векторы в виде:

$$\bar{e}_{qj}^1 = \sqrt{\frac{m_2}{m_1}} \bar{i}_j; \quad \bar{e}_{qj}^2 = -\sqrt{\frac{m_1}{m_2}} \bar{i}_j, \quad (3)$$

где \bar{i}_j – единичный вектор для данной поляризации. Дипольный момент, возникающий в объеме элементарной ячейки Ω_0 , равен геометрической сумме смещений ионов, умноженных на их заряды. Вектор поляризации в длинноволновом пределе можно считать непрерывной функцией радиус-вектора

$$\bar{P}(\bar{r}) = \frac{Ze}{\Omega_0} [\bar{u}^1(\bar{r}) - \bar{u}^2(\bar{r})] = \frac{Ze}{\Omega_0} \frac{1}{\sqrt{N}} \frac{m_1 + m_2}{\sqrt{m_1 m_2}} \sum_{qj} \bar{i}_j (a_{qj} e^{iq\bar{r}} + a_{qj}^* e^{-iq\bar{r}}). \quad (4)$$

Для нахождения электростатического потенциала, появляющегося при поляризации решетки, нужно решить уравнение Пуассона $\Delta\varphi = -4\pi\rho$, где плотность связанного заряда равна $\rho = -div\bar{P}$. Решение уравнения Пуассона имеет вид:

$$\varphi = -i \frac{4\pi Ze}{\Omega_0 \sqrt{N}} \frac{m_1 + m_2}{\sqrt{m_1 m_2}} \sum_{\bar{q}} \frac{1}{q} (a_{\bar{q}} e^{iq\bar{r}} - a_{\bar{q}}^* e^{-iq\bar{r}}). \quad (5)$$

Для определения вероятности перехода электрона $\bar{k} \rightarrow \bar{k}'$ при рассеянии на поляризационных волнах в первом борновском приближении достаточно вычислить матричный элемент возмущающего потенциала $V = -e\varphi$ между начальным $|i\rangle$ и конечным $|f\rangle$ состояниями системы, где $|i\rangle = |N_q, \bar{k}\rangle$, $|f\rangle = |N'_q, \bar{k}'\rangle$. Матричные элементы перехода имеют вид:

$$\langle N'_q, \bar{k}' | -e\varphi | N_q, \bar{k} \rangle = \pm i \frac{4\pi Ze^2}{\Omega_0 \sqrt{N} M q} \frac{1}{q} \sqrt{\frac{h}{2\omega_q}} \begin{cases} \sqrt{N_q}, \\ \sqrt{N_q + 1}, \end{cases} \quad \text{для } N'_q = N_q - 1; N'_q = N_q + 1, \quad (6)$$

где $M = \frac{m_1 m_2}{(m_1 + m_2)}$ – приведенная масса ионов. Вероятность перехода электрона $\bar{k} \rightarrow \bar{k}'$, связанная с поглощением W^+ и испусканием фотона W^- , равна:

$$W_{\vec{k},\vec{k}'}^+ = w(q)N_q\delta(\varepsilon_{\vec{k}+\vec{q}} - \varepsilon_{\vec{k}} - h\omega_q) \quad (7)$$

$$W_{\vec{k},\vec{k}'}^- = w(q)(N_q + 1)\delta(\varepsilon_{\vec{k}-\vec{q}} - \varepsilon_{\vec{k}} + h\omega_q), \quad (8)$$

где

$$w(q) = \frac{(2\pi)^3 Z^2 e^4}{NM a^6 \omega_q q^2}. \quad (9)$$

Потери энергии в единицу времени можно выразить через вероятность перехода

$$\frac{dE}{dz} = \sum_q h\omega_q w(q) \{ N_q \delta(\varepsilon_{k+q} - \varepsilon_k - h\omega_q) - (N_q + 1) \delta(\varepsilon_{k-q} - \varepsilon_k + h\omega_q) \}, \quad (10)$$

где

$$M = \frac{m_{Ag} m_{Br}}{(m_{Ag} + m_{Br})},$$

N – число ячеек основной области кристалла $V = 2a^3 N$; a – расстояние между ближайшими атомами Ag^+ и Br^- ; N_q – число фононов с импульсом \vec{q} ; ω_q – их частота;

$$\varepsilon_k = \frac{h^2 k^2}{2m^*}; \quad \varepsilon_{k\pm q} = \varepsilon_k \pm h\omega_q.$$

Потери энергии электронов на возбуждение продольных оптических колебаний dE/dz показаны на рис. 2. Зависимость длины пробега фотоэлектрона до термализации на фоновой подсистеме представлена на рис. 3.

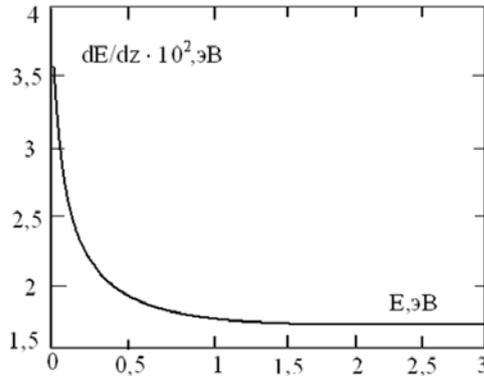

Рис. 2. Энергетические потери dE/dz электронов на возбуждение продольных оптических фононов в $AgBr$ в зависимости от энергии фотоэлектронов

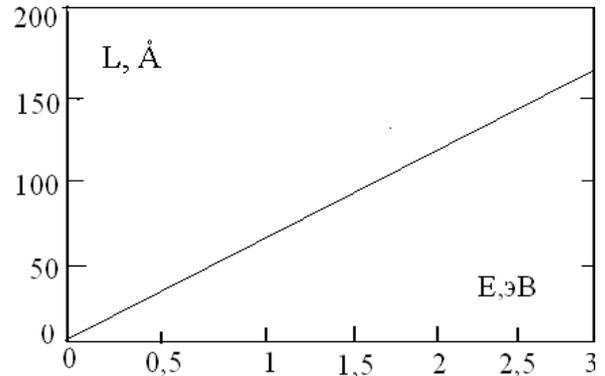

Рис. 3. Длина пробега фотоэлектронов до их термализации на фоновой подсистеме

Полученные результаты показывают, что основным механизмом потерь энергии фотоэлектрона является возбуждение продольных оптических колебаний решетки $AgHal$.

Библиография

1. Джеймс Т.Х. Теория фотографического процесса. Л.: Химия, 1980. 672 с.
2. Мейкляр П.В. Физические процессы при образовании скрытого фотографического изображения. М.: Наука, 1972. 430 с.
3. Бугаев А.А., Михайлов В.Н., Стаселько Д.И., Тихомиров С.А. Оптическое детектирование наносекундных процессов образования свободных носителей и первичных продуктов фотолиза в нанокристаллах $AgBr(I)$ // Оптика и спектроскопия. 2005. Т. 98, № 2. С. 274–281.
4. Ципинова А.Х., Азизов И.К. Энергетические потери фотоэлектронов при взаимодействии с электронной подсистемой в галогенидах серебра // Вестник КБГУ. Серия Физические науки. Вып. 10. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2005.

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 550.34.06.013.3

РЕЗУЛЬТАТЫ СЕЙСМИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ В РАЙОНЕ ЭЛЬБРУССКОГО ВУЛКАНИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Дударов З.И., Шевченко А.В., Кандохов З.М.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

zalim-dudar@yandex.ru, kedr@kbsu.ru, avkbsu@rambler.ru, kan-zaur@mail.ru

В работе представлены результаты наблюдений сейсмической активности в районе Эльбрусского вулканического центра и на прилегающих территориях.

Ключевые слова: сейсмичность, Эльбрусский вулканический центр, сейсмическое событие, сейсмическая станция.

THE RESULTS OF SEISMIC OBSERVATIONS IN THE ELBRUS VOLCANIC CENTER

Dudarov Z.I., Shevchenko A.V., Kandokhov Z.M.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

The results of seismic observations in the Elbrus volcanic center and in surrounding areas are presented.

Keywords: seismicity, Elbrus volcanic center, earthquakes, seismic station.

Работы советских ученых по оценке сейсмической опасности для Северного Кавказа, проведенной на базе кластерного анализа комплекса геолого-геофизических и сейсмологических данных, показали, что в районе Эльбруса имеется потенциальный сейсмический очаг с прогнозируемой максимальной магнитудой ожидаемых землетрясений 7.2 [1]. Кроме того, известные данные о палеосейсмодислокациях в Приэльбрусье и на прилегающих территориях свидетельствуют о том, что в прошлом здесь имели место сильнейшие землетрясения. На протяжении последних 6 тыс. лет территория Кабардино-Балкарии многократно испытывала мощные сейсмические сотрясения. При этом период повторяемости сильнейших землетрясений составлял порядка 1500–1900 лет [1, 2]. Достаточно достоверные исторические данные свидетельствуют о сильном землетрясении (Терское – $43.7 \pm 1^\circ \text{N}$ и $44.7 \pm 1^\circ \text{E}$ с магнитудой 5.3 ± 0.7 и интенсивностью 7 ± 1 баллов), сопровождавшемся многочисленными разрушениями [3].

Республика Кабардино-Балкария, включая г. Нальчик, по карте «Общего сейсмического районирования Северной Евразии» (ОСР-97) [4] входит в 8–9-балльную зону интенсивности сотрясений. Последующие исследования структурно-тектонических условий и сейсмического режима Северного Кавказа [5] позволили установить, что структура региона характеризуется наличием крупных блоков земной коры, ограниченных глубинными разломами. В частности, г. Нальчик расположен на тектоническом блоке вблизи зоны крупного разлома регионального характера. Нальчикский блок характеризуется в целом спокойной тектонической обстановкой, в отличие от района Кавказских Минеральных Вод и горной части Северной Осетии.

Отмеченные особенности региона определяют исключительную актуальность исследований сейсмичности Эльбрусского вулканического центра (ЭВЦ) и территории Кабардино-Балкарии в целом.

Исходя из всего вышесказанного, изучение новейшей вулканической активности на Кавказе, включая в число исследуемых объектов в первую очередь Эльбрусский вулканический центр, и прогнозирование на фоне разномасштабных геофизических событий (землетрясений) возможной его активности является одной из наиболее важных проблем, которая подлежит изучению и относится к первоочередным для ученых-геофизиков, вулканологов, геологов, работающих в данном регионе [6, 7].

Для проведения натуральных экспериментальных исследований, связанных с мониторингом волновых процессов в районе Эльбрусского вулканического центра и прилегающих территорий, с выходом на

прогнозирование возможных сейсмических и вулканических событий, на территории КБР создана и функционирует Северо-Кавказская геофизическая обсерватория (СКГФО) [8].

В состав СКГФО входят лаборатории, находящиеся в двух отдельных камерах Главной штольни Баксанской нейтринной обсерватории Института ядерных исследований на углублении от входа 1500 и 4100 м, и лаборатория в городе Нальчике на территории КБГУ в специально подготовленном заглубленном помещении. В лабораториях установлены мощные бетонные постаменты, отлитые на выходах коренных пород.

В лабораториях в режиме непрерывного мониторинга работают информационно-измерительные системы по изучению различных геофизических полей: прецизионная наклонметрическая станция, трехкомпонентная магнитовариационная станция; индукционный магнитометр; акустические датчики, гравиметрическая станция и оборудование, обеспечивающее контроль климатических параметров [8].

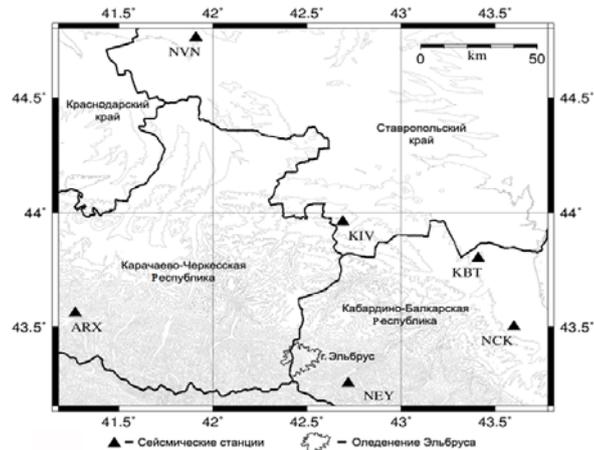

Рис. 1. Размещение сейсмических станций, используемых для изучения землетрясений на территории Эльбрусского вулканического центра

Полноценное развертывание исследований геофизических полей и комплексирование получаемых данных с сейсмическими наблюдениями обеспечивают успешно функционирующие стационарные сейсмические станции на территории Кабардино-Балкарии «Нейтрино» (NEY), «Нальчик» (NCK) и «Куба-Таба» (KBT). В случае необходимости для расшифровки и интерпретации сигналов привлекаются сейсмостанции близлежащих регионов (рис. 1).

Сейсмостанция «Нейтрино» размещена на 40 пикете Главной штольни, где мощность покрывающих пород составляет порядка 2000 м, что обеспечивает работу станции в условиях низкого фона. Станция находится в 24 км от Эльбруса (рис. 2).

Рис. 2. Сейсмостанция «Нейтрино». Код станции – NEY. Географические координаты – 43.27° N, 42.69° E

В работе [9] приведены исследования по изучению спектральной энергетической плотности микросейсмических шумов на постаменте, где установлена станция «Нейтрино». Анализ полученных спектров показал, что в частотном диапазоне 0.1–3 Гц наблюдается очень низкий уровень шумов (рис. 3), приближающийся к минимальному из наблюдающихся в естественных условиях согласно модели Дж. Петерсона [10].

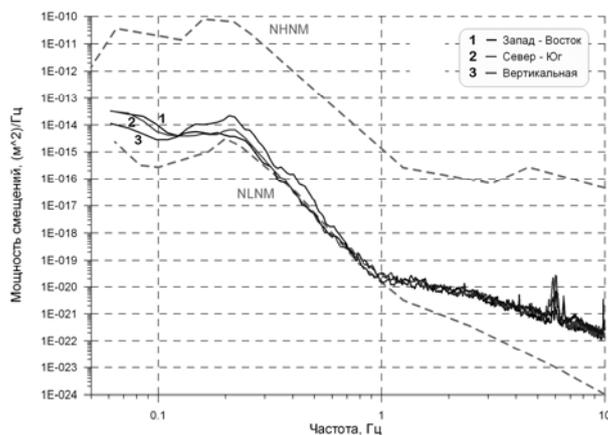

Рис. 3. Спектральная энергетическая плотность микросейсмических шумов на постаменте, где установлена сейсмическая станция «Нейтрино»

В состав оборудования сейсмостанции «Нейтрино» входят [9]: цифровая трехканальная сейсмо-станция UGRA, комплект из трех сейсмических датчиков СМ-3КВ (NS, EW и Z-компоненты), GPS-приемник (TTS v.4.0, НПО «Геотех») и блок автономного питания. Широкополосная цифровая сейсмическая станция UGRA позволяет проводить региональные и телесеизмические наблюдения в стационарных условиях, обеспечивает работу в автономном режиме, а также удаленный доступ к данным и управление станцией по различным телекоммуникационным каналам.

На станции «Нейтрино» установлена частота квантования выходного сигнала 50 отсчетов в секунду. Чувствительность станции 7.4×10^{-10} м/с/отсчет в диапазоне частот 0.5–20 Гц, что обеспечивает динамический диапазон сигнала порядка 130 Дб.

Сейсмостанция «Нальчик» находится в лаборатории № 3 Северо-Кавказской геофизической обсерватории (рис. 4), в подвальном помещении на территории города, поэтому сигналы намного зашумлены по сравнению со станцией «Нейтрино».

Рис. 4. Сейсмическая станция «Нальчик». Код станции – NCK.
Географические координаты – 43.49° N, 43.59° E

Обработка сейсмических событий производится программным комплексом Windows Seismic Grafer (WSG). Разработчиком данного пакета является Геофизическая служба РАН. Он используется на сейсмических станциях и информационно-обрабатывающих центрах [11]. Пакет позволяет определить основные параметры зарегистрированных землетрясений как по данным одной станции, так и с привлечением данных других станций. Пакет программ имеет русскоязычный интерфейс и может работать под управлением широко распространенных ОС Windows. Программный модуль WSG работает с данными, предварительно занесенными в виртуальную петлю сейсмических записей, преобразованных во внутренний формат WSG. Для этого в WSG включены программы-утилиты, позволяющие конвертировать непрерывные сейсмические записи различных форматов в формат WSG [11].

Программа имеет 4 основных рабочих окна (рис. 5): «Волновые формы», «Карта», «Список фаз», «Процессор обработки сигналов» и несколько диалоговых вспомогательных, открывающихся при выделении одноименных разделов в меню «Функции».

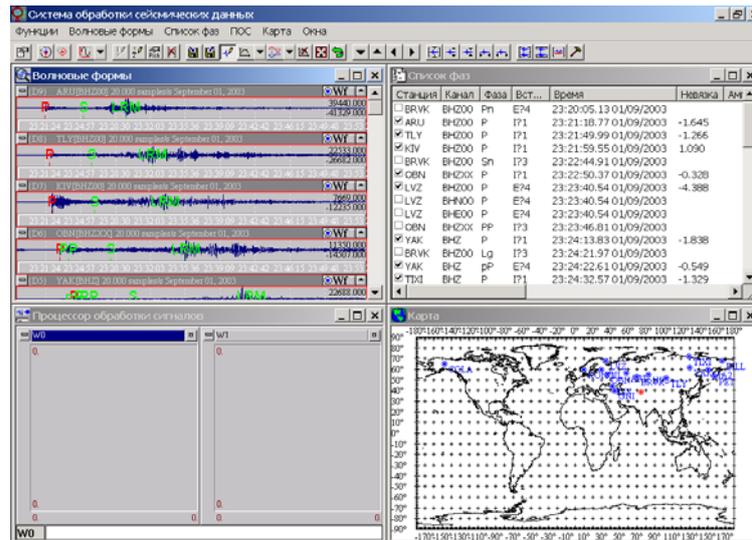

Рис. 5. Рабочие пространства программного комплекса WSG

Окно «Волновые формы» предназначено для обработки записей событий и функционально связано со всеми процедурами, необходимыми для выделения времени вступлений сейсмических фаз и их динамических характеристик, а также азимута со станции на эпицентр и ориентировочного эпицентрального расстояния. Окно «Карта» служит для визуализации расположения сейсмических станций и результатов обработки сейсмических записей как в виде линий азимутального направления, вычисленного по записи каждой станции, так и в виде окружностей с радиусом, равным эпицентральному расстоянию от каждой станции. В окне «Список фаз» отображаются численные значения времени вступлений всех фаз и других параметров, полученных при обработке записей всех сейсмических станций, визуализированных на экране. Окно «Процессор обработки сигналов» представляет собой инструмент, позволяющий применять отдельные математические функции с целью преобразования сигналов для их детального исследования и коррекции, например, спектрального исследования с помощью быстрого преобразования Фурье и сравнительного анализа как записей сейсмических волн, так и их спектров.

Процедура обработки сейсмических событий включает: занесение цифровых записей сейсмических станций в базу данных WSG, выделение моментов вступления фаз, определение азимуты, угла выхода, максимальных амплитуд сейсмических волн, значений их периодов, магнитуд, оценку расстояния до эпицентра и времени возникновения сейсмического события.

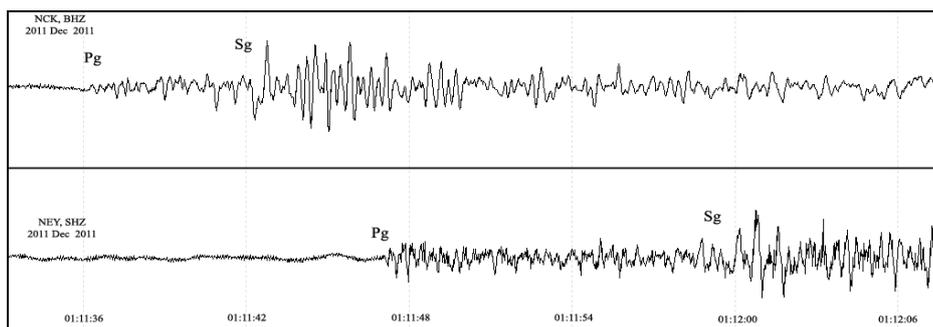

Рис. 6. Запись землетрясения в Кабардино-Балкарии 02.12.2011 г. сейсмическими станциями «Нальчик» (вверху) и «Нейтрино» (внизу)

2 декабря 2011 г. в 01:11 по Гринвичу произошло ощутимое землетрясение с магнитудой 3.1 в Прохладненском районе республики, в 3.2 км южнее селения Карагач. Цифровые записи данного события на станциях «Нейтрино» и «Нальчик» представлены на рис. 6.

После детального анализа сейсмических данных последних лет с сейсмических станций, описанных выше, и данных из региональных каталогов построена карта эпицентров сейсмических событий Эльбурского вулканического центра и прилегающих территорий в двух- и трехмерном представлениях (рис. 7 и 8).

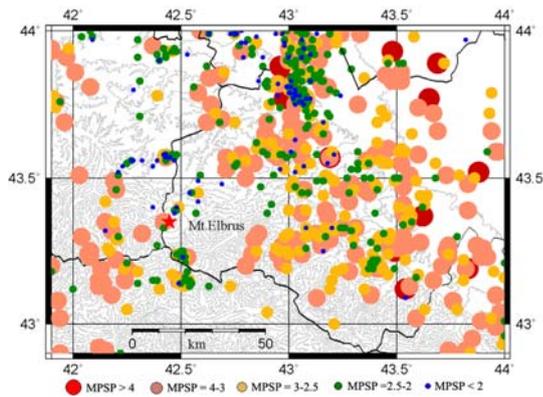

Рис. 7. Карта эпицентров сейсмических событий в 2007–2011 гг., зарегистрированных в районе Эльбрусского вулканического центра и на прилегающих территориях

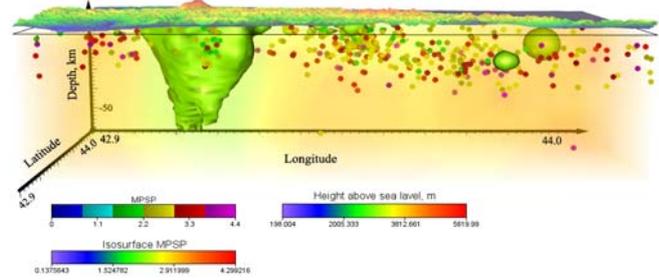

Рис. 8. Пространственное распределение сейсмичности в районе ЭВЦ с изоповерхностью при $MPSP=2.2$

Таким образом, показано, что пространственное распределение сейсмичности в районе Эльбрусского вулканического центра и на прилегающих территориях характеризуется существенной неоднородностью, вызванной как особенностями геофизической среды изучаемого региона, так и техническими возможностями измерительной сети ГС РАН. Наличие области, в которой отсутствуют регистрируемые события, расположенной непосредственно в районе вулканической постройки Эльбруса, может быть обусловлено локальными магматическими структурами. Наличие магматических структур, в свою очередь, должно сопровождаться постоянной слабой вулканической сейсмичностью с характерными волновыми формами. Следовательно, необходимо расширять сеть инструментальных сейсмологических наблюдений на вулканической постройке и в ее ближайших окрестностях.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2013 гг. (государственный контракт № 14.518.11.7051 от 19 июля 2012 г.)».

Библиография

1. Рогожин Е.А. и др. Геодинамика, сейсмоструктура и вулканизм Северного Кавказа / под ред. акад. Н.П. Лаверова. М.: ОИФЗ РАН, 2001. 336 с.
2. Богатиков О.А., Рогожин Е.А., Гурбанов А.Г. и др. Древние землетрясения и вулканические извержения в районе Эльбруса // Доклады РАН. 2003. Т. 390, № 4. С. 12–23.
3. Новый каталог сильных землетрясений на территории СССР с древнейших времен до 1975 г. М.: Наука, 1977. 535 с.
4. Уломов В.И., Шумилина Л.С. Комплект карт общего сейсмического районирования территории Российской Федерации – ОСР-97. Масштаб 1:8000000. Объяснительная записка и список городов и населенных пунктов, расположенных в сейсмоактивных районах. М.: ИФЗ РАН, 1999. 57 с.
5. Горшков Г.П. Региональная сейсмоструктура территории юга СССР. М.: Наука, 1984.
6. Собисевич А.Л. Избранные задачи математической геофизики и вулканологии. М.: ИФЗ РАН, 2010. 464 с.
7. Масуренков Ю.П., Собисевич А.Л., Комкова Л.А., Лаверова Н.И. Флюидно-магматические системы Северного Кавказа. М.: ИФЗ РАН, 2010. 280 с.
8. Собисевич А.Л., Гриднев Д.Г., Собисевич Л.Е., Канониди К.Х. Аппаратурный комплекс Северо-Кавказской геофизической обсерватории // Сейсмические приборы. 2008. Т. 44. С. 12–25.
9. Маловичко А.А., Мехрюшев Д.Ю., Горожанцев А.В., Шевченко А.В. Новая сейсмическая станция на территории Кабардино-Балкарии // Сейсмические приборы. 2011. Т. 47, № 1. С. 68–74.
10. Peterson J. Observation and modeling of seismic background noise // U.S. Department of Interior, Geological Survey. Open-File Report 93–322. 1993. 91 p.
11. Акимов А.П., Пойгина С.Г., Красилов С.А. Функциональные возможности программы WSG: руководство пользователя. Обнинск, 2003. 72 с.

УДК 551.515.4

ОЦЕНКА ЧИСЛА ДНЕЙ С ГРОЗОЙ НА ОСНОВЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГРОЗОРЕГИСТРАТОРА LS8000

Князева З.М.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

zalina_86@mail.ru

При обработке результатов метеорологических наблюдений принято регулярно подсчитывать число дней с различными явлениями (дождем, снегом, туманом, росой и т.д.), а также число дней с грозой. В данной работе рассматривается один из возможных способов получения уравнения для расчета числа дней с грозой на основе инструментальных наблюдений с использованием грозорегистратора LS8000. Способ основан на взаимосвязи между площадью территории и вероятностью регистрации гроз в течение года.

Ключевые слова: число дней с грозой, грозорегистратор, климатические характеристики, грозовой фронт, инструментальные наблюдения, разряды молнии.

ESTIMATION OF NUMBER OF DAYS WITH A THUNDERSTORM ON THE BASIS OF INSTRUMENTAL SUPERVISIONS WITH USE REGISTRAR OF THUNDERSTORMS LS8000

Knyazeva Z.M.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

At processing of results of meteorological supervision it is accepted to count up regularly number of days with the various phenomena (a rain, snow, a fog, dew etc.), together with number of days with a thunder-storm. In this work it is considered, from possible ways to reception of the equation for calculation of number of days with a thunder-storm on the basis of tool supervision with use registrar of thunderstorms LS8000. The way is based on interrelation between the area of territory and probability of registration of thunder-storms within a year.

Key words: number of days with a thunder-storm, the registrar of thunder-storms, climatic characteristics, storm front, tool supervision, discharge of lightning.

Гроза является одним из наиболее опасных метеорологических явлений. Оперативное определение ее местоположения, интенсивности, направления и скорости перемещения имеет большое практическое значение для многих отраслей хозяйственной деятельности человека, в частности, для метеорологического обеспечения авиации, молниезащиты энергетических объектов и др. [1].

Основными характеристиками гроз являются число дней с грозой и повторяемость гроз. Убывание числа гроз от низких широт к высоким связано с убыванием водности облаков, с широтой, с убыванием температуры. В большинстве случаев данные о числе дней с различными метеорологическими явлениями представляют собой климатическую характеристику территории [2]. Некоторые из этих характеристик представляют особый интерес для решения научно-практических задач. К ним относится и число дней с грозой в году.

В тропиках и субтропиках грозы чаще всего наблюдаются в дождливый период. В умеренных широтах над сушей наибольшая повторяемость гроз бывает летом, когда сильно развивается конвекция в местных воздушных массах. Зимой грозы в умеренных широтах очень редки. Но над океаном грозы, возникающие в холодных воздушных массах, нагреваемых снизу от теплой воды, имеют максимум повторяемости зимой. На крайнем западе Европы (Британские острова, побережье Норвегии) также часты зимние грозы.

До сих пор основным источником информации о грозах являются визуально-слуховые наблюдения, которые производятся на метеорологических станциях, входящих в состав служб штормового оповещения [3]. Радиус сбора информации о грозах на таких станциях составляет от 10 до 20 км (в зависимости от их местоположения и интенсивности грозовых процессов).

Данная характеристика является достаточно распространенным климатическим показателем. В отношении грозовых явлений на различных территориях обычно ограничиваются сведениями о числе дней с грозой в год или в месяц, приводя их только для пункта наблюдения [4, 5]. Лишь в отдельных работах [6–8] указывается число дней с грозой для ограниченной площади.

Б.И. Дивинская [7] на основе анализа сведений о грозах в районе Ленинграда и Калинина пришла к выводу, что вероятность появления гроз на ограниченной территории P может быть рассчитана по формуле:

$$P = 1 - e^{-x}, \quad (1)$$

где $x = \frac{2T_0 r}{3Nr_0}$; T_0 – число дней с грозой в пункте наблюдения; r – радиус площади, для которой определяется величина P ; N – число дней в месяце; r_0 – предельное расстояние обнаружения гроз наблюдателем.

Число дней с грозой на территории украинского экспериментального метеорологического полигона можно рассчитать по формуле:

$$T = 26 + IgS, \quad (2)$$

где S – площадь, км²; 26 – среднее многолетнее число дней с грозой в пункте Кривой Рог, находящемся в центре полигона.

Приведенное выражение (2) получено на основе наблюдений на метеостанциях украинского экспериментального метеорологического полигона визуально-слуховым методом, поэтому их достоверность требует уточнения.

В данной работе рассматривается один из возможных подходов к получению уравнения для расчета числа дней с грозой на основе инструментальных наблюдений с использованием грозорегистратора LS8000 – высокопродуктивного устройства для регистрации не только климатических характеристик о грозах, но и параметров разрядов молний. Данные инструментальных наблюдений за грозами позволяют за сравнительно небольшой период времени получить основные характеристики и особенности распределения грозоразрядной деятельности на значительной территории. При этом некоторые характеристики (например, интенсивность гроз на площади, поражаемость территории молниями и другие) можно получить только с помощью инструментальных наблюдений.

В работе рассматривается один из возможных способов косвенной оценки числа дней с грозой на ограниченной территории. Способ основан на взаимосвязи между площадью территории и вероятностью регистрации гроз в течение года. Для такого анализа были использованы инструментальные регистрации числа дней с грозой с использованием грозорегистратора LS8000 и данные метеостанций по территории европейской части России. Территория сбора грозо-разрядной информации системой LS8000 ограничена периметром 2250 км (рисунок) и составляет площадь 400000 км².

Рисунок. Территория сбора и регистрации грозоразрядной информации (обозначения на рисунке: _____ границы инструментальных наблюдений с использованием грозорегистратора LS8000 и метеорадиолокатора МРЛ-5; – различными цветами разделены республики Северного Кавказа; – местоположение датчиков грозорегистратора)

За 2009–2010 гг. система зарегистрировала 465 дней с грозовыми процессами, в том числе 250 дней в 2009 г. и 215 дней в 2010 г. Анализируемые годы являются годами средней грозовой активности. При этом грозовая активность по территории неравномерна.

Наибольшее число дней с грозой в году, согласно данным метеостанций, имеет место на юге (40–50 дней); наименьшее число дней с грозой в году – на севере (25–30 дней). Поэтому не представляется

возможным однозначный переход от грозовой активности в пункте наблюдений (метеостанции) к грозовой активности ограниченной территории. В связи с этим корреляцию между площадью территории и среднегодовым числом дней с грозой на территории трудно представить в виде одного выражения.

Используя данные о числе дней с грозой по регистрациям грозорегистратора LS8000 за 2009–2011 гг., мы получили выражение, связывающее площадь территории S и число дней с грозой в году, в виде:

$$\lg S = -37,9 + 39,5 \lg T - 8,9 (\lg T)^2, \quad (3)$$

где S – площадь территории в км²;

T – дни с грозой.

Из выражения (3) можно получить:

$$\lg T = 2,22 - \sqrt{0,67 - 0,112 \lg S}. \quad (4)$$

Выражение (3) было нами проверено для территории Ростовской области, для которой были собраны также значения числа дней с грозой в году по данным метеостанций и грозорегистратора LS8000 (табл. 1).

Таблица 1

Число грозовых дней на территории Ростовской области, зарегистрированных системой грозорегистрации LS8000

Период	Количество дней с грозой
2008 г.	
Июль	2
Август	14
Сентябрь	8
Октябрь	4
Всего	28
2009 г.	
Март	2
Апрель	3
Май	13
Июнь	18
Июль	20
Август	17
Сентябрь	12
Октябрь	3
Ноябрь	1
Всего	89
2010 г.	
Апрель	3
Май	21
Июнь	12
Июль	19
Август	10
Сентябрь	6
Октябрь	1
Всего	72
2011 г.	
Май	16
Июнь	23
Июль	18
Август	10
Сентябрь	13
Всего	80
Общий итог	269

Сравнение значений числа дней с грозой в год по инструментальным наблюдениям и по данным метеостанций показывает их значительные расхождения. Так, если по данным отдельной метеостанции Ростовской области среднее число дней с грозой в год составляет 25–36 дней, по данным LS8000 в те же годы зарегистрированы от 72 до 89 дней с грозой. Такое различие обусловлено двумя факторами:

- 1) ограниченностью визуально-слухового метода регистрации гроз на метеостанциях;
- 2) развитием грозовых процессов на ограниченных территориях Ростовской области.

Данные о среднестатистических значениях числа дней с грозой в году по данным метеостанций и истинные значения дней с грозой по всей территории Ростовской области не совпадают. Поскольку мы рассматриваем всю территорию Ростовской области как единое целое, то необходимо учитывать, что

грозовые фронты имеют тенденцию к перемещению, и зачастую одно наблюдаемое грозовое событие фиксируется метеостанцией лишь в зоне покрытия этой метеостанции.

При подсчете грозовых дней по территории Ростовской области было выявлено количество грозовых дней по наблюдениям метеостанций следующим образом: мы отмечаем дни как грозовые в каждом месяце, если хотя бы одной из рассматриваемых метеостанций была зафиксирована гроза.

В итоге по информации, полученной за период с 01.01.2008 по 30.09.2011 гг., было зафиксировано 338 грозовых дней. В 2008 году было зафиксировано 89 грозовых дней, в 2009 – 79, в 2010 – 86, в 2011 – 84. Сводная информация о количестве грозовых дней приведена в табл. 2.

Таблица 2

Сводная информация о количестве грозовых дней по Ростовской области

Месяц	Количество дней с грозой за период с 2008 по 2011 гг.			
	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Январь	0	0	1	0
Февраль	0	0	0	0
Март	3	1	0	0
Апрель	9	0	4	2
Май	20	14	26	15
Июнь	18	15	14	22
Июль	17	19	19	18
Август	12	16	9	13
Сентябрь	8	12	10	14
Октябрь	1	2	1	0
Ноябрь	0	0	2	0
Декабрь	1	0	0	0
ВСЕГО	89	79	86	84

Сравнительный анализ показывает, что экстремум средних значений параметров грозовой активности в целом по Ростовской области за рассматриваемый период приходится на май–июнь.

Сравнение данных табл. 1 и 2 показывает максимальное совпадение данных LS8000 с данными всех метеостанций по подсчету числа дней с грозой по Ростовской области. Различия в их значениях не превышают 10 %.

Площадь Ростовской области составляет 100 800 квадратных километров. Подставив это значение в выражение (3), получим значение числа дней с грозой в году на данной территории, равное 80, близкое к значению, полученному с использованием грозорегистратора LS8000.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации согласно государственному контракту № 16.518.11.7102 от 28 октября 2011 г.

Библиография

1. Наставление по метеорологическому обеспечению гражданской авиации (НМОГА-73). М.: Гидрометеоздат, 1973. 137 с.
2. Справочник по опасным природным явлениям в республиках, краях и областях РФ / под ред. К.Ш. Хайруллина. СПб.: Гидрометеоздат, 1997. 588 с.
3. Колоколов В.П. Некоторые особенности разрядной деятельности гроз в средних широтах // Труды ГГО, 1965. Вып. 177. С. 13–22.
4. Чуваев А.П., Шварц В.Т. Влияние физико-географических условий на формирование гроз в районах Чувашского плато и Мордовской возвышенности // Труды ГГО, 1977. Вып. 389. С. 123–132.
5. Аджиев А. Х., Богаченко Е.М. Грозы Северного Кавказа. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2011. 151 с.
6. Дивинская Б.И. К вопросу о методике определения частоты гроз в пункте и на ограниченных площадях // Труды ГГО. 1964. Вып. 159. С. 79–84.
7. Лебедев А.Н. Вероятность гроз на ограниченных участках территории // Труды ГГО. 1957. Вып. 74. С. 61–70.
8. Бабиченко В.Н., Кобзистый П.И. О грозовой деятельности на экспериментальном метеорологическом полигоне // Труды Укр. НИГМИ. 1969. Вып. 82. С. 138–144.

УДК 528.81: (535.33+535.34):(631.41+631.44) (021.4) (479.24-234.9)

ВЛИЯНИЕ ГЕОДИНАМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ЭКОТУРИЗМА В ВЫСОКОГОРЬЯХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЧАСТИ БОЛЬШОГО КАВКАЗА

Марданов И.И.

Сумгаитский государственный университет

geography.sumqayit@mail.ru

В этой работе были проанализированы возможности развития экотуризма в высокогорьях азербайджанской части Большого Кавказа, отличающихся сложными геоморфологическими, климатическими и ландшафтными условиями. Работа была осуществлена на основе обработки данных полевых и камеральных изысканий, позволивших выявить главные различия природных факторов на отдельных территориях данной физико-географической области. Эти факторы в той или иной степени воздействуют на развитие горного экотуризма, в том числе и на размещение туристических объектов на отдельных массивах южного склона Главного Кавказского хребта, в том числе на его юго-восточном склоне.

Ключевые слова: туристический, большой Кавказ, склон, бизнес, хребет, высокогорные, развитие, процесс.

THE INFLUENCE OF GEO DYNAMIC SITUATION TO THE DEVELOPMENT OF ECO TURIZM IN MOUNTAINOUS OF AZERBAIJANIAN PART OF GREAT CAUCASUS

Mardanov I.I.

Sumgait State University

In this article have been analyzed the possibilities of the development of eco turizm in the high-mountainous of azerbaijanian part of Great Caucasus which are remarkable for complicated natural conditions and social and economical situation. This work has been made on the base of treatment of data of field and cameral research which have allowed us to find the main differences of natural factors in the different territories of this physical geographical region having influence to the development of the mountainous eco tourism for make the natural preventing measures.

Key words: touristic, great Caucasus, slope, business, range, high-mountainous, development, process

Введение. Высокогорья азербайджанской части Большого Кавказа представляют собой уникальный, еще не до конца оцененный с точки зрения использования в рекреационных целях сложный природный регион, исследованию природных условий которого посвящены работы многих отечественных и иностранных исследователей [1, 2]. Проблема развития туристической отрасли в данном регионе с каждым годом приобретает все более актуальный характер из-за увеличения потока людей, прибывающих сюда в целях проведения отдыха с различной продолжительностью, а также приезжающих для организации бизнеса. По этой причине возникает необходимость оценки устойчивости всех природных комплексов данной территории к антропогенному воздействию и разработки мер по их защите и улучшению. Это может иметь экономический эффект, так как расширение используемых после проведения необходимых мероприятий территорий может дать и государству, и частным предпринимателям еще большие доходы.

Объекты и методы исследований. Высокогорья Большого Кавказа в пределах Азербайджанской Республики представляют собой достаточно узкую полосу, охватывающую склоны и отроги Главного Кавказского и Бокового хребтов с общей протяженностью с северо-запада на юго-восток. Центральная часть Главного Кавказского хребта отличается наиболее высокими вершинами и преобладанием склонов с очень большой крутизной. Юго-восточный и северо-восточный склоны Главного Водораздельного хребта и Боковой хребет характеризуются уменьшением уклонов, но не меньшим проявлением различных природно-разрушительных процессов, накладывающих отпечаток на жизнь местного населения и в целом на ресурсный потенциал региона. Такая крутизна является важной предпосылкой различных геодинамических процессов, представляющих как научный, так и познавательный интерес для отечественных и иностранных любителей горной природы.

Проблеме рационального землепользования и экологической безопасности в высокогорной части Большого Кавказа всегда уделялось большое внимание географами, ботаниками, почвоведом, геологами и т.д. в период исследований в данном регионе. В этом направлении осуществлялись анализ морфометрических показателей рельефа, исследование степени подверженности территории гравитационным процессам (оползням, осыпям, россыпям, почвенной эрозии) и оценка интенсивности их развития. На основе анализа карты уклонов склонов были выявлены наиболее благоприятные участки в целях размещения объектов эко-туризма, которые были уточнены с помощью имеющихся почвенно-эрозионных карт масштаба 1:100000 и 1:25000. Территории распространения рыхлообломочного материала осыпей и россыпей, крутосклонные участки и участки активного развития оползневых процессов были идентифицированы нами как экстремальные территории для прохода туристов и строительства туристических объектов. Большую роль в изучении экологической ситуации играли интерпретации аэрокосмических фотоизображений масштаба 1:25000, позволившие выявить пространственную и временную динамику развития различных процессов, влияющих на характер изменения облика и продуктивности ландшафтов, чему посвящены многие научные работы [3, 4]. Большая роль принадлежит сравнительному анализу и обобщению геоморфологических, почвенно-эрозионных и геоботанических карт. Это, в свою очередь, прямо или косвенно позволяет оценить ландшафты отдельных высокогорных массивов с точки зрения возможности организации туристической деятельности, строительства необходимой для этого инфраструктуры.

Полученные результаты. Южный склон Главного Кавказского хребта и в том числе его высокогорная часть, представленная горно-луговой и скально-нивальными ландшафтными зонами наряду с развитием неблагоприятных природно-разрушительных процессов, являются привлекательными для проведения туристических маршрутов из-за наличия как природных, так и исторических памятников [5]. Такие (в основном пешие) проходы могут дать туристам возможность обозреть разнообразие природных условий и последствия природных стихий, являющихся неотъемлемой частью этих природных комплексов.

Работы по развитию туристической индустрии в этом районе осложнены большой крутизной склонов и высокой сейсмичностью, что может приводить к изменению планов строительства в сторону усиления сейсмостойкости, увеличения расходов. Например, территории вокруг поселка Лагич, расположенного на юго-восточном склоне Главного Кавказского хребта и являющегося историко-культурным заповедником с древней архитектурой и развитием различных ремесел, характеризуются распространением оползневого процесса. Оползневые явления не раз были причиной разрушений населенных пунктов и гибели людей, и поэтому работы по созданию зон отдыха на данной территории требуют очень внимательного отношения к геологическому строению и геоморфологическим условиям. Высокая сейсмичность этого массива и других прилегающих территорий, в том числе расположенных к юго-востоку, ставит высокие требования к сейсмостойкости построек.

В качестве характерного оползневого массива можно рассмотреть ландшафтную структуру Диварянского оползня. Диварянский оползень-поток, начинающийся на северо-западном склоне горы Матур, на левом берегу реки Гирдыманчай, стекающий с юго-восточного склона Главного Кавказского хребта на абсолютной высоте 2200 м, протягивается на расстояние 2,9 км до русла Гирдыманчая и завершает свою деятельность на абсолютной высоте 1400 м (рисунок). В амфитеатре и переходной зоне ширина оползня-потока достигает 10–15 м, а на конусе выноса – более 2,5 км. Его оползневые материалы сузили русло Гирдыманчая до 3–5 м. Современный ландшафт оползня сложный и характеризуется наличием трещин, гряд, валов, кустарников, впадин, луж, заболоченных участков и свежих оползневых материалов.

Важной особенностью оползней, прогнозирование которых пока является большой научной проблемой, является то, что они зачастую являются селевыми очагами. Это более характерно для больших речных бассейнов селеносных рек юго-восточного склона Главного Кавказского хребта [6]. Они часто являются причиной повторяемости селей (таблица).

Таблица

Сели оползневого происхождения юго-восточного склона Главного Кавказского хребта и случаи их повторяемости

Селеносные речные бассейны	Длина реки, км		Общая площадь бассейна, км ²			Площадь оползневых массивов	Площадь оползневых массивов в селевых очагах (в %)	Повторяемость оползне-селевых потоков в среднем по годам
	Полная длина	От истока до конуса выноса	Общая площадь бассейна	Выше конуса выноса	Селевые очаги			
Пирсаат	202	87	2280	995	193	189	97,9	3–5
Ахсу	97	28	572	321	96	57	59,4	3–5
Гирдыманчай	88	62	727	451	232	110	47,4	3–5
Геокчай	115	38	1770	687	215	60	27,9	3–5

Рисунок. Диварянский оползень-поток:

1. Свежие оползневые материалы, сильноэродированные участки на обрывистых, крутых, сильнорасчлененных долинами и оврагами склонах амфитеатра.
2. Кустарники, оползневые материалы на обрывистых, крутых, средней степени расчлененных оврагами склонах амфитеатра.
3. Свежие оползневые материалы на средней степени расчлененных, крутых склонах переходного участка.
4. Редкие кустарники, свежие оползневые материалы на крутых, слаборасчлененных трещинами склонах конуса выноса.
5. Луги, редкие кустарники на крутых, слаборасчлененных трещинами склонах конуса выноса.
6. Густые кустарники шиповника и т.д. на крутых, слабо- и среднерасчлененных трещинами склонах конуса выноса.
7. Густые кустарники шиповника, боярышника, дубовые и буковые деревья, лужи на слабонаклонных, сильнорасчлененных трещинами склонах конуса выноса.
8. Луги, дубовые и буковые деревья, шиповники, боярышники, можжевельники на слабонаклонных, сильнорасчлененных трещинами и оврагами склонах конуса выноса.

Обычно высокогорные территории отличаются слаборазвитой инфраструктурой, являющейся следствием порочного отношения к высокогорьям как к бесперспективным районам, что приводило и к оттоку трудовых ресурсов из этих регионов. Создание разветвленной дорожной сети является на сегодняшний день обязательным условием развития иностранного туризма, пока носящего локальный характер и охватывающего отдельные массивы Главного Кавказского хребта, например, Габалинский административный район и вышеупомянутый участок юго-восточного склона, расположенного в верхнем течении бассейна реки Гирдыманчай. Необходимо отметить, что геолого-геоморфологические изыскания и строительные работы вокруг поселка Лагич должны охватить и селения, расположенные севернее, выше по течению реки Гирдыманчай, экономически тесно связанные с этим поселком, являющиеся поставщиками для него мясо-молочной продукции. Рано или поздно туристическая индустрия шагнет в эти селения, и поэтому инфраструктурная сеть должна быть к этому приспособленной.

Выводы. Экотуризм имеет большие перспективы развития в данном регионе, который представляет почти «целину» в этом отношении. Это может быть оспорено, но организация такой деятельности до сих пор носит разрозненный характер. Пока отсутствует система оповещения туристов в случае вероятности выпадения ливневых дождей, града, схода оползней, камнепадов и т.д., данная работа может предотвратить многие неприятности пребывания туристов на территории высокогорий, внести коррективы в выбор туристических маршрутов и определение их сроков.

Предполагаемые мероприятия. Активное вовлечение данной территории в сферу осуществления туристического бизнеса делает необходимым проведение важных мер безопасности, системность которых может предотвратить иногда трагические для туристов последствия небрежного отношения к природной стихии.

Проведение этих мер должно предваряться комплексными полевыми и камеральными исследованиями в целях геодинамической оценки окружающего ландшафта. Результаты этих исследований могут позволить выделить разные категории горных массивов по степени подверженности природно-разрушительным процессам и их активности.

Опыт показывает, что очень важно проводить регистрацию всех посетителей кемпингов, так как это облегчит поиски пропавших после схода оползней и снежных лавин.

Библиография

1. Мамедов Г.Ш., Юсифов Э.Ф., Халилов М.Ю., Керимов В. Азербайджан: потенциал экотуризма. Т. I. Баку: Гэрб-Шэрг, 2012. 359 с.
2. Будагов Б.А., Ализаде Э.К., Тарихазер С.А. Современные тенденции развития стихийно-разрушительных процессов и оценка экогеоморфологической опасности (на примере южного склона Большого Кавказа) // Научно-практическая конференция «Природно-разрушительные явления Шеки-Закатальского района и экогеографические проблемы развития региона», 9–10 июня. Шеки, 2005. С. 25–28.
3. Марданов И.И. Выявление основных факторов при изучении трансформаций оползневых массивов юго-восточной оконечности Большого Кавказа // Гидрометеорология и экология. Ежеквартальный научно-технический журнал. 2011. № 4. С. 132–143.
4. Марданов И.И., Гаджизаде Ф.М., Алиев Т.А. Исследования главных факторов при изучении трансформаций оползневых ландшафтов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Вып. 2. География, геология. 2012. С. 118–125.
5. Будагов Б.А. Туризм в Азербайджане. Баку: Nafta-Press, 2007. 32 с.
6. Марданов И.Э., Марданов И.И. О распространении селей оползневого происхождения на Юго-восточном Кавказе // Труды Географического общества Азербайджана. Т. XI. Современные географические исследования в Азербайджане. Баку, 2007. С. 62–66.

ХИМИЯ

УДК 544.65

ТЕРМОДИНАМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АЛМАЗОВ С КИСЛОРОДСОДЕРЖАЩИМИ СОЕДИНЕНИЯМИ ЭЛЕМЕНТОВ IV–VI ГРУПП ПРИ ВЫСОКИХ ТЕМПЕРАТУРАХ

Кушхов Х.Б., Адамкова М.Н., Кучмезова Ф.Ю., Мамхегова Р.М.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

adamokovam1@yahoo.com

В данной работе проведен термодинамический анализ возможных реакций взаимодействия гидроксидов щелочных и щелочноземельных металлов и различных кислородсодержащих соединений с алмазом, как при непосредственном контакте, так и в присутствии кислорода в широком температурном интервале.

На основании значений стандартной энергии Гиббса реакции взаимодействия (ΔG_T) построен ряд кислородсодержащих соединений по возрастанию их окислительной способности по отношению к алмазу.

Ключевые слова: алмазы, термодинамическая оценка, стандартная энергия Гиббса, гидроксидные расплавы.

THE FORMATION OF NANOSIZED TUNGSTEN AND MOLYBDENUM CARBIDES POWDERS IN METAL CAPSULE FILMS OF NICKEL AND COBALT BY METHOD OF CHEMICAL DEPOSITION

Kushkhov H.B., Adamokova M.N., Kuchmezova F.Y., Mamhegova R.M.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

In this paper a thermodynamic analysis of the possible reactions between alkali and alkaline earth metals hydroxides, various oxygen containing compounds as by direct contact, and in the presence of oxygen and diamonds in a wide temperature range was carried out.

The series of ascending to the oxidative capacity in relation to diamond formed based on the values of standard energy of Gibbs of reaction between oxygen containing compounds.

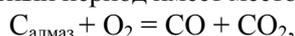
Key words: diamonds, standard energy of Gibbs, thermodynamic estimation, ionic melts.

Изучение процессов взаимодействия алмазов с различными средами и состояния поверхности алмаза как результата взаимодействия является актуальной задачей и имеет важное прикладное значение для разработки новых методов извлечения и сортировки алмазов, изготовления и эксплуатации алмазного инструмента.

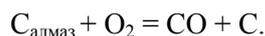
В современной литературе прочно утвердилось мнение об инертности алмаза к воздействию ряда жидкостных и газофазных сред, особенно при температурах, не превышающих 400 К.

Процесс газофазного окисления алмаза, где в качестве окислителя выступают кислород, оксиды азота, водяной пар, диоксиды углерода, изучен достаточно подробно, как и катализаторы, и ингибиторы этих процессов.

Окисление алмаза, как и окисление углерода, является процессом диффузионно-кинетического характера [1], состоящим из многих единичных, связанных между собой процессов, главный из которых – гетерогенная химическая реакция образования оксидов и диоксидов углерода [2]. Основные факторы, определяющие диффузионные процессы, – трансляция продуктов окисления в окружающую среду, скорость подачи окислителя к поверхности восстановителя. Значительный вклад в ход процесса принадлежит также диффузии в самом материале. Химизм процесса окисления углерода алмаза подробно освещен в работе [3], где показано, что в отсутствие диффузионных ограничений в начальный период имеет место реакция:

а при наличии ограничений для кислорода и продуктов – реакция:

Подробному обзору процессов окисления алмазов газофазными окислителями посвящены работы [4–7]. Однако, несмотря на обилие экспериментального материала, единый механизм окисления не выработан, не дано объяснение физико-химических явлений, протекающих при взаимодействии алмаза и кислорода.

Работы, посвященные взаимодействию алмазов с жидкофазными реагентами, многочисленны [5, 8–12]. Эксперименты по стойкости синтетических алмазов к минеральным кислотам позволили сделать вывод, что хлорная, серная, соляная, азотная кислоты и смесь двух последних не взаимодействуют с поверхностью алмаза или взаимодействуют со столь малой скоростью реакции, что эти реагенты могут применяться для качественного анализа системы «графит – алмаз – металл» (т.е. продуктов синтеза) и тем более – для технологических целей. Более поздние исследования с привлечением прецизионных методов показали прохождение окислительно-восстановительного процесса на поверхности алмаза [13, 14].

Процессам взаимодействия алмазов с расплавами посвящены работы [5, 8], свидетельствующие о существовании различных взглядов на прохождение процесса. Если в работе [6] исследовалась замкнутая система «алмаз – расплав», то в работе [8] изучение взаимодействия алмазов с расплавами гидроксидов и азотнокислых солей проводилось в присутствии кислорода воздуха с целью определения применимости реагентов для технологических и аналитических целей, причем показана зависимость скорости реакции от крупности порошка и температуры расплава.

Вероятность протекания возможных реакций взаимодействия между алмазом и гидроксидным расплавом в широком температурном интервале можно оценить методом термодинамического расчета изменения стандартной энергии Гиббса реакции взаимодействия (ΔG_T). Для вычисления ΔG_T нами были использованы литературные данные по значениям термодинамических величин рассматриваемых соединений [15–17]. Наиболее достоверные термодинамические данные приведены в справочнике [15], однако они отнесены к стандартной температуре, поэтому при других значениях температур удобнее пользоваться справочными данными [16, 17]. В случае отсутствия сведений о температурных зависимостях теплоемкости соединений в работе [16] использовали метод расчета [18] и справочные данные [17].

В литературе имеется мало сведений о химических взаимодействиях гидроксидных и других кислородсодержащих расплавов с порошками природных и искусственных алмазов. Нами был проведен термодинамический расчет возможных реакций взаимодействия гидроксидов щелочных и щелочноземельных металлов и различных кислородсодержащих соединений с алмазом как при непосредственном контакте, так и в присутствии кислорода. Все возможные реакции взаимодействия алмаза с гидроксидами щелочных и щелочноземельных металлов и другими кислородсодержащими соединениями приведены в табл. 1–7.

Из табл. 1 следует, что алмаз должен быть инертным к воздействию расплава гидроксида натрия без доступа кислорода (реакции 1–4). С термодинамической точки зрения, возможна реакция (6), однако ΔG_T этой реакции почти на порядок меньше, чем для реакций (10) и (11). Приведенные термодинамические расчеты показывают однозначно, что при взаимодействии алмаза с расплавом гидроксида натрия не может выделяться газообразный водород, что особенно важно для технологического использования расплава гидроксида натрия. Из табл. 1 также следует, что, с термодинамической точки зрения, наиболее вероятно взаимодействие алмаза с расплавом гидроксида натрия по реакциям (9–11) с образованием в качестве продуктов реакции оксида и пероксида натрия, монооксида и диоксида углерода, карбоната натрия и воды.

Таблица 1

Температурная зависимость стандартной свободной энергии реакции взаимодействия (ΔG_T) алмаза с гидроксидом натрия

№	Химические реакции взаимодействия алмаза с гидроксидом натрия	Значение ΔG_T , ккал/моль			
		298 °K	600 °K	700 °K	800 °K
1	$4NaOH + C \rightarrow 2Na_2O + CO_2 + 2H_2$	88.39	65.42	56.88	51.50
2	$4NaOH + C \rightarrow Na_2CO_3 + Na_2O + 2H_2$	22.62	7.51	5.19	3.00
3	$2NaOH + C \rightarrow Na_2O + CO + H_2$	58.21	198.05	186.84	176.00
4	$6NaOH + 2C \rightarrow 3Na_2O + CO + CO_2 + 3H_2$	146.59	101.67	91.09	80.91
5	$8NaOH + 2C + 3/2O_2 \rightarrow 4Na_2O_2 + CO + CO_2 + 4H_2$	168.60	135.89	129.95	124.33
6	$2NaOH + C + O_2 \rightarrow Na_2O_2 + CO_2 + H_2$	-20.69	-27.01	-27.99	-28.88
7	$2NaOH + C + O_2 \rightarrow Na_2O_2 + CO + H_2O$	-15.91	-23.02	-24.87	-26.60
8	$2NaOH + C + O_2 \rightarrow Na_2O + CO_2 + H_2O$	-59.97	-67.07	-68.67	-70.11
9	$2NaOH + C + O_2 \rightarrow Na_2CO_3 + H_2O$	-125.74	-122.07	-120.36	-118.62
10	$4NaOH + C + 3O_2 \rightarrow 2Na_2O_2 + 2CO_2 + 2H_2O$	-154.11	-156.26	-155.75	-155.02
11	$4NaOH + 4C + 3O_2 \rightarrow 2Na_2O + 2CO + 2CO_2 + 2H_2O$	-186.86	-212.73	-220.25	-227.42

Таблица 2

Температурная зависимость стандартной свободной энергии реакции взаимодействия (ΔG_T) алмаза с гидроксидом калия

№	Химические реакции взаимодействия алмаза с гидроксидом калия	Значение ΔG_T , ккал/моль		
		600 °К	700 °К	800 °К
1	$4\text{KOH} + \text{C} \rightarrow 2\text{K}_2\text{O} + \text{CO}_2 + 2\text{H}_2$	89.81	84.44	79.21
2	$4\text{KOH} + \text{C} \rightarrow \text{K}_2\text{CO}_3 + \text{K}_2\text{O} + 2\text{H}_2$	20.32	18.26	16.29
3	$2\text{KOH} + \text{C} \rightarrow \text{K}_2\text{O} + \text{CO} + \text{H}_2$	52.81	47.99	43.26
4	$6\text{KOH} + 2\text{C} \rightarrow 3\text{K}_2\text{O} + \text{CO} + \text{CO}_2 + 3\text{H}_2$	142.62	132.44	122.48
5	$8\text{KOH} + 2\text{C} + 3/2\text{O}_2 \rightarrow 4\text{K}_2\text{O}_2 + \text{CO} + \text{CO}_2 + 4\text{H}_2$	155.79	150.70	145.75
6	$2\text{KOH} + \text{C} + \text{O}_2 \rightarrow \text{K}_2\text{O}_2 + \text{CO}_2 + \text{H}_2$	-22.03	-22.80	23.54
7	$2\text{KOH} + \text{C} + \text{O}_2 \rightarrow \text{K}_2\text{O}_2 + \text{CO} + \text{H}_2\text{O}$	-18.04	-19.68	-21.25
8	$2\text{KOH} + \text{C} + \text{O}_2 \rightarrow \text{K}_2\text{O} + \text{CO}_2 + \text{H}_2\text{O}$	-59.87	-54.89	-56.26
9	$2\text{KOH} + \text{C} + \text{O}_2 \rightarrow \text{K}_2\text{CO}_3 + \text{H}_2\text{O}$	-122.91	-121.07	-119.16
10	$4\text{KOH} + \text{C} + 2\text{O}_2 \rightarrow 2\text{K}_2\text{O}_2 + \text{CO}_2 + 2\text{H}_2\text{O}$	-146.31	-145.38	-144.31
11	$4\text{KOH} + 4\text{C} + 3\text{O}_2 \rightarrow 2\text{K}_2\text{O} + 2\text{CO} + 2\text{CO}_2 + 2\text{H}_2\text{O}$	-185.43	-192.68	-199.71

Таблица 3

Температурная зависимость стандартной свободной энергии реакции взаимодействия (ΔG_T) алмаза с гидроксидом лития

№	Химические реакции взаимодействия алмаза с гидроксидом лития	Значение ΔG_T , ккал/моль		
		600 °К	700 °К	800 °К
1	$4\text{LiOH} + \text{C} \rightarrow 2\text{Li}_2\text{O} + \text{CO}_2 + 2\text{H}_2$	43.27	36.30	29.53
2	$4\text{LiOH} + \text{C} \rightarrow \text{Li}_2\text{CO}_3 + \text{Li}_2\text{O} + 2\text{H}_2$	8.34	4.45	0.67
3	$2\text{LiOH} + \text{C} \rightarrow \text{Li}_2\text{O} + \text{CO} + \text{H}_2$	29.55	23.93	18.4
4	$6\text{LiOH} + 2\text{C} \rightarrow 3\text{Li}_2\text{O} + \text{CO} + \text{CO}_2 + 3\text{H}_2$	72.82	60.24	47.95
5	$8\text{LiOH} + 2\text{C} + 3/2\text{O}_2 \rightarrow 4\text{Li}_2\text{O}_2 + \text{CO} + \text{CO}_2 + 4\text{H}_2$	123.43	116.90	110.95
6	$2\text{LiOH} + \text{C} + \text{O}_2 \rightarrow \text{Li}_2\text{O}_2 + \text{CO}_2 + \text{H}_2$	-30.12	-31.25	-32.23
7	$2\text{LiOH} + \text{C} + \text{O}_2 \rightarrow \text{Li}_2\text{O}_2 + \text{CO} + \text{H}_2\text{O}$	-26.13	-28.13	-29.94
8	$2\text{LiOH} + \text{C} + \text{O}_2 \rightarrow \text{Li}_2\text{O} + \text{CO}_2 + \text{H}_2\text{O}$	-76.68	-78.95	-81.09
9	$2\text{LiOH} + \text{C} + \text{O}_2 \rightarrow \text{Li}_2\text{CO}_3 + \text{H}_2\text{O}$	-111.63	-110.81	-109.96
10	$4\text{LiOH} + 2\text{C} + 3\text{O}_2 \rightarrow 2\text{Li}_2\text{O}_2 + 2\text{CO}_2 + 2\text{H}_2\text{O}$	-162.49	-162.27	161.71
11	$4\text{LiOH} + 4\text{C} + 3\text{O}_2 \rightarrow 2\text{Li}_2\text{O} + 2\text{CO} + 2\text{CO}_2 + 2\text{H}_2\text{O}$	-231.95	-240.82	-249.38

Таблица 4

Температурная зависимость стандартной свободной энергии реакции взаимодействия (ΔG_T) алмаза с гидроксидом кальция

№	Химические реакции взаимодействия алмаза с гидроксидом кальция	Значение ΔG_T , ккал/моль		
		600 °К	700 °К	800 °К
1	$2\text{Ca}(\text{OH})_2 + \text{C} \rightarrow 2\text{CaO} + \text{CO}_2 + 2\text{H}_2$	49.97	40.09	30.30
2	$\text{Ca}(\text{OH})_2 + \text{C} \rightarrow \text{CaO} + \text{CO} + \text{H}_2$	32.89	25.82	18.80
3	$3\text{Ca}(\text{OH})_2 + 2\text{C} \rightarrow 3\text{CaO} + \text{CO} + \text{CO}_2 + 3\text{H}_2$	82.87	65.98	49.11
4	$\text{Ca}(\text{OH})_2 + \text{C} + \text{O}_2 \rightarrow \text{CaO} + \text{CO}_2 + \text{H}_2\text{O}$	-73.34	77.06	80.71
5	$\text{Ca}(\text{OH})_2 + \text{C} + 3/2\text{O}_2 \rightarrow \text{CaO} + \text{CO} + \text{CO}_2 + \text{H}_2\text{O}$	-112.63	-118.52	-124.31

Таблица 5

Температурная зависимость стандартной свободной энергии реакции взаимодействия (ΔG_T) алмаза с гидроксидом бария

№	Химические реакции взаимодействия алмаза с гидроксидом бария	Значение ΔG_T , ккал/моль		
		600 °К	700 °К	800 °К
1	$2\text{Ba}(\text{OH})_2 + \text{C} \rightarrow 2\text{BaO} + \text{CO}_2 + 2\text{H}_2$	59.02	50.19	41.64
2	$\text{Ba}(\text{OH})_2 + \text{C} \rightarrow \text{BaO} + \text{CO} + \text{H}_2$	37.42	30.87	24.47
3	$3\text{Ba}(\text{OH})_2 + 2\text{C} \rightarrow 3\text{BaO} + \text{CO} + \text{CO}_2 + 3\text{H}_2$	96.45	81.07	66.12
4	$\text{Ba}(\text{OH})_2 + \text{C} + \text{O}_2 \rightarrow \text{BaO} + \text{CO}_2 + \text{H}_2\text{O}$	-68.81	-72.02	-75.04
5	$\text{Ba}(\text{OH})_2 + \text{C} + 3/2\text{O}_2 \rightarrow \text{BaO} + \text{CO} + \text{CO}_2 + \text{H}_2\text{O}$	-108.11	-113.47	-118.64

Таблица 6

Температурная зависимость стандартной свободной энергии реакции взаимодействия (ΔG_T) алмаза с гидроксидом стронция

№	Химические реакции взаимодействия алмаза с гидроксидом стронция	Значение ΔG_T , ккал/моль		
		600 °К	700 °К	800 °К
1	$2\text{Sr}(\text{OH})_2 + \text{C} \rightarrow 2\text{SrO} + \text{CO}_2 + 2\text{H}_2$	56.79	47.46	38.59
3	$\text{Sr}(\text{OH})_2 + \text{C} \rightarrow \text{SrO} + \text{CO} + \text{H}_2$	36.30	29.50	22.92
4	$3\text{Sr}(\text{OH})_2 + 2\text{C} \rightarrow 3\text{SrO} + \text{CO} + \text{CO}_2 + 3\text{H}_2$	93.09	76.96	61.46
8	$\text{Sr}(\text{OH})_2 + \text{C} + \text{O}_2 \rightarrow \text{SrO} + \text{CO}_2 + \text{H}_2\text{O}$	-69.93	-73.38	-76.59
11	$\text{Sr}(\text{OH})_2 + \text{C} + 3/2\text{O}_2 \rightarrow \text{SrO} + \text{CO} + \text{CO}_2 + \text{H}_2\text{O}$	-109.22	-114.83	-120.19

Из табл. 2 следует, что алмаз должен быть инертным к воздействию расплава гидроксида калия без доступа кислорода (реакции 1–4). При доступе кислорода алмаз будет реагировать с расплавом гидроксида калия с образованием оксида, пероксида, карбоната калия, монооксида и диоксида углерода. Однако, с термодинамической точки зрения, наиболее предпочтительными являются реакции (9–11). Аналогично расплавам гидроксидов натрия и калия расплав гидроксида лития не будет взаимодействовать с алмазом без доступа кислорода (табл. 3). Однако значение ΔG_T возможных реакций с выделением газообразного водорода в случае гидроксида лития почти в два раза меньше, чем в случае расплавов гидроксида калия или натрия. При доступе кислорода алмаз будет реагировать с расплавом гидроксида лития. Наиболее предпочтительно взаимодействие по реакциям (9–11). Из рассчитанных значений ΔG_T следует, что в расплаве гидроксида лития коррозия алмаза будет предпочтительнее.

Расплавы гидроксидов щелочноземельных металлов также не будут реагировать с алмазом без доступа кислорода (табл. 4–6). При доступе кислорода расплавы гидроксидов щелочноземельных металлов (кальция, бария и стронция) будут реагировать с алмазом, как и гидроксиды щелочных металлов, но с наименьшей активностью.

Из табл. 7 следует, что алмаз должен быть инертным к воздействию расплавов вольфрамата и молибдата натрия даже до 1200 К. В расплаве сульфата и хромата натрия алмаз будет растворяться предпочтительно по реакции (8) и (10). Расплав карбоната натрия занимает промежуточное положение между этими системами. Значение ΔG_T реакции взаимодействия карбоната натрия и алмаза – величины положительные. В расплавах, содержащих продукт термодинамической диссоциации карбоната (диоксид углерода и оксид натрия, а также оксиды молибдена, вольфрама, хрома, серы), коррозия алмаза будет происходить легче. На основании данных табл. 1 и 7 можно построить ряд кислородсодержащих соединений по возрастанию окислительной способности по отношению к алмазу: NaOH , Na_2WO_4 , Na_2MoO_4 , Na_2CO_3 , Na_2O , $\text{Na}_2\text{W}_2\text{O}_7$, $\text{Na}_2\text{Mo}_2\text{O}_7$, Na_2SO_4 , Na_2CrO_4 , WO_3 , CO_2 , MoO_3 , SO_3 , CrO_3 .

Таблица 7

Температурная зависимость стандартной свободной энергии наиболее выгодных реакций взаимодействия (ΔG_T) алмаза с кислородсодержащими соединениями элементов IV и VI групп

№	Химические реакции взаимодействия алмаза с кислородсодержащими соединениями элементов IV и VI групп	Значение ΔG_T , ккал/моль			
		298 °K	900 °K	1000 °K	1200 °K
1	$\text{Na}_2\text{WO}_4 + \text{C} = \text{WO}_2 + \text{CO} + \text{Na}_2\text{O}$	91,9	68,6	66,5	59,3
2	$2\text{Na}_2\text{WO}_4 + 3\text{C} = 2\text{W} + 2\text{Na}_2\text{CO}_3 + \text{CO}_2$	83,8	53,1	49,5	43,6
3	$\text{Na}_2\text{MoO}_4 + \text{C} = \text{MoO}_2 + \text{CO} + \text{Na}_2\text{O}$	72,4	–	–	–
4	$2\text{Na}_2\text{MoO}_4 + 3\text{C} = 2\text{Mo} + 2\text{Na}_2\text{CO}_3 + \text{CO}_2$	48,2	–	–	–
5	$\text{Na}_2\text{CO}_3 + 2\text{C} = 2\text{Na} + \text{CO} + \text{CO}_2$	151,9	70,3	57,3	31,0
6	$\text{Na}_2\text{CO}_3 + \text{C} = 2\text{Na}_2\text{O} + \text{CO}$	94,8	48,5	39,7	25,0
7	$\text{Na}_2\text{SO}_4 + \text{C} = \text{SO}_2 + \text{CO} + 2\text{Na}_2\text{O}$	106,9	57,4	49,5	34,2
8	$2\text{Na}_2\text{SO}_4 + 3\text{C} = 2\text{S} + 2\text{Na}_2\text{CO}_3 + \text{CO}_2$	5,4	–27,8	–37,2	–54,5
9	$2\text{Na}_2\text{CrO}_4 + 3\text{C} = \text{Cr}_2\text{O}_3 + 3\text{CO} + \text{Na}_2\text{O}$	53,1	–	–	–
10	$2\text{Na}_2\text{CrO}_4 + 3\text{C} = 2\text{Cr} + 2\text{Na}_2\text{CO}_3 + \text{CO}_2$	–11,5	–	–	–
11	$\text{Na}_2\text{O} + \text{C} = 2\text{Na} + \text{CO}$	57,1	23,1	17,6	6,1
12	$\text{Na}_2\text{W}_2\text{O}_7 + \text{C} = 2\text{WO}_2 + 2\text{Na}_2\text{WO}_4 + \text{CO}$	26,4	–	–	–
13	$\text{Na}_2\text{Mo}_2\text{O}_7 + \text{C} = 2\text{MoO}_2 + 2\text{Na}_2\text{MoO}_4 + \text{CO}$	11,0	–	–	–
14	$\text{WO}_3 + \text{C} = \text{WO}_2 + \text{CO}$	21,5	10,1	–4,6	–12,5
15	$\text{WO}_3 + 3\text{C} = \text{WO}_2 + 3\text{CO}$	82,0	4,4	–8,2	–33,1
16	$\text{CO}_2 + \text{C} = 2\text{CO}$	28,0	1,7	–2,6	–11,0
17	$\text{MoO}_3 + \text{C} = \text{MoO}_2 + 3\text{CO}$	–1,2	–25,2	–29,0	–36,7
18	$\text{MoO}_3 + 3\text{C} = \text{Mo} + 3\text{CO}$	59,2	–17,6	–29,7	–54,7
19	$\text{SO}_3 + \text{C} = \text{SO}_2 + \text{CO}$	–16,2	–	–	–
20	$2\text{CrO}_3 + 3\text{C} = \text{Cr}_2\text{O}_3 + 3\text{CO}$	–80,5	–	–	–
21	$\text{CrO}_3 + 3\text{C} = \text{Cr} + 3\text{CO}$	20,2	–	–	–
22	$2\text{Na}_2\text{CO}_3 + \text{C} = \text{Na}_2\text{O}_2 + 3\text{CO} + \text{Na}_2\text{O}$	203,6	169,8	158,7	147,8

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации с использованием оборудования ЦКП «Рентгеновская диагностика материалов». Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2013 годы», госконтракт 16.552.11.7045.

Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы», госконтракт № 16.740.11.0523.

Библиография

1. Предводителев А.С., Хитрин А.И. Горение углерода. М.: Изд. АН ССР, 1948. 201 с.
2. Phinney F.C. Rapid separation of diamond from other forms of carbon // Science. 1954. 120, N 6. P. 114–119.
3. Огородник В.В., Пугач Э.А., Постолова Г.Г. Применение комплексных дифференциальных термических и термогравиметрических методов исследования для изучения процессов окисления алмаза // Взаимодействие алмазов с жидкими и газовыми средами. – Киев, 1984. С. 51–57.
4. Гатилова Е.Г., Малоголовец В.Г. Окисление высокодисперсных синтетических алмазов кислородом воздуха // Синтет. алмазы. 1973. № 4. С. 11–19.
5. Полянская Н.Г. Взаимодействие алмазов с окисляющимися средами // Адгезия расплавов и пайка металлов. 1982. № 9. С. 55–62.

6. Руденко А.П., Кулакова И.И., Скворцова В.Л. и др. Влияние катализаторов на взаимодействие алмазов с газовыми и жидкими средами // Взаимодействие алмазов с жидкими и газовыми средами. Киев, 1984. С. 58–74.
7. Федосеев Д.В., Успенская К.С. Окисление алмазов // Синтетические алмазы. 1977. № 4. С. 18–24.
8. Веселовский В.С. Углерод, алмазы, графит и угли и методология их исследования. М.–Л.: ОНТИ, 1936. 176 с.
9. Крук В.Б. Химическая стойкость синтетических алмазов к воздействию минеральных кислот и жидкофазных окислителей // Синтет. алмазы. 1973. № 3. С. 13–15.
10. Орлов Ю.Л. Минералогия алмазов. М.: Наука, 1973. 224 с.
11. Путятин А.А., Никольская И.В., Калашников А.Я. Химические методы извлечения алмазов из продуктов синтеза // Сверхтв. материалы. 1982. № 2. С. 20–28.
12. Реми Г. Курс неорганической химии: в 3 т. Т. 1. М.: Мир, 1972. 824 с.
13. Алешин В.Г., Богатырева Г.П., Богатырев А.А., Крук В.Б. Взаимодействие поверхности синтетических алмазов с окислителями // Сверхтв. материалы. 1987. № 2. С. 12–14.
14. Новиков Н.В., Алешин В.Г., Богатырева Г.П., Крук В.Б. Взаимодействие окислителей с поверхностью алмаза // ДАН СССР. 1987. Т. 296, № 1. С. 118–120.
15. Термические константы веществ. Справочник. М.: ВИНТИ, 1965–1982.
16. Наумов Г.В., Рыженко В.К., Ходаковский И.Л. Справочник термодинамических величин. М.: Атомиздат, 1971. 240 с.
17. JANAF Thermochemical Tables // Nat. Bureau Stand. – USA. – 1971. – 495 p.
18. Novoselova I.A., Malyshev V.V., Shapoval V.I., Kuskhov N.B., Devyatkin S.V. Theoretical foundation of high-temperature electrochemical synthesis in ionic melts // Theoretical Foundation of Chemical Engineering. 1997. V. 31. P. 253–262.

ПОЛУЧЕНИЕ Fe-Co-Ni-СОДЕРЖАЩИХ НАНОЧАСТИЦ ПЛАЗМОХИМИЧЕСКИМ МЕТОДОМ

Берберов А.Б., Афонин Д.С., Борзаев Х.Х., Бакулин Д.А., Иванов Е.В.

Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина

vinok_ac@mail.ru, guchin.p@mail.ru, ali-berberov@mail.ru

Рассмотрен процесс синтеза полиметаллических наночастиц методом плазмохимического разложения сплава ковар (железо, кобальт, никель) и раствора соответствующих солей. Оценено влияние различных факторов на структуру синтезируемых частиц. Получены образцы наночастиц различной структуры и состава.

Ключевые слова: плазмохимический синтез, абляция, нанокатализаторы, ковар, железо, кобальт, никель.

SYNTHESIS OF Fe-Co-Ni-CONTAINING NANOPARTICLES BY PLASMA-ENHANCED CHEMICAL VAPOR DEPOSITION

Berberov A.B., Afonin D.S., Borzaev H.H., Bakulin D.A., Ivanov E.V.

Gubkin Russian State University of oil and gas

The process of synthesis of polymetallic nanoparticles by the method of plasma-enhanced CVD of kovar (iron, cobalt, nickel) has been obtained. The effect of different factors on the composition of nanoparticles was estimated. Samples of nanoparticles of different structure and composition have been obtained.

Key words: plasma-enhanced CVD, ablation, nanocatalysts, kovar, iron, cobalt, nickel.

Цель исследования

Целью нашего исследования является получение наночастиц металлов для их использования в качестве компонентов каталитических систем в нефтепереработке.

Для достижения намеченной цели были поставлены следующие задачи:

- разработка методики плазмохимического синтеза наночастиц металлов;
- сравнительный анализ наночастиц, полученных из твердых сплавов и из растворов солей;
- оценка адсорбционных характеристик полученных наноматериалов.

Теоретические основы исследования

Метод плазмохимического синтеза металлических нанокатализаторов основан на абляции наночастиц металлов из твердой или жидкой фазы в газообразную при внесении, соответственно, твердого сплава или раствора солей в зону плазменного факела.

В качестве плазмообразующих газов используются аргон, углекислый газ, метан. В зависимости от требований эксперимента они используются отдельно или в виде смесей. Важно помнить, что аргон создает инертную среду, углекислый газ – окислительную, метан – восстановительную [1].

Блок питания преобразует переменный ток сети в постоянный, что необходимо для поддержания равномерного горения плазменного факела.

Через внутренний электрод в зону реакции поступает плазмообразующий газ (смесь газов); выбор тантала в качестве наконечника трубки обусловлен высокой устойчивостью этого металла к коррозии в условиях реакции.

Внешний электрод выполнен из гибкой металлической сетки, что позволяет изменять его форму и/или размеры в зависимости от требований эксперимента. Стеклоянная трубка помещается коаксиально между внутренним и внешним электродами с целью задания плазменному факелу необходимого направления.

Готовая к работе установка представлена на рис. 1.

Рис. 1. Установка по плазмохимическому синтезу наночастиц металлов

Проведение эксперимента

Для получения наночастиц методом плазмохимического синтеза можно использовать как введение в зону плазменного факела образца сплава, так и впрыскивание растворов солей металлов.

Введение в зону плазменного факела образца сплава

Для первого опыта был выбран образец сплава ковар (Fe, Co, Ni) с составом, соответствующим ГОСТу 10994-74 [2]. Перед введением в зону реакции образец был распилен на тонкие куски (это позволяет добиться высоких значений плотности тепловой энергии на поверхности образца и, как следствие, активной эмиссии раскаленных частиц металлов).

Перед внесением в зону плазменного факела образец сплава крепится к концу длинной кварцевой трубки. Таким образом, существует возможность регулирования положения образца в режиме онлайн.

В качестве приемника наночастиц используется либо стеклянная пробирка (в случае дальнейшего анализа на адсорбционной установке), либо металлический цилиндр (в случае дальнейшего анализа методами электронной микроскопии).

Интересной представляется возможность предварительного внесения в приемник некоторого количества негорючей жидкости. Это позволяет быстро охладить синтезируемые частицы и препятствует их агломерации.

Впрыскивание растворов солей металлов в зону плазменного факела

Введение растворов солей в зону реакции осуществлялось через боковое ответвление стеклянной трубки с помощью ингалятора (пульверизатора).

Для опыта были использованы 3 раствора солей металлов, содержащихся в коваре: хлорид железа, ацетат кобальта, нитрат никеля. Выбор этих катионов обусловлен необходимостью сравнить результаты опытов по плазмохимической обработке одних и тех же металлов в составе твердого сплава и в составе смеси растворов солей. Соотношение солей железа, кобальта и никеля в составе раствора соответствовало соотношению металлов в твердом сплаве (коваре).

Результаты исследования

Основными факторами, влияющими на процесс синтеза наночастиц, являются мощность источника питания, состав и расход плазмообразующей газовой смеси, время горения плазменного факела [3].

Варьированием этих параметров возможно изменять размер и структуру получаемых наночастиц. На рис. 2 представлены микрофотографии 4 промежуточных видов наночастиц, полученных при неоптимальных условиях. На основании этих графических данных можно сделать вывод о наличии слабой развитости поверхности частиц. В случае частиц, полученных при условиях, далеких от оптимальных, наблюдаются отличная от сферической форма и неразвитая поверхность. Такие частицы обладают, как правило, микро-, а не наноразмерами.

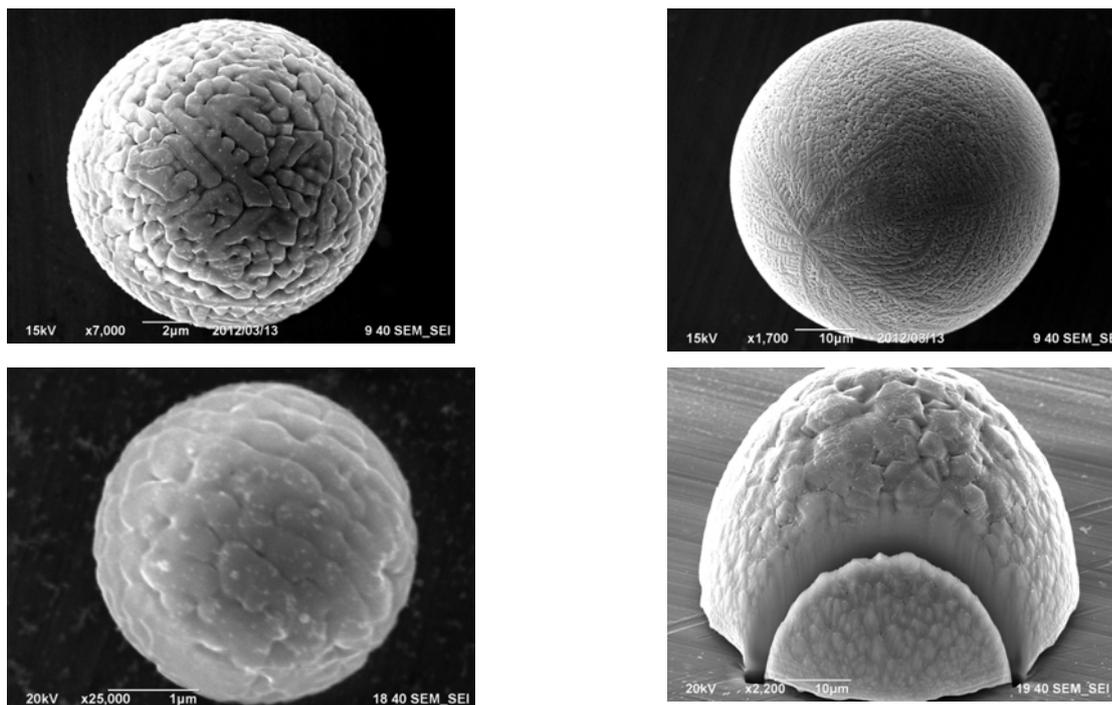

Рис. 2. Различные типы частиц, полученных при неоптимальных условиях

Оптимальные условия реакции, установленные экспериментально, характеризуются следующими параметрами:

- мощность источника питания: 1 кВт;
- время горения плазменного факела: 5 мин;
- состав газовой смеси: 5 % CO₂, 95 % Ar;
- расход газовой смеси: 4 л/мин.

При таких условиях происходит синтез близких по размерам триметаллических сфер, каждая из которых состоит из сфер меньшего размера, что обеспечивает высокие показатели удельной поверхности (до 5 м²/г) по результатам анализа на адсорбционной установке методом БЭТ.

Важным промежуточным выводом исследования является невозможность получения сферических наночастиц с развитой поверхностью методом плазменной обработки растворов солей. Сравнение микрофотографий наночастиц, полученных при оптимальных условиях из твердого сплава (слева) и растворов солей (справа), представлено на рис. 3.

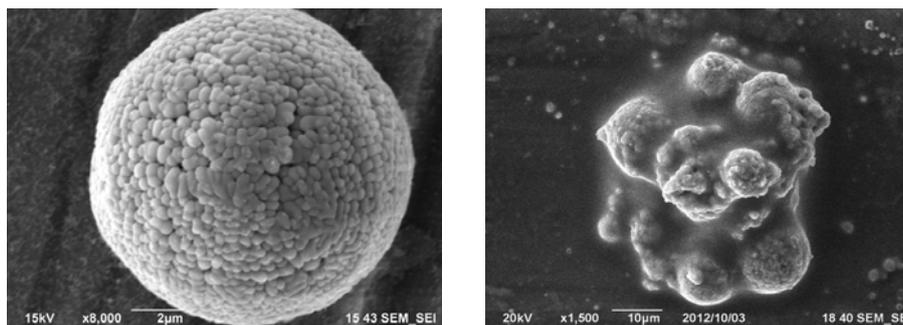

Рис. 3. Наночастицы из твердого сплава (слева) и раствора солей

Полученные при оптимальных условиях наночастицы были подвергнуты спектральному анализу, подтвердившему близкое к исходному соотношение металлов (рис. 4).

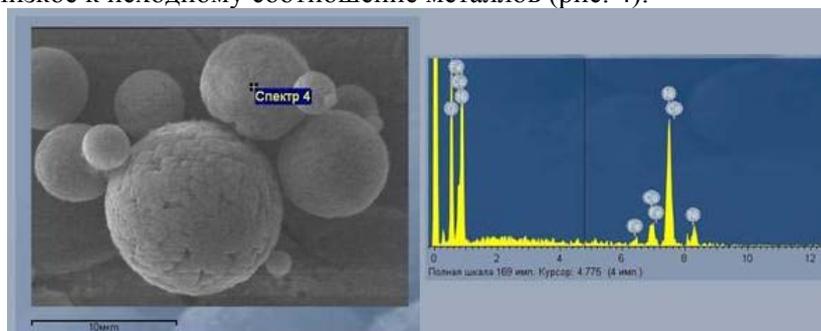

Рис. 4. Результаты спектрального анализа наночастиц кобальта

Выводы

Установлены оптимальные условия плазмохимического синтеза на лабораторной установке, при которых образуются наночастицы правильной формы и с большой удельной поверхностью.

Для подтверждения возможности и целесообразности использования этих частиц в качестве активной части катализатора они будут протестированы на каталитических установках, моделирующих конкретные процессы нефтепереработки и нефтехимии.

В отличие от твердых сплавов, растворы солей металлов непригодны для плазмохимического синтеза нанокатализаторов.

Исследование проводится при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

Библиография

1. Арапов К.А., Гушин П.А., Иванов Е.В., Винокуров В.А. Получение наноструктурированных материалов в плазме сверхвысокочастотного разряда // Химия и технология топлив и масел. 2010. № 6.
2. ГОСТ 10994-74 Сплавы прецизионные. Марки.
3. Ремпель А.А. Нанотехнологии, свойства и применение наноструктурированных материалов // Успехи химии. 2007. № 76 (5).

МЕДИЦИНА

УДК 611.1

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ЛЕЧЕНИЮ СИНДРОМА ДИАБЕТИЧЕСКОЙ СТОПЫ

Асланов А.Д., Мизиев И.А., Жигунов А.К., Адер Омар, Батов А.З., Куготов А.Х.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

dr-aslanov1967@mail.ru

В статье приведен опыт лечения больных сахарным диабетом, осложненным синдромом диабетической стопы. В исследование вошли 65 больных, находившихся на стационарном лечении в отделении хирургии сосудов РКБ. Им проводилась терапия по разработанным методикам, которые позволили всем больным сохранить конечности, при этом произведены экономные резекции стоп 9 больным. Все больные были выписаны в удовлетворительном состоянии под наблюдение хирурга по месту жительства.

Ключевые слова: сахарный диабет, атеросклероз, стопа, ампутация.

NEW APPROACHES TO THE TREATMENT OF DIABETIC FOOT

Aslanov D.A., Miziev I.A., Zhigunov A.K., Omar Hadad, Bahtov A.Z., Kugotov A.H.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

The paper presents the experience of treating patients with diabetes mellitus complicated by diabetic foot-step. V study included 65 patients who were hospitalized at a Department of Vascular Surgery was carried out RKN. We accomponied them a therapy developed techniques that allowed all patients to keep the limb at the same time made saving resection feet 9 patients. All patients were discharged in good condition under the supervision of the surgeon in the community.

Keywords: Diabetes mellitus, atherosclerosis, foot amputation.

Цель работы. Улучшение качества лечения диабетической стопы путем разработки новых тактик лечения.

Материал и методы исследования. С 2002 по 2011 гг. в сосудистом отделении Республиканской клинической больницы находились под наблюдением 156 больных с хронической ишемией нижних конечностей, из которых 107 больных были с критической ишемией нижних конечностей.

Мужчин было 133 (85,2 %), женщин 23 (14,8 %).

У 65 (41,6 %) больных был сахарный диабет 2 типа.

Материалом исследования явились 65 больных сахарным диабетом, осложненным синдромом диабетической стопы.

По нашим данным, от 40 до 55 % больных ишемической болезнью нижних конечностей страдают сахарным диабетом, при этом у всех в период от 5 до 10 лет развивается синдром диабетической стопы [1].

Больные сахарным диабетом по крайней мере в пять раз чаще страдают хронической критической ишемией нижних конечностей, чем не болеющие диабетом; приблизительно у каждого десятого пожилого больного диабетом возникают язвы или гангрена [2–4]. Кроме того, у диабетиков очень высокий риск ампутации [3], поскольку к микро- и макроангиопатическим изменениям и нейропатическим осложнениям присоединяются повышенная склонность к инфицированию и реологические нарушения [5]. Ежегодно в мире производится до 200 тысяч, из них в России – 12 тысяч высоких ампутаций в связи с диабетической гангреной, после которой в течение пяти лет выживают не более 25 % больных [5–6].

Степень ишемии определялась по классификации А.В. Покровского и составляла: II Б степень – 21 (32,3 %), III степень – 32 (49,2 %), IV степень – 12 (18,5 %).

Обследование больных включало: биохимическое исследование крови, функциональную диагностику, доплерографию сосудов нижних конечностей с высчитыванием плечелодыжечного индекса, рентгенологическое исследование – дистальная, субтракционная или мультиспиральная компьютерная ангиография.

Больным проводилась терапия препаратом простагландина E, вазaproстаном, который является мощным ангиопротектором, ангиодиллятором, что очень важно при наличии некротических изменений для решения вопроса уровня ампутации конечностей.

Нами предложены новые подходы к сохранению опорной части конечности в целом и стопы в частности, т.е. тактика такова, что необходимо бороться за каждое анатомическое образование конечности всеми имеющимися способами с целью его сохранения.

Так, нами разработаны тактики ведения и лечения больных сахарным диабетом в зависимости от общего состояния больного и степени ишемии и изменений стопы.

При наличии влажного некроза сегмента конечности больных необходимо сразу оперировать, при этом прибегать к органосохраняющим операциям, т.е. первое оперативное вмешательство свести к обширной некрэктомии для снятия общей интоксикации, затем в послеоперационном периоде проводить интенсивную терапию как общего, так и местного характера. При этом проводили уже указанную выше вазопростанотерапию, антибактериальную терапию препаратами 4–5 поколения цефалоспоринового ряда, фторхинолонами, дезинтоксикационную терапию. Местно использовали мощные антисептики в виде проточно-промывных систем с капельным орошением антисептика.

После ограничения некротического процесса проводилась экономная резекция стопы, учитывая линию демаркации.

Результаты

В нашей работе из 65 больных у 12 (18,5 %) имелись некротические изменения, при этом всем больным удалось сохранить опорные части конечности, улучшить кровоток в дистальном русле, по данным дуплексного сканирования и плечелодыжечного индекса.

Экономные резекции стоп произведены у 9 больных с диабетической гангреной (фото 1–5).

Фото 1. Больной С. 64 года.
Резекция передней части правой стопы

Фото 2. Больной С. 64 года.
Состояние после аутодермапластики

Фото 3. Больной Т. 58 лет.
Состояние после ампутации 2–4 пальцев стопы,
резекция костей предплюсны

Фото 4. Больной К. 61 год.
Состояние после ампутации
левой стопы по Шарпу

Фото 5. Больная Б. 57 лет. Состояние после резекции 1–2 пальцев стопы

При контрольном доплерографическом исследовании у больных, получавших лечение по разработанной схеме, отмечается улучшение показателя плечелодыжечного индекса на 0,3–0,4, пульсового давления, амплитуды кровотока.

Выводы

1. Проведение комплексной терапии с применением вазопростана уменьшает количество осложнений, связанных с ишемией нижних конечностей.
2. Сохранение опорной части стопы и уменьшение количества высоких ампутаций у больных с диабетической гангреней является целесообразным подходом, улучшающим качество жизни больных.

Библиография

1. Буров Ю.А., Москаленко А.Н., Гаврилов В.А. Комбинированные реваскуляризации нижних конечностей у больных с критической ишемией // *Ангиология и сосудистая хирургия*. 2000. № 4. С. 23–28.
2. Савельев В.С. Критическая ишемия нижних конечностей. М., 1997. 160 с.
3. Покровский А.В. Клиническая ангиология. М.: Медицина, 1979. 320 с.
4. Кохан Е.П., Заварзина И.К. Избранные лекции по ангиологии. М.: Наука, 2000. 640 с.
5. Бураковский И.И., Бокерия Л.А. Сердечно-сосудистая хирургия. М.: Медицина, 1989. 540 с.
6. Bergmark C., Johansson G., Olafsson P. Femoro-popliteal and femoral-distal bypass // *Cardiovasc. Surg.* 1991. P. 43–50.

СОСТОЯНИЕ ПРООКСИДАНТНОЙ СИСТЕМЫ У БОЛЬНЫХ ЭКЗЕМОЙ

Нальчикова М.Т.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

nalmt@mail.ru

Изучено состояние прооксидантной системы крови в динамике у 112 больных различными клиническими формами экземы. Выявлено статистически достоверное повышение уровня сывороточного малонового диальдегида (МДА) и активности НСТ-теста, зависящее от клинической формы, степени тяжести заболевания и наличия осложнений. Исследования свидетельствуют о важной роли прооксидантных процессов в развитии и рецидивировании патологического процесса у больных экземой, что позволяет рекомендовать исследование НСТ-теста и МДА с диагностической и прогностической целью в комплексном обследовании пациентов.

Ключевые слова: экзема, перекисное окисление липидов, лейкоциты, малоновый диальдегид, НСТ-тест.

CONDITION OF THE PROOXIDANT SYSTEM IN THE PATIENTS WITH ECZEMA

Nalchikova M.T.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

The state of the prooxidant system in the dynamics of blood was studied in 112 patients with different clinical forms of eczema. A statistically proved increase in serum malondialdehyde (MDA) and the activity of NBT-test, depending on the clinical form, the severity of disease and the presence of complications were detected. Studies suggest an important role of prooxidant processes in the development and recurrence of the pathological process in patients with eczema, which allows to recommend research NBT test and MDA for diagnostic and prognostic purposes in complex examination of patients.

Key words: eczema, lipid peroxidation, leucocytes, malonic dialdehyde, NBT-test.

Экзема, согласно современным представлениям, – это хроническое, рецидивирующее заболевание с островоспалительными симптомами, представленное полиморфизмом морфологических элементов, которое формируется в результате сложного комплекса этиологических и патогенетических факторов. Несмотря на достижения в лечении данного дерматоза, заболеваемость остается высокой и имеет тенденцию к увеличению. Патогенез экземы сложен и до конца не изучен. В последнее время все больше внимания уделяется изучению состояния окислительно-восстановительных механизмов в развитии различных заболеваний, протекающих с синдромом эндогенной интоксикации [1–4]. Нарушение баланса между интенсивностью действия прооксидантных факторов и мощностью антиоксидантной системы клетки, приводящее к чрезмерной активации процессов свободнорадикального окисления – окислительному стрессу, является патогенетическим фактором для целого ряда заболеваний. Свободные радикалы оказывают повреждающее действие на структуры клетки: биологические мембраны, ДНК, ферменты, тем самым усугубляя патологию. По современным представлениям, развитие эндогенной интоксикации основывается на ведущей роли в нем мембранодеструктивных процессов, которые зависят от интенсивности свободнорадикальных реакций перекисного окисления липидов (ПОЛ). Для диагностики липидной перекисации и оценки эффективности проводимого лечения принято определять в плазме крови и эритроцитах содержание продуктов перекисного окисления липидов, а также показатели антиоксидантной защиты организма [2, 5, 6, 7].

Первичные продукты ПОЛ – гидроперекиси липидов, будучи веществами весьма нестойкими, довольно скоро разрушаются с образованием вторичных продуктов перекисного окисления. Среди них наиболее известен малоновый диальдегид (МДА). Его накоплением в организме объясняется формирование сопровождающего многие заболевания внутренних органов синдрома интоксикации. ПОЛ во многом способствуют агрегации тромбоцитов, уменьшению синтеза простагландинов, оказывающих антикоагулянтное действие, разрушению клеточных мембран (формирование синдрома «цитоллиза») и повышению их проницаемости, подавлению деления и регенерации клеток [2, 4, 6, 7].

Полиморфноядерные нейтрофилы ответственны за неспецифическую резистентность организма, что определяется их способностью к поглощению и обезвреживанию микроорганизмов, элиминации атипичных клеток и других чужеродных агентов. Одним из механизмов проявления активности фагоцитов является их способность продуцировать свободные радикалы кислорода. НСТ-тест позволяет выявлять наличие так на-

зываемого «респираторного взрыва», который возникает в нейтрофилах в связи с процессами фагоцитоза, сопровождается увеличением образования свободных форм кислорода [6, 8]. При этом стимуляция нейтрофильных лейкоцитов в НСТ-тесте происходит не только при контакте их с бактериальными или иными частицами, но и при присутствии в крови агрегатов клеток, компонентов системы комплемента, циркулирующих иммунных комплексов [9, 10]. Вследствие этого можно думать, что иммунные комплексы, имеющиеся в крови у больных экземой, активизируют нейтрофильные лейкоциты. Стимулированные лейкоциты адсорбируют на своей поверхности иммунные комплексы, т.е. происходит реакция обратного иммунного ответа.

Нейтрофилы крови в норме существуют в неактивированном состоянии и поэтому в большинстве своем не восстанавливают НСТ. Процент НСТ-положительных лейкоцитов у здоровых людей, по данным разных авторов, в среднем не превышает 10 % [10, 11]. Увеличение этого показателя говорит о сдвигах во внутренней среде организма, которые можно расценить как нарушение гомеостаза.

Целью исследования явилась оценка состояния процессов перекисного окисления липидов у больных экземой по уровню содержания МДА в плазме крови и степени функциональной активности нейтрофильных гранулоцитов путем изучения НСТ-теста в динамике.

Материал и методы. Клинические исследования проводились на базе ГУЗ «Кожно-венерологический диспансер» МЗ Кабардино-Балкарской Республики.

Под наблюдением находились 112 больных с различными клиническими формами экземы в возрасте от 16 до 78 лет. Из них истинная экзема наблюдалась у 41 больного, микробная – у 49 больных, дисгидротическая – у 14 и себорейная – у 8. Острое течение отмечалось у 108 пациентов, подострое – у 4. Кожный процесс носил распространенный характер у 49 больных, локализованный – у 63. Сопутствующие заболевания отмечались у 31 больного, осложнения в виде экзематидов – у 28, в виде эритродермии – у 8. Профессиональные вредности отмечали 26 человек.

Лечение больных включало десенсибилизирующие, антибактериальные, седативные средства, адсорбенты; в тяжелых случаях применялись глюкокортикостероиды (ГКС). Наружная терапия включала анилиновые красители, примочки, кремы, аэрозоли и мази, содержащие ГКС, антибактериальные, разрешающие и противовоспалительные средства.

Контрольную группу сравнения составили 62 клинически здоровых донора Республиканской станции переливания крови в возрасте от 24 до 46 лет.

Кровь больных обследовали при поступлении (стадия обострения), затем на фоне проводимой терапии и улучшения кожного процесса (подострая стадия) и перед выпиской из стационара (в стадии ремиссии).

Уровень малонового диальдегида в плазме определяли в реакции с тиобарбитуровой кислотой по Ushima [12]. НСТ-тест выполнялся по методике Stuart с соавт. [13] в модификации Б.С. Нагоева [14]. Количественная оценка цитоиммунологической реакции НСТ-теста давалась на основании принципов Karlow (1955) с определением цитохимического коэффициента.

Результаты и обсуждение. В результате исследования было выявлено статистически значимое, достоверное повышение уровня МДА и НСТ-теста у всей группы обследованных с максимальными значениями в острую стадию заболевания (табл. 1). Параллельно регрессу кожных проявлений (в подострую стадию) отмечалось постепенное снижение уровня МДА, а также снижение тетразолиевой активности нейтрофилов. К моменту выписки больных из стационара изучаемые показатели приближались к нормальным значениям у большинства обследованных. У некоторой части больных на фоне хронического течения экзематозного процесса даже в стадию клинической ремиссии, перед выпиской из стационара, показатели МДА и НСТ-теста оставались достоверно высокими. У 19 из 24 больных (79 %) данной категории мы наблюдали обострения дерматоза в ближайшие 1–2 месяца. В связи с этим можно сделать вывод о прогностической значимости изучаемых показателей. Высокая активность показателей ПОЛ, вероятно, свидетельствует в этих случаях о незавершенности патологического процесса, сопровождающегося эндогенной интоксикацией.

Таблица 1

Динамика уровня МДА в плазме крови и спонтанного НСТ-теста у больных экземой в зависимости от стадии заболевания

Группы обследованных	n	МДА, мкмоль/л			n	НСТ-тест (усл. ед.)		
		X±m	P	P ₁		X±m	P	P ₁
Здоровые	62	2,1±0,09	–	–	56	13±0,8	–	–
Острая стадия	108	5,12±0,17	<0,001	–	85	47±0,9	<0,001	–
Подострая стадия	102	4,02±0,14	<0,001	<0,001	85	31±0,6	<0,001	<0,001
Стадия ремиссии	91	2,42±0,14	<0,001	<0,001	74	17±0,8	<0,001	<0,001

Примечание: здесь и в табл. 2–3: P – достоверность различий по отношению к здоровым; P₁ – достоверность различий по отношению к предыдущему периоду; X – среднее арифметическое значение; ±m – средняя ошибка среднего арифметического

При сравнении показателей уровня МДА и НСТ-теста в зависимости от клинической формы экземы обнаружены более значительные изменения при микробной и истинной экземе в сравнении с тилотической, себорейной и дисгидротической формами. При этом отмечено, что при истинной экземе МДА и НСТ-тест приближались к нормальным величинам к концу лечения, а при микробной экземе отмечалась более медленная нормализация исследуемых показателей (табл. 2). Полученные данные, очевидно, свидетельствуют о прямой зависимости между выраженностью воспалительной симптоматики и активностью ПОЛ. Монотонное повышение концентрации МДА и тетразолиевой активности лейкоцитов у больных хронической микробной экземой, видимо, следует расценивать как результат постоянной стимуляции иммунокомпетентных клеток бактериальными антигенами, что, в свою очередь, запускает механизмы фагоцитоза и связанные с ним биохимические процессы.

Таблица 2

Динамика уровня МДА в плазме крови и спонтанного НСТ-теста у больных различными клиническими формами экземы

Группы обследованных	n	МДА, мкмоль/л			n	НСТ-тест (усл. ед.)			
		X±m	P	P ₁		X±m	P	P ₁	
Здоровые	62	2,1±0,09	–	–	56	13±0,8	–	–	
Истинная экзема	I	41	4,91±0,11	<0,001	–	31	36±0,7	–	–
	II	38	4,06±0,07	<0,001	<0,001	31	28±0,6	<0,001	<0,001
	III	34	3,27±0,08	<0,01	<0,001	28	17±0,8	<0,001	<0,001
Микробная экзема	I	49	6,12±0,17	<0,001	–	36	47±0,9	<0,001	–
	II	46	5,02±0,14	<0,001	<0,001	36	34±0,6	<0,001	<0,001
	III	42	3,97±0,16	<0,001	<0,001	31	21±0,7	<0,001	<0,01
Дисгидротическая экзема	I	11	3,08±0,14	<0,001	–	12	31±1,2	<0,001	–
	II	12	2,42±0,16	<0,001	<0,001	12	27±1,5	<0,01	<0,01
	III	9	2,12±0,17	>0,05	>0,05	9	15±0,8	>0,05	<0,01
Себорейная экзема	I	7	3,07±0,14	<0,001	–	6	24±1,4	<0,001	–
	II	6	2,42±0,16	>0,05	>0,05	6	16±1,3	>0,05	>0,05
	III	6	2,11±0,17	<0,001	<0,001	6	13±1,5	>0,05	>0,05

Примечание: здесь и в табл. 3 периоды соответствуют: I – острое течение, II – подострое течение, III – стадия ремиссии

Изучение уровня МДА и спонтанного НСТ-теста у больных экземой в зависимости от тяжести и распространенности кожного процесса выявило более значительное возрастание показателей прооксидантной системы при распространенных формах заболевания с осложнениями, чем при ограниченных формах, протекающих без осложнений. При этом уровень МДА в период ранней ремиссии у больных с осложненными формами оставался заметно выше нормы, а у больных с неосложненными формами экземы приближался к норме. Показатели НСТ-теста при распространенной экземе с осложнениями были также более высокими, чем у больных с ограниченными формами и при отсутствии осложнений (табл. 3). Следует отметить, что пиковые значения МДА и НСТ-теста получены у всех 8 больных экземой, осложненной вторичной эритродермией.

Таблица 3

Динамика уровня МДА в плазме крови и спонтанного НСТ-теста у больных экземой в зависимости от наличия осложнений

Группы обследованных	n	МДА, мкмоль/л			n	НСТ-тест (усл. ед.)			
		X±m	P	P ₁		X±m	P	P ₁	
Здоровые	62	2,1±0,09	–	–	56	13±0,8	–	–	
Больные экземой без осложнений	I	76	4,91±0,12	<0,001	–	57	36±0,7	<0,001	–
	II	66	3,57±0,8	<0,001	<0,001	57	28±0,6	<0,001	<0,01
	III	55	2,12±0,17	<0,01	<0,001	57	17±0,8	<0,001	<0,01
Больные экземой с осложнениями	I	36	6,35 ±0,12	<0,001	–	28	56±1,4	<0,001	–
	II	36	5,06±0,10	<0,001	<0,001	28	43±1,6	<0,001	<0,001
	III	36	3,92±0,13	<0,001	<0,001	28	24±1,4	<0,001	<0,001

Таким образом, высокие показатели уровня малонового диальдегида в плазме крови у больных с экземой позволяют считать, что в развитии явлений воспаления и тканевых повреждений, во многом

определяющих клиническую симптоматику экземы, немаловажное значение принадлежит избыточной продукции свободных радикалов. В результате динамического исследования прооксидантной системы плазмы крови у больных псориазом обнаружена достоверная зависимость уровня продукта перекисного окисления липидов – малонового диальдегида – от тяжести и распространенности патологического процесса, наличия осложнений и сопутствующих заболеваний. Отмечено повышение концентрации МДА на фоне обострения экземы с постепенным ее снижением параллельно разрешению клинической симптоматики у большинства больных. Достоверно более высокие и стойкие изменения уровня МДА отмечены у больных осложненными и распространенными формами заболевания.

Исследование и изучение функционально-метаболической активности лейкоцитов методом спонтанного НСТ-теста у больных различными клиническими формами экземы выявило усиление показателей восстановления нитросинего тетразолия в острую стадию заболевания с постепенной нормализацией к периоду клинической ремиссии. При этом степень повышения тетразолиевой активности нейтрофилов закономерно коррелировала с тяжестью, клиническими разновидностями и распространенностью экзематозного процесса. Следовательно, данные о состоянии процессов радикалообразования в нейтрофильных лейкоцитах у больных экземой на примере изучения НСТ-теста, полученные в данном исследовании, свидетельствуют об их важной роли в возникновении повреждений мембранных структур клеток эпидермиса и дермы, приводящих к развитию явлений серозного воспаления и тканевых повреждений, определяющих клиническую симптоматику экземы.

Полученные данные свидетельствуют о важной роли прооксидантных процессов в развитии и рецидивировании патологического процесса у больных экземой, что имеет практическое значение и позволяет рекомендовать исследование НСТ-теста и МДА с диагностической и прогностической целью в комплексном обследовании пациентов.

Библиография

1. Глыбочко П.В., Бакулев А.Л., Свистунов А.А. Механизмы эндогенной интоксикации при болезни Рейтера // Вестник дерматологии и венерологии. 2006. № 2. С. 30–39.
2. Исаков С.А., Белотелова Л.К., Викторова Т.Н. и др. Клинико-лабораторная диагностика перекисного окисления липидов и структурно-функционального состояния биомембран у больных хроническими дерматозами // Материалы конференции, посвященной памяти А.Л. Машкиллейсона. М., 2004. С. 7–8.
3. Нагоев Б.С., Сабанчиева Ж.Х. Состояние системы перекисного окисления липидов у больных ВИЧ-инфекцией, протекающей в сочетании с туберкулезом // Известия Кабардино-Балкарского научно-го центра РАН. 2005. № 2 (14). С. 113–118.
4. Оспанова С.А. Совершенствование терапии экземы с учетом эндогенной интоксикации: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. Алматы, 2008. 30 с.
5. Генинг Т.П. Система «перекисное окисление липидов – антиоксиданты» в норме и патологии: монография. Ульяновск: УлГУ, 2008. 236 с.
6. Копытова Т.В. и др. Лабораторная диагностика эндоинтоксикации при хронических дерматозах // Клин. лаб. диагностика. 2000. № 1. С. 14–17.
7. Нестеров А.С. Система перекисного окисления липидов эритроцитов при хронических дерматозах // Российский журнал кожных и венерических болезней. 2007. № 3. С. 37–39.
8. Герасимов И.Г., Калуцкая О.А. Кинетика реакции восстановления нитросинего тетразолия нейтрофилами крови человека // Цитология. 2000. Т. 42, № 2. С. 160–165.
9. Покровский В.И., Нагоев Б.С. НСТ-тест нейтрофильных лейкоцитов и его клиническое значение: метод. пособие. Нальчик, 1983. 55 с.
10. Anner R.M., Nydegger U.E., Niecher P.A. Nitro-blue tetrazolium (NBT) test in the diagnosis of inflammatory diseases // Ther. Umsch. 1971. V. 28, N 9. P. 601–605.
11. Baehner R.L., Nathan D.G. Quantitative nitroblue tetrazolium test in chronic granulomatous disease // New Engl. J. Mod. 1967. V. 278, N 2. P. 971–976.
12. Ushyama M., Michara M. Determination of malonaldehyde precursor in tissues. Anal. Biochem. 1998. V. 86, N 1. P. 271–278.
13. Stuart J., Gordon P.A., Lee T.R. Enzyme cytochemistry of blood and marrow cells // J. Histochem. 1975. V. 7, N 5. P. 471–487.
14. Нагоев Б.С. Модификация цитохимического метода восстановления нитросинего тетразолия // Лабораторное дело. 1983. № 8. С. 7–11.

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 39

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ СТАНОВЛЕНИЯ ЭТНОСА И СУБЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ АБАЗИН

Камбачокова М.Ю.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

kambachokova@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с происхождением абазин и территорией их расселения, приводятся некоторые сведения о названиях этнических групп, их количественном составе и местах обитания.

Ключевые слова: абазины, этногенез, этнос, субэтнические группы, Северный Кавказ

ON THE QUESTION OF THE MAIN STAGES OF ETHNIC DEVELOPMENT AND SUB-ETHNIC COMPOSITION OF THE ABAZINS

Kambachokova M.Yu.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

The article is devoted to the consideration of questions, connected with the origins of the Abazins and the territory of their settlement. It gives some data about the names of ethnic groups and their number and habitats.

Key words: abazins, ethnogenesis, ethnic, sub-ethnic groups, North Caucasus.

В исторической науке утвердилось мнение, согласно которому древними предками абазин (самоназвание – «абаза») являются абазги, населявшие во втором веке нашей эры территорию северо-западной части современной Абхазии на восточно-черноморском побережье Кавказа.

Вопросы, связанные с происхождением абазин и территорией их расселения, рассматривались во многих исследовательских работах известных ученых. Однако общепринятой научной точки зрения по этой проблеме до настоящего времени так и не возникло. В современном кавказоведении существует три основные теории, объясняющие этногенез абазин.

Представители первой теории придерживаются мнения, что абазины в прошлом являлись частью абхазов и сформировались в качестве самостоятельной народности после их переселения на Северный Кавказ (З.В. Анчабадзе, С.П. Басария, И.Н. Бжания, А.Н. Генко и др.).

Согласно второй теории, абазины в древности были самостоятельной народностью и именовались абазгами, общались на убыхском языке и проживали на северо-западном побережье Черного моря (Л.И. Лавров).

По третьей теории, абхазы и абазины имеют общие корни; абазины являются частью абхазских племен. Как самостоятельная народность они оформились до переселения на северные склоны Кавказских гор (Ш.Д. Инал-Ипа, Е.П. Алексеева, Я.А. Федоров и др.).

В средние века этноним «абаза» применялся не только для обозначения собственно абазин, но и других, родственных им абхазо-абазинских племен [1].

В исторических источниках и специальной литературе об абазинах содержатся некоторые сведения о названиях этнических групп, местах их обитания, отдельных чертах социального строя и этнографического быта этноса. Одни источники отмечают, что северокавказские абазины «по языку и происхождению суть «абазы» [2]. Так, в документе, датированном 1774 годом, читаем: «Абазины шести родов, или алты кесек называемые, происхождение свое имеют из Большой Абазы, никому не подвластной, откуда вышли они в давних годах, по-

селились близ Большой Кабарды в горах, на речке Инжике, при вершинах реки Кубани, и отдались в подданство оной Кабарды владельцам, и с этого времени платят им подать» [3].

Привлекает внимание сам термин «абаза», которым называлось, согласно сообщению Ф.Ф. Торнау, в историческом прошлом все население от р. Саше до р. Ингури, что на Черноморском побережье [4]. Это объясняется тем, что термины «абхаз», «абаза», «абадзе», которыми обозначался этнически однородный массив, занимавший почти все Черноморское побережье Кавказа, имели общее, собирательное значение: так назывались у черкесских племен все абхазские племена в самом широком смысле слова, включая и убыхов, объединявшиеся родством языков и культуры и жившие к югу от черкесов.

На территорию Северного Кавказа абазины начали переселяться с конца XIII в. Вместе с тем одни исследователи (Л.И. Лавров, Е.П. Алексеева) относят период массового переселения абазин на Северный Кавказ к XIV и XVI вв., другие же исследователи считают, что процесс переселения абазин на Северный Кавказ проходил в несколько этапов и продолжался в течение длительного периода времени, вплоть до XVIII века.

Абазинский язык принадлежит к абхазо-адыгской семье языков. Он генетически близок к абхазскому, но содержит и немало элементов, свойственных убыхскому, адыгейскому и кабардино-черкесскому языкам. В фонетическом отношении язык абазин – один из наиболее сложных языков мира. Он распадается на два диалекта – тапантский (тIапIанта) и ашхарский, или шхараовский (щхъарауа). В основу современного абазинского языка лег кубино-эльбурганский говор тапантского диалекта.

Специалисты считают, что термин «тапанта» – осетинского (иранского) происхождения и означает при переводе на русский язык понятие «равнинный житель». Термин «шхарауа» – абазинского происхождения, означает «горные люди». Среди части адыгов (кабардинцев), живших по соседству с абазинами, абазины-тапанта известны под названием «басхяг». Абхазы же именуют абазин «ашвуа». В группу абазин-тапанта входили лоовцы, дударуковцы, бибердовцы, клычевцы, джантемировцы, кячевцы. В группу абазин-шхарауа – башилбаевцы (по одним источникам – мысылбай), кизилбековцы, шахгиреевцы (по одним источникам – чигреи), тамовцы, баговцы и баракаевцы.

Общая численность абазин к началу XIX в. точному определению не поддается из-за частых перемещений этноса. Причины этих перемещений связаны в первую очередь со стремлением этноса найти места, защищенные от нападения внешнего врага; во-вторых – с нескончаемыми внутренними распрями между князьями, вследствие чего один или несколько князей, потерпевших поражение в борьбе со своими соперниками или просто не желавшие жить в соседстве с враждебными князьями, забирали своих подданных и уходили на новые места жительства. «История абазинского народа до XX в., – пишет по этому поводу Л.И. Лавров, – представляет собой повесть о непрерывном уменьшении некогда большого и сильного кавказского народа» [5].

Таким образом, однозначное определение точных мест расселения абазин и их численности в тот период времени представляется чрезвычайно сложным. Сведения, встречающиеся в источниках, неполны, подчас противоречивы и не дают ясного и полного представления о территориальных границах расселения и численности данного народа, о перемещении отдельных абазинских родов и целых аулов. К началу 40-х годов XIX в. еще не все представители абазинского народа значились в списках царских наместников в качестве «окончательно покоренных». Это касалось особенно той части абазин, которая жила в горных труднодоступных районах. Но большая часть тапантинцев к этому времени уже была расселена в пределах российских владений. Тапантовцы именовались по фамилиям своих князей: лоовцы, дударуковцы, бибердовцы, кячевцы, джантемировцы, клычевцы.

Лоовцы возглавлялись князьями Лоовыми, которые жили по обоим берегам Кубани и между Кубанью, Кумой и Малкой. Бибердовцы возглавлялись князьями Бибердовыми.

По сообщению турецкого путешественника по Кавказу Эвлия Челеби, в середине XVII в. бибердовцы обитали на территории, расположенной вдоль рек Малый Зеленчук и Кубань.

Дударуковцы возглавлялись князьями Дударуковыми. В середине XVII в. они обитали в районе рек Лаба и Уруп. К концу XVIII в. дударуковцы были переселены из-за Кубани в верховья Кубани. И только в начале XIX в. они обосновались на левом берегу Кубани [6].

Клычевцы, возглавляемые князьями Клычевыми, в конце XVIII в. проживали на территориях вдоль р. Малый Зеленчук. В середине XIX в. к ним присоединились кабардинцы и представители других племен.

Кячевцы, во главе которых стояли князья Кячевы, были ответвлением клычевцев. По сообщению Рейнеггса, кячевцы еще до XVIII в. были переселены на правый берег Кубани, выше устья реки Мары. В середине XIX в. кячевцы были поселены на правом берегу р. Мары, а в конце XIX в. они расселились по другим селениям.

Джантемировцы в конце XVIII в. проживали недалеко от г. Пятигорска, а до этого (в середине XVIII в.) жили в бассейне верхней части реки Кума. Они управлялись князьями Джантемировыми. По сообщению С.М. Броневского, в начале XIX в. «абазинские аулы протянулись по Куме и Подкумке малыми усадьбами до самой Кисловодской крепости числом до 500 дворов» [7].

Численность абазин-тапанта, по статистическим сведениям Е.Д. Фелицына, с 1871 по 1877 гг. представляется следующей: в Лоовско-Кубанском проживало 1056 чел.; Кумско-Абазинском – 1358 чел.; Лоовско-Зеленчукском – 1106 чел.; Дударуковском – 969 чел.; Клычевском – 809 чел.; Бибердовском – 656 человек [8].

Описания и документы 40-х–начала 60-х годов XIX в. фиксируют абазин-шкараовцев в тех же местах, что и источники первой четверти XIX в.: их аулы размещались в верховьях Урупа – левого притока Кубани, Большой и Малой Лабы и их притоков: Андрюка, Ходза, Губса, Кяфара [9]. Временами отдельные аулы из-за военных действий перемещались в пределах своей территории, уходя в неприступные места или поселяясь среди соседних народов.

Из группы шкарауа источники выделяют следующий состав: мысылбай (башилбай), кизилбек, там, баг, чегерей, баракай.

Первые упоминания о мысылбаях мы находим у Эвлия Челеби, отмечавшего, что в первой половине XVII века они могли выставить 7500 храбрых воинов и обитали на Северном Кавказе [10]. С середины XVIII в. мысылбай обитали в верховьях Урупа. А в конце XVIII в. их земли, по мнению Палласа, находились в верховьях рек Уруп, Кефар, Большая и Малая Тегени. В середине XIX в. мысылбай эмигрировали с Большого Зеленчука и расположились вдоль рек Фарс и Псефир. В этот же период они проживали и в верховьях Большой и Малой Лабы.

Численность мысылбаевцев в середине XIX в. составляла 1297 душ мужского и 1380 женского пола [11].

В 1861 г. к концу Кавказской войны мысылбаевцы, не подчинившись России, почти полностью переселились в Турцию, а небольшая их часть расселилась по другим абазинским и адыгским селениям.

Тамовцы (450 семейств) обитали в ущелье реки Большая Лаба. Ими управляли Заурумовы, причислявшие себя к абхазскому княжескому роду Маршания. Аул Заурумова состоял из 550 жителей [12].

В период Кавказской войны тамовцы переселились за Главный Кавказский хребет, а оттуда выселились в Турцию. Отдельная часть рода образовала селение Кувинское. Другие расселились в иных селениях.

Кизилбековцы получили свое название от княжеского рода Кизилбековых. Первые упоминания о кизилбековцах, по сведениям источников, приходятся на середину XVIII в. Селения кизилбековцев располагались у притока р. Малая Лаба. Как и тамовцы, кизилбековцы выселились в 1861 г. в Турцию, а небольшое их число, оставшееся на Кавказе, рассеялось по абазинским и адыгским селениям.

Этнографическую группу чегреев («шахгиреевцы») возглавляла фамилия Цикисовых. Первые упоминания о чегреевцах, проживавших в долине р. Малая Лаба, встречаются в источниках середины XVIII в. В годы Кавказской войны большая часть из них выселилась в Турцию. Оставшиеся подчинились царской администрации и переселились на территорию, расположенную вдоль р. Ходзь. Позднее они освоили равнинные районы, где образовали свое селение Шахгиреевское (ныне аул Апсуа).

Баговцы, известные с начала XVIII в., возглавлялись фамилией Багашевых. До первой половины XIX в. они обитали в верховьях р. Ходзь. Это было самое малочисленное из всех абазинских селений. К 1863 г. из баговцев в России оставалось только 27 человек [13].

Другая группа абазин – баракаевцы – управлялась князьями Лаховыми. В первой половине XIX в. они проживали на р. Губс. К середине XIX в. баракаевцы перешли с насиженных мест в Даховское ущелье. А в 1863 году это племя, как и охарактеризованные выше их сородичи, переселилось в Турцию. Из 1250 представителей данной этнографической группы абазин на Кавказе оставалось всего 460 человек [14]. Но и они с течением времени растворились среди адыгских этнических групп.

Ф.Ф. Торнау, знавший абазин не понаслышке и даже в одно время живший среди горных абазин, подводя итоги своим наблюдениям и подсчетам, отмечал, что в 1835–1837 гг. всего можно было полагать на Кавказе абазинского племени около 128 000 душ [15]. Уже после окончания Кавказской войны, по сведениям Е.Д. Фелицына, собранным им в декабре 1883 года, число всех абазин, проживавших в Кубанской области, составляло 3690 семей, или 24 461 чел. [16].

Таким образом, северокавказские абазинцы в рассматриваемый период занимали высокогорную часть северных склонов Кавказского хребта между верховьев р. Кума и Подкумак. Они были расселены по левому берегу Кубани и в бассейнах Теберды, Аксаута, Маруха, Кяфара, Урупа, Большой и Малой Лабы, Зеленчуков, Ходзь, Белой и Губс. Земли северокавказских абазин граничили с землями бесленеевцев и ногайцев на севере, мамхяговцев – на северо-западе, абхазов – на юго-западе и карачаевцев на юго-востоке [17].

Кроме того, абазинцы жили среди шапсугов и натухайцев в горах недалеко от Кубани и Анапы. В последнем случае надо полагать, что это те абазинцы, которые входили в состав Большой Абазии и продолжали оставаться на Черноморском побережье.

С течением времени, а точнее – в начале XX в., все абазинские селения вместо прежних своих названий, происходивших, как отмечалось выше, от княжеских фамилий, получили другие наименования. Так, например, с. Шахгиреевское было переименовано в Апсуа, что в переводе с абхазского означает «Абхазы», Егибоковское – в Абзакт («абазинское селение»), Клычевское – в Псауче-Дахе (в переводе с

черкесского – «красивая жизнь»), Дударуковское – в Псыж («Кубань»), Бибердовское – в Эльбурган (по названию топонима), Лоовско-Кумское – в Красно-Восточное.

В 1928 г. от наиболее крупных абазинских населенных пунктов отпочковались другие селения. Например, от Красно-Восточного – с. Койдан, от Кувинского – с. Ново-Кувинское, от Инджик-Чукуна – с. Мало-Абазинское, от Эльбургана – с. Тапанта и с. Абаза-Хабль, от Кубины – с. Кара-Паго.

Пожалуй, самым трагичным в судьбе абазинского народа, как и многих других народов Северо-Западного Кавказа, было их массовое выселение в Турцию во время Кавказской войны.

Выселение части абазин в Турцию в начале второй половины XIX в. повлекло за собой резкое сокращение численности этноса на Северо-Западном Кавказе. В источниках нет полных данных о количестве абазин, волею судьбы ставших махаджирами. В них зафиксировано только то, что в течение 1864 г. из Анапы, Новороссийска, а также из абазинского местечка Джубга в Турцию отправились 50 000 горцев. По данным за 1859–1865 гг., эта цифра составляет 45 тысяч человек.

По другому источнику, из общего количества кавказских переселенцев представители абазин и садзов, джигетов, относящихся к абазино-абхазской этнической группе, составляли 49 925 душ за период с 1858 г. по 1866 г. Из вышеприведенных данных видно, что насильственное переселение абазин в Турцию носило массовый характер.

Как отмечает А. Фонвиль, всего с Северо-Западного Кавказа с 1858 по 1865 гг. выселилось, только по официальным данным, 4 936 194 душ.

Массовые переселения абазин в Турцию нанесли практически невосполнимый ущерб этому народу, надолго задержали развитие этноса в плане духовном, экономическом, социальном. Более того, этнические группы абазин – тапанта и шхарауа – уже на исторической родине были территориально расселены на довольно далеком расстоянии друг от друга, что также оказало негативное влияние на развитие этноса.

В настоящее время занимаемая абазинами территория находится в предгорьях Большого Кавказского хребта. Ее границы проходят по верховьям рек Большой и Малый Зеленчук, Кубань и Кума. Абазины проживают в 13 селениях Карачаево-Черкесской Республики: Абаза-Хабль, Апсуа, Мало-Абазинское, Ново-Кувинское, Старо-Кувинское, Тапанта, Псыж, Кара-Паго, Эльбурган, Кубина, Инджик-Чукун, Койдан, Красно-Восточное. В силу различных исторических обстоятельств абазины, как и большинство адыгов, в настоящее время проживают в ряде стран Ближнего Востока (Турции, Иордании, Сирии), а также в Европе (Германии, Голландии, Болгарии и т.д.).

Библиография

1. Генко А.Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. М.: Наука, 1955. 206 с.
2. Главани К. Описание Черкесии 1729 г. // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 17. Отд. 1. С. 151.
3. Архив внешней политики Российской империи. Фонд «Кабардинские дела», 1753, д. 12, л. 9.
4. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. Ч. I, II. М., 1865. С. 56.
5. Лавров Л.И. Абазины: историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1978. 183 с.
6. Петров Гр. Легенды и древние постройки в Карачае // Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1879. № 40.
7. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1–2. М., 1823. 333 с.
8. Фелицын Е.Д. Статистические таблицы пространства, населенности и сравнительные статистические таблицы численности народонаселения // ССК. Тифлис, 1880. Т. VII. С. 555.
9. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII–начале XX века. М.: Наука, 1974. 280 с.
10. Брун Ф. [Эвлия Челеби]. Заметки турецкого туриста о состоянии Закавказского края около половины XVII в. // Кавказ. Тифлис, 1870. № 64.
11. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // КС. Тифлис. 1900. Т. 21. Отд. 2. С. 80.
12. Горцы абазинского племени // Иллюстрированная газета. СПб., 1886. № 18.
13. Фелицын Е.Д. Числовые данные о горском и прочем мусульманском поселении Кубанской области // ССК. Тифлис, 1885. Т. 9. С. 52–56.
14. Тхайцухов М.С. Расселение и численность абазин на Северном Кавказе в XIX–начале XX в. // Труды Абхазского государственного университета. Сухуми: Алашара, 1986. Т. IV. С. 35.
15. Пятидесятилетие покорения Западного Кавказа и окончания Кавказской войны. Тифлис, 1914. С. 59.
16. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Алашара, 1975. С. 213.
17. Фонвиль А. Последний год борьбы Черкесии за независимость в 1863–1864 гг. Из записок участника-иностранца. Киев: УО МШК МАДПР, 1991. С. 59–60.

**СОСЛОВНАЯ РЕФОРМА В БАЛКАРИИ В 60-е гг. XIX ВЕКА:
К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА СОСЛОВИЯ ЯСАКЧИ (ЖАСАКЪЧЫ)**

Башиев А.М.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

amb_76@mail.ru

В статье анализируется проблема определения социального статуса сословия ясакчи в контексте проведения сословной реформы в Балкарии в 1866–1867 гг. Прослеживается генезис, эволюция и трансформация данного сословия.

Ключевые слова: сословная реформа, ясакчи, социальный статус.

**ESTATE REFORM IN BALKARIA IN THE 60S OF THE 19TH CENTURY: TO DEFINITION
OF THE SOCIAL STATUS OF ESTATE GROUP «YASAKHCI» (JASAKCHI)**

Bashiev A.M.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

In this paper it is analysing the problem of definition of social status of Yasakchi estate in context of conducting estate reform in Balkaria in 1866–1867. It is deduce the genesis, evolution and transformation of this estate.

Keywords: estatereform, yasakchi, the social status.

Проблема изучения и определения социального статуса ясакчи затруднена в силу отсутствия источников по XVIII–первой половине XIX вв. Впервые термин «ясакчи» встречается в документации администрации Кабардинского округа в 60-е годы XIX века, что связано с проведением сословной реформы.

Т.Х. Кумыков, К.Г. Азаматов, М.Ч. Кучмезова, Е.Г. Битова определяют статус ясакчи так: «обрядные крестьяне, состоящие в крепостной зависимости» [1]. К.Г. Азаматов отмечает, что ясакчи имели привилегированное положение, в отличие от остальной массы крестьянства – каракиши [2], М.Ч. Кучмезова характеризует ясакчи как крестьян, откупившихся от феодальных повинностей [3], Е.Г. Битова интерпретирует ясакчи как результат дальнейшей социальной стратификации свободных крестьян-общинников [4]. Мы же предлагаем рассматривать ясакчи как социальную прослойку – категорию узденей.

Мы попытаемся выявить генезис, эволюцию и последующую трансформацию данной прослойки. Важно определиться с ее социальным статусом и численностью. При анализе любого сословия концептуально важна этимологизация термина, использующегося для его обозначения. В переводе с балкарского термин ясакчи означает «тот, кто платит налоги» [5].

Нами выявлен ряд архивных документов, которые, на наш взгляд, вносят определенность в эту проблематику. Следует обратить внимание на факт, что в хронологическом срезе они падают на середину XIX века, когда с началом работы различных сословно-поземельных комиссий встал вопрос определения прав и обязанностей между таубиями и их подвластными. Переплетение феодальных институтов с патриархальными родовыми устоями накладывало отпечаток на взаимоотношения таубиев с узденями. Зачастую ход дела зависел от субъективности органов судопроизводства и администрации Кабардинского округа.

В рапорте управления Кабардинского округа от 28 февраля 1870 г. за № 697 начальнику Терской области указывалось, что «...основываясь на присяжных заседателях показаниях, суд признав Хучиевых и Суйдумовых людьми свободными, наложил взыскание в удовлетворение Бараспиева на наследников Шу Женокова, будто бы предоставившего Бараспиеву Хучиевых и Суйдумовых как холопей, не входя в рассмотрение действительно ли была совершена в каком виде продажа. Во втором же решении суд признав Хучиевых, Суйдумовых и Султановых «ясакчи», вместе с тем, отказывало совершенно Бараспиеву в удовлетворении его претензии, на том основании, что покупающий не мог не знать что покупает, а следовательно если между Шу Женоковым и Баймурзовыми /родственники Кучука Бараспиева/ и было какая сделка по передаче прав на Хучиевых, Суйдумовых и Султановых, то эти права дальше взыскания с них ясака не могли распространяться...» [6].

Повинность, вносимая ясакчи Женокова, равнялась шести баранам в год осенью или одному быку или стельной корове, по истечении пяти лет вносили полную подать в сто баранов [7]. При опросе

Муссы Женокова Черекским участковым начальником капитаном Коноплянским тот дал следующее объяснение: «...Камбулат Башиев и Али Бозиев не холопья его, а выселившиеся из Балкарии свободные каракиши, обязанные нести ему некоторые повинности...» [7]. Родной брат Муссы Казильбек Женоков показал, что «...Камбулат Башиев еще при жизни их отца откупился от всех повинностей и теперь совершенно свободен, а Али Бозиев и по настоящее время платит по истечении каждых пяти лет по сто баранов, которых он отдал в прошлом году...» [7].

В рапорте Кабардинского окружного народного суда от 29 июня 1866 г. за № 353 начальнику Терской области с приложением сведений о зависимых сословиях в Кабардинском округе и их повинностях сказано: «...ясакчи и чагары весьма зажиточны, а потому количество выкупной суммы определяются самим владельцем; обыкновенно выкупающиеся на свободу отдают своему владельцу все свое имущество, из которого известная часть; если когда и выделяются, то это зависит от согласия или великодушия господина...» [8]. В работе Н.Н. Харузина «По горам Северного Кавказа» раскрывается суть указанной выше проблемы. Во время своей поездки в Балкарское общество со слов таубия Хамурзы-хаджи Шаханова он записал: «уздени произошли частью из потомков дружинников Басиата, частью из туземцев. Они получали землю от князей, несли за это разные повинности. От всех этих повинностей князь мог освободить узденя, но случаи освобождения бывали редко. Иногда в благодарность за свое освобождение князь требовал, чтобы уздени дали ему все свое имение» [9]. С приведенными словами таубия Хамурзы-хаджи Шаханова перекликается жалоба таубия Муссы Женокова на имя начальника Терской области, где указывается: «при освобождении ясакчей взято все имущество при выходе на волю» [10]. При опросе свидетелей в суде по делу Бараспиева с Хучиевыми и Суйдумовыми от 26 апреля 1869 г. за № 26 свидетель Хаджи Батыр Бозиев показал, что «...отец его Хаджи Бозиев сказал, что Хучиевы принадлежали Эльмурзе Женокову, Суйдумовы принадлежали Тлостаналию. Хучиевых было пять братьев: ...по 200 рублей они платили за душу и были освобождены в то время, когда еще у отца его не было бороды, а ему 88 лет, до чумы, после этого пройдя много времени Бараспиевы начали претендовать на Суйдумовых и Хучиевых...» [11].

В докладе правителя Канцелярии начальника Терской области от 28 октября 1869 г. начальнику области сказано, что «...21 декабря 1858 года и 5-го марта 1859 года Безенгиевские жители Хучиевы и Тлостановы обратились к начальнику Кабардинского округа с прошениями, в которых заявили, что в давнее время предки их находились в зависимости от таубиев Женоковых и отбывали им некоторую повинность, а затем также за долго по настоящее время, заплатив Женоковым по 200 рублей с души в виде выкупа, получили полную свободу. Потомки же этих вольноотпущенников, нынешние представители фамилии Хучиевых и Тлостановых из опасения быть поработченными сильными горскими таубиями, два раза брали на воспитание у таубиев Бараспиевых детей, и в знак сближения с ними, при выдаче дочерей своих в замужество, платили названным таубиям по паре быков, но в настоящее время Кучук Бараспиев по неизвестной просителям основании, называет их своими холопьями. В подтверждение неправильности притязаний Бараспиева, Хучиевы и Тлостановы в последнем прошении своем ссылаются на очевидную невероятность того обстоятельства, что бы 122 души их фамилии могли быть проданы Женоковыми и куплены Бараспиевыми, а потому они просят расследовать их жалобу законным порядком, так как не признают не только за Бараспиевыми, но и за Женоковыми никакого права владения ими, что может подтвердить присягою весь балкарский народ...» [11].

Показательно прошение жителей Балкарии Бозиевых и Башиевых начальнику Кабардинского округа Кобулову от 21 марта 1864 г. о пресечении попыток Женокова поработить их, где они указывают: «...предки наши из балкарских старожильцев, впоследствии потомки Басиата умножившись; когда овладели балкарцами, князя Кайтукины приговорили, чтобы мы состояли в ведении под защитой Басиятов Женоковых; заискивая расположение их, предки наши дарили их одновременно баранами и скотом, но подданными холопьями никогда не были...» [12]. Аналогичные показания давал о социальном статусе и правовом положении указанных фамилий на суде таубий Мусса Женоков, отмечавший, что «...он слышал, что Хучиевы и Суйдумовы в доме никогда не работали, но исполняли некоторые обязанности и от них меньше всех получали повинностей, Хучиевы и Суйдумовы платили чрез 5 лет в 6-й по 10 рублей в год с двора, но при нем они не платили ни какой повинности. Выкуп Хучиевы и Суйдумовы платили прежде, но этого он не помнит, а только слышал...» [13].

М.К. Абаев сообщает, что «...жители селения Сауту, потомков племени таулу по завоеванию их Мисакой, впоследствии сделались ясакчи...» [14]. Женоковы указывали на «...несение Башиевыми и Бозиевыми повинностей по прошествии 20-колен их рода...» [15]. В другом архивном документе Женоковы отмечали «...несение Башиевыми и Бозиевыми повинностей 8-коленами их рода...» [16]. Принятый коэффициент исчисления одного поколения – 33–35 лет. Таким образом, приход Басиата, появление таубиевских фамилий и установление ими патроната над населением в форме вассалитета-сюзеренитета можно отнести к началу XV и середине XVI века.

В журнале Кабардинского временного суда от 29 ноября 1867 г. за № 30 отмечается, что Кучук Бараспиев заявил в суде, что: «...14 дворов, называющиеся ясакчами его и освобожденные как таковые, а между тем он купил их у Женоковых, как чагар, и просит чтобы они были освобождены на условиях последних фа-

милии чагар Коншао Хучиев, Мусса Суйдумов, Исса Суйдумов, Батыр Султанов, Юзек Султанов и Исхак Султанов, Коншао Хучиев, Коншао Хучиев и Ата Хучиев показали, что они свободного происхождения, Бараспиеву никогда не принадлежали и никаких повинностей ему не отбывали а напротив на равных с другими людьми вносили государственную подать и все общественные повинности...» [17].

Уравнение узденей-ясакчи в правах с холопами обостряло обстановку в обществе. Об этом красноречиво говорится в прошении «...жителей Балкарии фамилии Базиевых и Басиевых от 1 февраля 1866 г. начальнику Кабардинского округа полковнику Нуриду». В частности, они отмечали: «Будучи подданными русского Государя, мы желали бы платить ему подать наравне с тем сословием балкарцев к которому мы принадлежим, не знаем почему с нас не берут ее, а потому покорнейше просим Ваше Высокоблагородие принять и от нас подать наравне с другими балкарцами, а если не изволите принять от нас, то покорнейше просим Вас объяснить нам причину этого...» [18].

С началом работы сословно-поземельных комиссий администрация Кабардинского округа стала практиковать сравнение сословной иерархии балкарцев с сословной структурой кабардинского общества. Таубии Женоковы по данной системе приравнивались к узденям первой степени, иногда можно встретить их в списках тлекотлешей и диженуго. Сословие узденей-каракиши приравнивалось по своему статусу к уоркам-шеготлугусам в кабардинской феодальной иерархии. По архивному документу житель селения Женокова Магомед Башиев числится узденем третьей степени [19]. Среди подвластных таубию Темирханову значатся «три двора Сомгури», т.е. Сомгуровых, которые проживали в ауле узденя Асламурзы Анзорова [20]. В документе «Дело об учреждении комитета по разбору личных прав жителей Большой Кабарды» есть докладная записка поручика Хотокшуко Анзорова от 18 января 1862 г., в котором отмечается, что «...при составлении посемейных списков жителей аула Асламурзы Анзорова и имен переданных в комитет, один житель упомянутого аула именно Басият Сомгуров отмечен узденем, а родные братья его Батоко, Мембулат, Шепшуко, Теки, Алимурза и Ибрагим, неизвестно по каким причинам отмечены вольноотпущенниками, но как мне положительно известно, что сии последние действительно происходят из узденей, докладывая об этом оному комитету имею честь покорнейше просить в списке доставленном в оный комитет исправить означенную ошибку, тем, чтобы было отмечено, что противу Батоко, Шепшуко, Теки, Алимурзы и Ибрагима, что они узденского происхождения, а не вольноотпущенники» [21].

В данном случае нужно отметить, что переселенец всегда понижался в социальном статусе. Ясакчи в кабардинской среде воспринимались как уздени третьей степени.

Касаясь норм права продавать и покупать обязанности узденей, адат относительно каракиши предусматривал, что они «лично свободные не могли быть продаваемы, но повинности, отбываемые ими, господин имел право продать другому господину» [22]. Допускалась передача другому таубию его повинностей. В путевых заметках М.М. Ковалевского, где он фиксировал особенности обычного права балкарцев, упоминается сословие «чесакчи». Отмечая особенности положения чесакчи, автор пишет, что «...самого чесакчи нельзя было подвергнуть отчуждению...» [23]. В прошении таубия Алибека Женокова указывалось, что: «три семейства Бузиевых признаются моими ясакчанами..., но при этом они отказываются внести мне откупную плату, как это делается другими ясакчами» [24].

Отмечается пользование ясакчи Бузиевыми землей до 1872 г., не неся никакой повинности. В данном случае речь идет не о выкупе свободы, а об откупе за пользование землей. Алибек Женоков просит о понуждении трех семейств Бузиевых внести ему откупную плату, а семейство Али Бузиева заставить возвратить землю. На решение этого дела наложена резолюция начальника Кабардинского округа полковника Нурида: «...при освобождении зависимых сословий, ясакчанам не была назначена выкупная плата и платят только те, которые добровольно сошлись с бывшими их владельцами, что же касается до не отдачи земли Али Бузиевым, то это подлежит разбору в суде...» [24].

Данная резолюция перекликается с содержанием журнального постановления мирового посреднического суда от 20 января 1870 г. за № 20, где сказано: «...Суд на основании присяжных показаний 20 человек стариков, вызванных из Балкарского и Безенгиевского обществ находит, что фамилии Хучиевых, Суйдумовых и Султановых принадлежат к ясакчам, а положительных доводов на покупку этих фамилий от Хаджи Шу Женокова Бараспиевым нет. Но допустив даже, что Бараспиев купил их у Хаджи Шу Женокова, то он мог купить только право на получение ясака с Хучиевых, Суйдумовых и Султановых, а не их самих, а как право это Правительством уничтожено и ясакчи освобождены бесплатно, то Бараспиев не имеет право требовать никакой платы ни от Хучиевых, Суйдумовых и Султановых, ни от Женоковых...» [25].

Некоторые противоречия выявляются и при освещении вопроса об имуществе ясакчи при отмене зависимых отношений с таубиями. В пункте 4 рапорта Кабардинского окружного народного суда относительно ясакчи сказано: «...размер выкупной платы определяется по состоянию желающего приобрести свободу. Ясакчи и чагары... весьма зажиточны, а потому количество выкупной суммы определяется самим владельцем, обыкновенно выкупающиеся на свободу отдает своему владельцу все свое имущество...» [22]. Эти данные опровергаются в работе чиновника Кабардинского округа Н.Ф. Грабовского «Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа» [26]. Перечисляя условия освобождения чагар и казаков, Грабов-

ский делает оговорку: «...изъятием из этих правил было сословие ясаки, ... им владельцы оставили все имущество, прямо назначив выкуп от 90 до 450 рублей...» [26].

Имущество как родовое, наследственное принадлежало ясаки и никак не могло перейти к таубию, т.е. оно было неотчуждаемо. При разделе семейства ясаки его имущество в большинстве случаев доставалось наследнику или родственнику. При разделе каждый отделившийся нес те же повинности, за исключением обычной платы, что было даже более приемлемо, чем жить большой семьей [22].

Администрация Кабардинского округа признавала особое положение ясаки. Она отмечает, что «...рядом с этими зависимыми 3-х означенных категорий, в горских племенах существовали еще сословия, члены которых, будучи лично свободными, находятся в зависимом положении от лиц высших сословий по пользованию землей, принадлежащей последним. Зависимые по земле несут землевладельцам известные повинности, освященные временем и обычаем, и находятся как бы в договорных отношениях к владельцам земель. В такой поземельной зависимости находятся в горских обществах Кабардинского округа каракиши и ясаки...» [27]. В другой записке говорится: «...в горских племенах Кавказа существуют сословия, лица, принадлежащие к которым, будучи лично свободными, находятся в зависимом положении от членов высших сословий или вследствие пользования принадлежащего последним землею, или в силу так сказать административного подчинения, как управляемые к управляющим, обязанности которых в некоторых случаях преемственно переходили к членам известных пользовавшихся силою и значением родов, ... это в горских обществах Кабарды каракиши и ясаки...» [28].

Размер выкупной платы от 90 до 450 рублей объясняется сроками аренды. Повинности, отбываемые ясаки в денежном исчислении, составляли 90 рублей. Это минимальный размер в течение пяти лет. Он колебался в зависимости от количества земли: пахоты, покоса, пастбища. Максимальный размер доходил до 400 рублей, которые платили наиболее зажиточные арендаторы в зависимости от арендуемой земли. Учитывая мелкие подношения, максимальная сумма достигала 450 рублей. Величина зависела и от срока ясачных отношений. Объясняется это тем, что к 1866 году ясаки находились в различных сроках арендных отношений с таубиями: кто-то на первом году, кто-то на втором или третьем. Внося откупную за пользование землей, ясаки выкупали арендные отношения, а не личную свободу.

Ясаки не фиксируются в выкупных книгах Горского посреднического суда при освобождении крепостных крестьян в 1866–1867 гг., совокупные данные которых приводятся в трудах Абрамовской комиссии [22]. Сообщение М.М. Ковалевского о том, что больше всего ясаки жило у Абаевых, Бекановых и Женоковых, можно раскрыть на анализе именно выкупных платежей. Судя по выкупным платежам, Женоковы и Бекановы освободили только 27 человек.

Численность ясаки к 1866 г. определяют в 3166 человек [22]. Н.Ф. Грабовский утверждал, что ясаки жили исключительно в Балкарском обществе [32]. М.М. Ковалевский отмечал, что «...больше всего ясаки жило в Болкарах у Абаевых, Бекановых, Жулоковых и др.» [29]. Численность населения Балкарского общества к 1866 г. составляла около пяти тысяч человек [4]. Весьма вероятно, что цифра 3166 человек приемлема для обозначения всего узденского сословия Балкарского общества. Хотя допускаем, что ясаки могли жить и в других балкарских обществах, но при этом оставаясь подвластными таубиев из Балкарского общества.

Мы полагаем, что корни института ясаки следует искать в вассально-сюзеренных отношениях между таубиями и узденями. На наш взгляд, показателен будет сравнительный анализ эволюции феодальных отношений в Балкарии и Карачае после их вхождения в состав России. Примечателен факт, отраженный в рапорте исправляющего должность начальника Эльбрусского округа Н.Г. Петрусевича на имя помощника начальника Кубанской области П.Г. Дукмасова «О земельных отношениях между карачаевскими князьями и простым народом» от 28 января 1870 г. [30].

Именно через эту призму следует рассматривать данную проблематику. Вероятнее всего, уздени, подпадая под политическую зависимость таубия, получая «ёзденлик», несли узденские повинности, позднее переросшие в ясак. Особенно этот процесс усилился с вхождением Балкарии в состав России, когда данный институт начал изживать себя. Ясак – это дань, присваиваемая таубиями в виде прибавочного продукта, не связанного с землепользованием, а затем основным источником прибыли становится земельная рента. Видимо, практика земельных пожалований в Балкарии прекратилась в первой трети XIX века, как и в Карачае. Следует признать более сильную феодализацию Балкарского общества, в отличие от других обществ Балкарии. Невозможность отобрать «ёзденлик» со стороны таубия и безысходность со стороны ясаки в случае потери земли и патроната со стороны таубия предопределили складывание особой социальной прослойки узденства-ясаки. Данные отношения были скреплены договорными связями, вобрав в себя основные атрибуты экономических институтов (формы, сроки и т.д.) и нормы обычного права – адата. Прежде всего, ясаки сохраняли свои земли (ёзденлик), если обязывались вносить ясак. Денежное выражение повинностей было более поздним атрибутом, привнесением администрации. Нормы адата предусматривали в случае невыполнения обязанностей ясаки отчуждение права

собственности на земельный участок таубием. Самого ясакчи нельзя было подвергнуть отчуждению, но его обязанности могли продаваться.

Интересен в связи с этим архивный документ, где говорится: «...мужчины из Балкарского общества каракиши, ясакчи и чагары, не имеющие прав собрались и отправились в крепость Нальчик для того, что нет различий между этими тремя сословиями. Они сказали (написали), мы свидетельствуем сейчас, что нет никаких различий между нами и поставили свои отпечатки пальцев...» [31]. Далее следуют чернильные знаки свидетельствующих. Среди них много фамилий узденей, причем в первой десятке идут чагары, далее уздени. В эпилоге документа говорится: «...в этом году группа наших мужчин возвратилась из Тифлиса, после своего возвращения они (видимо таубии – А.Б.) заявили, что сословие чагар их рабы. Забрали себе наше имущество и земли, стали нас притеснять (лишать) в пользовании рекой...» [31].

Здесь интересен тот факт, что таубии заявили о личной зависимости чагар, а не каракиши и ясакчи. Таубии пытались обозначить зависимое положение каракиши и ясакчи. В начале 1864 г. доверенные от «крестьян» Балкарского общества обратились к начальнику Кабардинского округа с прошением, в котором настаивали на снятии с них зависимого положения от таубиев. При этом ссылались на то, что «когда-то были свободны, ни от кого не зависимы, но с постройкой крепости Нальчик, таубии поработили их, угрожая в случае неповиновения окончательным истреблением». Спор между свободным узденством и таубиями разбирался в суде, который постановил: «под опасением строгого наказания всем подвластным балкарских таубиев, нести те повинности какие каждому из них определены народными обычаями» [32].

Между тем и до этого случая в администрацию начали поступать прошения узденей Балкарского общества с просьбами отменить зависимое положение от таубиев в силу продолжения ими несения повинностей, тогда как в других обществах Балкарии данные отношения прекратились. Группа балкарских узденей 3 февраля 1862 г. подала прошение начальнику Кабардинского округа, где отмечали: «...балкарские таубии с давних времен требуют от нас разные повинности, но как подобные нам узденья аулов Баксанского, Чегемского, Безенгиевского, Хуламского и даже в Карачае и в Кабарде таковых повинностей в настоящее время ни какого не имеют, хотя таковые и наперед сего несли повинности наравне с нами, но в настоящее время не несут, а по сим обстоятельствам имеем честь покорнейше просить распоряжений Вашего Сиятельства от отстранении нас от таковых повинностей наравне с узденями вышеуказанных обществ и предоставить нам одинаковые с ними права...» [33].

Оба приведенных документа примечательны тем, что прошение в 1862 г. подали уздени верхней части Балкарского общества, а в 1864 г. прошение подали уздени нижней части данного общества. Начало 60-х годов XIX века стало временем перемен в отношениях между узденями и таубиями. Аналогичное положение складывалось в Карачае, где отношения между узденями и биями обострились из-за земельного вопроса.

В силу распоряжения графа Евдокимова от 12 января 1863 г. отношения между князьями и узденями считались упраздненными, т.е. узденские земли остались за ними в полной собственности. Этим распоряжением графа Евдокимова вассально-сюзеренные отношения были отменены в Кабарде и Балкарии.

Обстановка была настолько накалена, что администрация Кабардинского округа вынуждена была предпринять шаги, направленные на предотвращение открытого выступления узденей. С этой целью 11 июня 1864 г. было созвано совещание, на котором выборные от таубиев и узденей уточнили и зафиксировали те повинности, которые несли уздени, и они были закреплены в присутствии начальника округа и управляющего участком. Тем самым ясачные отношения сохранялись в силу земельного довольствования узденей от таубиев.

О том, что статус ясакчи Балкарского общества был идентичен статусу узденей других балкарских обществ, говорят следующие факты. Ясакчи на равных с каракиши участвовали в жизни общества. Представители рода Бозиевых всегда избирались в органы власти на местах. В 1860 г. при первых выборах старшин каракиши Кыден Бозиев был избран десятским в Нижней Балкарии (Коспарты) [34]. Должность десятского в то время мог занять представитель свободного узденского рода. Кыден приходился сыном Совцы (Сосы) Бозиева, одного из ясакчи Женоковых. Другой представитель Бозиевых, Хажибатыр, как ясакчи Женоковых фигурирует в списке доверенных от свободного узденства Балкарского общества [32]. Каракиши Али Бозиев в 1864 г. значится как свидетель в деле по убийству холопа таубия Абаева [35]. Али Бозиев – тоже ясакчи Женоковых. Таубий и владелец Хуламского общества Омар Шакманов был эмчеком узденя Тумака Бозиева, подвластного Женокову [36]. Фамилии Хочуевых, Султановых и Суйдумовых, проживавшие в Безенгиевском обществе, прописаны как кара-уздени [37]. Бозиевы в Хуламском обществе также в сословном отношении состояли как кара-уздени [38].

Наиболее убедительным показателем определения социального статуса ясакчи являются факты брачных связей представителей этой прослойки с узденями. Интересен в этом отношении документ под названием «Объяснения на будущие времена фамилии Бозиевых». Из документа следует: «В доказательство свободного происхождения нашей фамилии и независимости от первостепенного узденя Муссы Джинукова, представляем во свидетельство сверх всей свободной нации и те свободные или независимые фамилии, которые брали из нашей фамилии жен, а наша фамилия о них, ибо холопы по нашему обычаю не дают в жены свободные фамилии своих дочерей и от них не берут дочерей. Итак: деды наши были узденя, сами и женились на дочерях узденских, а именно первый дед женат на дочери фамилии

Битириковых, другой дед на дочери узденей Муколовых, третий на дочери узденей Гаттуевых. От них родились мы девять братьев, ныне все живые и каждый из нас в свою очередь взяли себе жену из узденей, а именно старший из нас женат на дочери узденей Ботталановых, другой тоже на дочери той же фамилии, третий женат на дочери Мокаевых, четвертый на дочери Сарбашевых, пятый на дочери Кандаевых, шестой на дочери Дзаболан Келлета, седьмой на дочери из Басхан Малкаровых, осмой на дочери Карка Калтуровых, девятый на дочери Хабаловых.

Из нашей же фамилии взяли себе в жены следующие фамилии из узденей: Мисыров Бекмурза, Казиев Абрек, Мулла Махамет, Зангоразов Хамаза, Масугов Атту, Махаматов Атаби, Таукелов Кучук, Темкаев Бамарза, Атабиев Каден, Ульбашев Гамай. Все сии фамилии свободного состояния, т.е. уздены и конечно же не взяли у нас дочерей в жены, если бы мы были холопы, ибо по нашему обычаю это стыдно. Равно и те фамилии из коих мы взяли дочерей в жены себе, не отдали бы за нас своих дочерей, если бы мы не были уздены. А потому следует рады правды добра и истины спросить все означенные фамилии на сколько я справедливо показываю...» [39].

В прошении балкарских жителей Касая, Адорока и Хачабая Габачиевых указывается: «...вот уже 80 лет тому назад, как предки наши и мы жили на земле Казбековых в горах под названием «Хазнытары», а теперь 1857 г. переселился в горы и теперь требует через начальство нас, называя своими холопьями, тогда как мы вовсе вольные, может быть потому, как прежде мы платили Казбекову дань, то за то, что жили на принадлежащей ему земле, теперь настоятельно требует переселиться к нему в горы...» [40]. Далее в другом прошении от 9 января 1860 г. Габачиевы указывают «...мы вовсе не холопья, а вольны, в чем все общество Балкарии удостоверит, что мы не холопья, а только тем он нас называет холопьями, что предки наши жили на его земле и платили ему за землю, но мы и родители никогда не вносили ему никакой повинности...» [40]. Во встречном прошении начальнику Кабардинского округа корнета Иналука Казбекова и таубия Камбота Темирханова говорится: «...из-за непамятных времен принадлежащие нашей фамилии подвластные из черных народов (так называлось в официальном делопроизводстве администрации Кабардинского округа сословие каракиши – А.Б.) несущие нам повинности согласно черного народа Балкарского общества, так как отцы наши с подвластными жили в Балкарии...» [41]. Габачиевы, переселившись в Кабаново, прекратили ясачные отношения, с чем не могли смириться таубии, как они сами указывают: «...их дань составляло значительную пользу...». По аналогии с данной ситуацией Бозиевы в суде показывали, что «...они выходцы из Осетии и что они не холопья Женокова и если платили Женоковым, то на правах сильного или же по своему желанию, так как они дружили с некоторыми из Женоковых и если Мусса хочет разобраться с ними, то они представят того Женокова с которым ведут постоянную дружбу и покажут данную ему присягу...» [42].

Судебные тяжбы длились десятки лет. В рапорте начальника Горского участка от 1 июня 1867 г. отмечается «докладываю, что в ведомость не помещены холопья Темирхановых, 22 души мужского и 31 душа женского пола, обрядные же они, или безобрядные мне неизвестно. Кроме того, не помещены ясакчи Базиевы, дело которых разбирается в суде, сколько их душ мне не известно, в списке переданными мне моим предшественником они не помещены, их числится 42 души, 21 женского пола и 21 мужского пола» [43].

Нормы адата предусматривали в случае разделов имения ясакчи и каракиши различные нормы по отношению к земле. В параграфе 36 повинностей каракиши отмечено: «...если два брата каракиши состоятельные и делят свое имущество, то дают своему таубию в 300 рублей, а кто беднее, то смотря по состоянию от 100 до 10 рублей, скотом или вещами...» [44]. По отношению к ясакчи адат предусматривал следующее: «...если ясакчи живущие одним хозяйством, разделяются, то каждый из разделившихся несет те же повинности какие обязаны выше, за исключением обычной платы от 15 до 100 баранов, вносимой по истечении 4 лет, за пользование покосной и пастбищной землею...» [44]. Различия выявляются и при разделе имения: если каракиши дают часть своему таубию, у ясакчи таковое отсутствует. Кроме того, при сопоставлении бремени несения различных повинностей выясняется, что у ясакчи отсутствует отбывание норм адата, сопряженных с применением «физического труда», тогда как каракиши не были освобождены от этого.

Несение повинностей каракишей оценивалось в год в 60 рублей. В связи с этим интересен факт из архивного документа, в котором отмечается, что «Ибрагим Женоков продал Муссе, родному брату, «холопей» своих Созаевых, а именно Сосу Созаева (Бозиева) с женою, четверо сыновей с их женами за 600 рублей» [45]. Женоков продал брату годовую повинность своих ясакчи, сумма которой совпадает с суммой каракиши, отбываемой за год. Таубии имели право продавать узденские обязанности другому таубию, так как переход каракиши от одного таубия к другому таубию был запрещен адатом. То же указано в докладной записке «О зависимых сословиях в Кабардинском округе и об их обязанностях в отношении владельцев» где сказано: «каракиши хотя и принадлежат к сословию зависимому по своим обязательствам к таубиям, на земле которых они живут, не могут быть продаваемы лично, как люди лично свободные, но владелец может продать другому владельцу ту повинность, которую отбывают каракиши» [46].

Таким образом, заключая наше исследование, можно определенно сказать, что ясакчи – это прослойка сословия узденей. Ясакчи в основном жили в Балкарском обществе. Правовой статус идентичен

положению узденей, с некоторыми особенностями. Сословная реформа затронула ясаки: они были освобождены от зависимых отношений с таубиями. Численность ясаки в 3166 человек согласуется с новыми данными количества населения Балкарии к 1867 году.

Библиография

1. Кумыков Т.Х. Социально-экономическое развитие и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1959. 69 с.
2. Азаматов К.Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в I половине XIX века. Нальчик, 1968. 33 с.
3. Кучмезова М.Ч. Крестьянство Балкарии в пореформенный период: дисс. ... канд. истор. наук. Нальчик, 1967. 56 с.
4. Битова Е.Г. Социальная история Балкарии XIX века. Сельская община. Нальчик, 1997. 46 с.
5. Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3 т. Т. 1. Нальчик, 1996. 846 с.
6. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 234, л. 49–51.
7. ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, д. 275, л. 4–4об.
8. Правовые нормы адыгов и карачаево-балкарцев в XV–XIX вв. Майкоп, 1993. (далее ПНАБК). Документ № 39. 236 с.
9. Николай Харузин. По горам Северного Кавказа / В Балкарском обществе горских татар // Балкария; Страницы прошлого. Вып. 3. Нальчик, 2006. 124 с.
10. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 125, л. 19.
11. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 234, л. 14–22.
12. ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, д. 275, л. 5–5об.
13. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 234, л. 14–22.
14. Абаев М.К. Балкария: исторический очерк. Нальчик: Эльбрус, 1992. 23 с.
15. ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, д. 275, л. 4–4об.
16. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 125, л. 12.
17. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 234, л. 14–22.
18. ОРФ СОИГСИ (рукописный отдел) ф. 16, оп. 1, д. 9. с. 193.
19. ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, д. 234, л. 4–4 об.
20. ЦГА КБР, ф. И-2, оп. 1, д. 920, л. 6.
21. ЦГА КБР, ф. И-40, оп. 1, д. 757, л. 13.
22. Крестьянская реформа в Кабарде. – Нальчик, 1947. – С. 69.
23. СПБО ААНР, ф. 103, оп. 1, д. 340, л. 5.
24. ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, д. 275, л. 6.
25. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 234, л. 52–56 об.
26. Грабовский Н.Ф. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 23.
27. ЦГА РСО-А, ф. 224, оп. 1, д. 103, л. 25.
28. Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной зоне Терской области. Владикавказ: Электронпечатня П.К. Григорьева, 1908. С. 325.
29. СПБО ААНР, ф. 103, оп. 1, д. 340, л. 5.
30. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии: сборник документов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1985. С. 123.
31. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 1, д. 197, л. 32–35.
32. Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961. С. 69.
33. ЦГА КБР, ф. И-40, оп. 1, д. 753, л. 1–1об.
34. ЦГА КБР, ф. И-2, оп. 1, д. 467, л. 13.
35. ЦГА КБР, ф. И-2, оп. 1, д. 1532, л. 3–3об.
36. ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, д. 273, л. 1.
37. ЦГА КБР, ф. И-9, оп. 1, д. 13, л. 1–113.
38. ЦГА КБР, ф. И-9, оп. 1, д. 21, л. 1–205.
39. ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, д. 275, л. 19–20.
40. ЦГА КБР, ф. И-2, оп. 1, д. 920, л. 1.
41. ЦГА КБР, ф. И-2, оп. 1, д. 920, л. 6.
42. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 125, л. 19.
43. ЦГА КБР, ф. И-2, оп. 1, д. 1680, л. 33.
44. ПНАБК. документ № 40. С. 251.
45. ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, д. 275, л. 38.
46. ПНАБК. документ № 40. С. 248–249.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'367.7; 81'367.625

АКЦЕНТНЫЙ СТАТУС ОБЪЕКТА КАК ФАКТОР СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТРАНЗИТИВНОСТИ И ЛЕКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ ГЛАГОЛА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКОВ)

Шокуева М.К.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

shokueva@rambler.ru

В статье рассматриваются коммуникативная выделенность и референциальные свойства объекта как факторы, определяющие семантическую транзитивность клаузы и выполняющие определенную прагматическую функцию. Выявляется взаимосвязь между коммуникативными и референциальными характеристиками объекта, семантической транзитивностью и лексической деривацией глагола.

Ключевые слова: переходность, шкала переходности, диатеза, акцентный статус участников ситуации, эргатив, антипассив, валентность объекта, опущение объекта.

THE ACCENTUAL STATE OF THE OBJECT AS A FACTOR OF THE SEMANTIC TRANSITIVITY AND LEXICAL DERIVATION OF THE VERB

Shokueva M.K.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

The article deals with the accentual state and referential characteristics of the object as one of the main factors influencing the semantic transitivity of a clause and fulfilling the certain pragmatic functions. The relation between accentual state of the object, semantic transitivity and lexical derivation of the verb are under discussion.

Key words: transitivity, transitivity scale, diathesis, accentual state of the participants of the situation, ergative, antipassive, valency, object deletion.

Референциальные свойства и акцентный статус объекта являются факторами, формирующими семантическую транзитивность клаузы (простого предложения). Так, П. Хоппер и С. Томпсон среди параметров, определяющих семантическую транзитивность клаузы, выделили следующие: *количество участников (participants), кинезис (kinesis), вид (aspects), пунктивность (punctuality), контролируемость/осознанность (volitionality), утверждение (affirmation), наклонение (mode), агентивность (agency), степень вовлеченности объекта (affectedness of O), индивидуализация объекта (individuation of O)* [1]. При этом переходность, по мнению авторов, является скалярным свойством, и не просто свойством глагола, а свойством всей клаузы.

Далее в статье на примере глаголов со значением «*пить*» и их производных в разносистемных языках (английском, русском и кабардино-черкесском) предполагается показать влияние акцентного статуса объекта на семантическую переходность и лексическую деривацию глагола.

Прототипическая ситуация, лежащая в основе глаголов со значением «*пить*» в любых языках, предполагает наличие субъекта (агенса) и объекта. Однако на уровне морфологии и синтаксиса не все языки кодируют данную ситуацию как переходную. Это отчетливо видно на материале таких разносистемных языков, как кабардино-черкесский, русский и английский.

В русском и английском языках переходный глагол управляет прямым дополнением в винительном падеже:

(1) *Мальчик пьет воду.*

(2) *The boy is drinking water.*

Кабардино-черкесский же язык, являясь эргативным языком, кодирует подлежащее при непереходном глаголе абсолютным падежом, а дополнение – эргативным; и наоборот, при переходном глаголе подлежащее стоит в эргативе, а дополнение – в абсолютиве.

В паре глаголов *эфэн – ифын* (*пить/выпить*) первый является непереходным, а второй – переходным, в отличие от их переходных эквивалентов в русском и английском языках. Известен пример, приводимый в одной из грамматик кабардино-черкесского языка:

(3) *Шыр псым ефац.*

Лошадь (абс) пила воду (эрг).

(4) *Шым псыр ирифаци.*

Лошадь (эрг) выпила воду (абс).

Прототипическая ситуация, выраженная и в примере (3), и в примере (4), предполагает, что субъект производил некоторое действие над объектом, то есть оба глагола семантически являются транзитивными. Однако на синтаксическом уровне субъектно-объектные отношения кодируются по-разному: в примере (3) – как непереходные, а в примере (4) – как переходные. Это связано с сильной задействованностью претерпевающего объекта во втором случае, когда вода оказывается выпитой, то есть действия субъекта привели к исчезновению объекта, его полному потреблению, тогда как в первом случае действие над объектом оказывается поверхностно-локальным.

Соответствие семантических актантов синтаксическим называется *диатезой*. В случае, когда семантический актант не соответствует синтаксическому или меняет свою синтаксическую функцию, происходит мена диатезы [2]. Диатезные преобразования в приведенных примерах, в основе которых лежит сдвиг фокуса внимания говорящего с субъекта на объект, демонстрируют важнейшую операцию когнитивной деятельности человека – *профиллирование* (термин когнитивной лингвистики), то есть акцентирование наиболее важных элементов ситуации, фокусировку внимания. В примере (3) в фокусе внимания оказывается субъект *шыр* «лошадь», объект *псым* «вода» уходит на периферию, и наоборот, в (4) в фокусе внимания оказывается объект *псыр* «вода», субъект *шым* «лошадь» уходит на периферию.

В примере (3) глагол *эфэн* представляет собой некоторую детранзитивизацию переходного глагола *ифын*. Не случайно подобные глаголы в современной лингвистике описываются в терминах *антипассива* (борьбы с изначально доминирующим объектом, снижение коммуникативной выделенности объекта) [3]. Похожую антипассивную структуру создает английский глагол *have* в сочетаниях типа *have a drink* «*попить, выпить*». Однако следует отметить, что здесь есть некоторое отличие от антипассивов в эргативных языках – у фразы *to have a drink* есть оттенок непродолжительности действия (см. подробнее [4]).

Для русского языка в некотором роде детранзитивизирующую функцию несет глагол *попить*, минимизируя выделенность объекта, указывая на поверхностное действие:

(5) *Идти, в общем, было безопасно, никто их не преследовал, парень вроде бы знал направление и пока уверенно вел ее. Наверное, они могли бы где-нибудь передохнуть в деревне, попить молочка и чего другого.* (Василь Быков. Болото (2001)).

Однако и здесь есть указание на ограниченное по времени или по объему действие. Еще А.А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка», выделяя среди подвидов совершенного вида определительный подвид, образующийся при помощи приставки *по-* (*поиграть, поболтать*), указывал на ограничительный характер данной приставки. Глаголы с данной приставкой обозначают ограниченное проявление признака [5].

В примере (5) снижению коммуникативной выделенности объекта способствует и его падежное оформление при переходном глаголе. Как уже упоминалось выше, среди выделенных П. Хоппером и С. Томпсон (1980) параметров немаловажная роль отводится *индивидуализации вовлеченного объекта* (*individuation of O*), под которой как раз понимаются такие характеристики объекта, как одушевленность, определенность/неопределенность объекта. Индивидуализация объекта предполагает полноту воздействия на объект, в то время как неопределенность объекта может вести к детранзитивизации предложения.

В русском языке винительный падеж привносит значение определенности референта, в то время как родительный падеж – значение неопределенности референта, так как беспредложный винительный падеж показывает, что действие, обозначенное глаголом, распространяется на весь зависимый от него объект, а родительный количественно-разделительный падеж обозначает не полный, а частичный переход на объект [6]. Ср. *выпить/попить воды – выпить/попить воду*:

(6) *Галя со мною очень любезна. Даже предложила пообедать и выпить вина.* (Наталья Шмелькова. Последние дни Венедикта Ерофеева (2002));

(7) *Он всегда требовал у слуги свечу, ставил ее перед собой и, прежде чем выпить вино, долго рассматривал его на свет.* (К.Г. Паустовский. Орест Кипренский (1936));

(8) Бокал дегустатора налит меньше чем наполовину. Так удобнее с ним манипулировать, легче уловить аромат и букет вина. Дегустатор поднимает бокал. Но не затем, чтобы **выпить вино**, а чтобы ближе поднести к глазам, пристальнее всмотреться, определить прозрачность, цвет. (К. Гошев. Приглашение на дегустацию // «Химия и жизнь», 1969).

Особенно хорошо эта разница заметна в примерах, когда указываемый объект сам по себе не допускает значения неопределенности. Это касается в первую очередь лекарственных средств. Например:

(9) Мой друг – доктор из Италии – по интернету посоветовал мазь и **попить антибиотик**. Через день боли прошли (Хватит губить детей! (2011));

(10) Если процесс зашел далеко, стоит **попить антигистаминный препарат**, который порекомендует врач-аллерголог. (Скажите, доктор... // «Даша», 2004).

В примерах (9) и (10) речь идет о профессиональном назначении лекарственных средств врачами, что накладывает ограничение на неопределенность референта (**попить антибиотика/антигистаминного препарата*).

В кабардинском языке показатели эргатива и абсолютива (-м, -р) связаны и с категорией определенности/неопределенности. Их присутствие говорит об определенности референта, отсутствие – наоборот. Однако, как отмечают М. Кумахов и К. Вамлинг в работе «Эргативность в черкесских языках», «чередование –т с нулем в позиции эргативного субъекта встречается реже, чем чередование –г с нулем в позиции абсолютивного субъекта и прямого объекта» [7]. Таким образом, немаркированность объекта падежными формантами смещает акцент с объекта:

(11) Шыр псым ефац.

Лошадь (абс – опред.) пила воду (эрг – опред.).

(12) Шыр псы ефац.

Лошадь (абс – опред.) пила воду (какую-то).

В английском языке такую функцию несут артикли *a/the* и неопределенно-личное местоимение *some*, которое вносит значение партитивности. Сравните:

(13) He sat up and **drank some water** (Towards the end of the morning. Frayn, Michael. London: Penguin Group, 1969) – Он приподнялся и **выпил (немного) воды**.

(14) He **drank some tea** and then he slept (The relic. Anthony, E. London: Arrow (Hutchinson), 1992) – Он **выпил чаю** и лег спать.

(15) Madame **drank water** all day and gin all night, always in that same Waterford crystal tumbler (Ready to catch him should he fall. Bartlett, Neil. London: Serpent's Tail, 1990) – Мадам **пила воду** в течение всего дня и джин всю ночь всегда из одного и того же уотерфордского хрустального бокала.

(16) Since they wouldn't let her sleep, she **drank tea** (The brooch of azure midnight. Gay, A. London: Orbit, 1993) – Поскольку ей все равно не дали бы спать, она **попила чаю**.

(17) The authority in his voice surprised her and she took the glass and **drank the water** (Dangerous lady. Cole, M. u.p., n.d., pp. 3–123) – Властные интонации в его голосе удивили ее, и она, взяв стакан, **выпила воду**.

(18) She never **drank the water** from the tap and all the vegetables in her kitchen were organically grown (Pillars of gold. Ellis, Alice T. London: Penguin Group, 1993) – Она никогда **не пила воду из-под крана**, а овощи на ее кухне выращивались на органических удобрениях.

Формы прямого дополнения с неопределенным артиклем или с неопределенно-личным местоимением *some* в примерах (13)–(16) снимают коммуникативную выделенность объекта, что также минимизирует эффект от действия, описывая его как поверхностно-локальное, не переходящее полностью на объект, при этом внимание говорящего может фокусироваться на других элементах ситуации. В примерах (17), (18) определенный артикль не является указанием на полноту действия, но вносит значение определенности референта, как то: *вода в стакане, вода из-под крана*, хотя в примере (17) такая возможность существует. Сравните интерпретацию приводимого П. Хоппером и С. Томпсон высказывания *Fritz drank the beer*, в котором объект употреблен с определенным артиклем *the*. Авторы полагают, что данное высказывание с большой вероятностью будет прочитано как то, что субъект допил пиво до конца [8].

У кабардинского глагола *эфэн*, как уже упоминалась выше, коммуникативная выделенность объекта меньше, чем у глагола *ифын*.

Минимизации выделенности объекта может служить и полное опущение объекта. Однако при неанафорическом опущении объекта, когда его нельзя восстановить из предыдущего контекста, объект оказывается включенным в семантику глагола и означает свойство субъекта. Данное явление отмечается во всех трех анализируемых языках – *пить/выпивать; to drink (алкоголь)*, то есть субъект злоупотребляет алкогольными напитками, алкоголик):

(19) *Был бы жив Освальд, он бы с Лешкой справился, Лешка человеком бы вырос, а не слизняком.*

– *Кто это слизняк? Да что ж вы такое говорите, тетечка? Алеша парень хороший, добрый, ну **пьет**, ну кто ж не **пьет**? Перестаньте сейчас же, мне как матери обидно слушать.* (Александр Архангельский. 1962. Послание к Тимофею (2006));

(20) *Если Америку из кризиса вывел президент-актер, нам необходим – режиссер. И хорошо бы – главный. И обязательно – женщина! Мужик – он всегда либо болтлив, либо выпивает, либо быстро стареет и впадает в маразм* (Григорий Горин. Иронические мемуары (1990–1998));

(21) *His clothes are excessively colourful and **he drinks**, also, to excess* (Esquire. London: The National Magazine Company Ltd, 1991) – *Одежда на нем всегда излишне цветаста, да и пьет тоже слишком много.*

(22) *Once I **drank too much** and spent the night with her, which was a terrible mistake* (She magazine. London: The National Magazine Company Ltd, 1989) – *Как-то я выпил слишком много и провел с ней ночь. Это была ужасная ошибка.*

Однако следует отметить, что из двух анализируемых нами кабардинских глаголов в значении обычного действия, понимаемого как некое свойство субъекта, может выступать только непереходный глагол *ефэн*:

(23) *Мужчина пьет – Лыр йофэ/*иреф.*

(Хотя возможна форма *Махуэ къэс зы ттулькIэ иреф* «В день бутылку выпивает»).

Кроме того, значение обычного действия реализуют и производные глагола *ефэн*, которые также непереходны и указывают на свойство субъекта или на изменения, имеющие отношения к субъекту, а не к объекту: *ефэреин* (неперех.) *пьянствовать*, *ефэкъуэн* (неперех.) *перепить*, *напиться* (до опьянения).

Непереходность глагола часто смещает акцент с самого воздействия на объект, на свойства субъекта. Объект становится необязательным для называния, так как уже включен в семантику глагола, зато на передний план выходит характеристика субъекта. Именно поэтому и в русском языке безобъектное употребление глаголов *пить*, *выпить*, непереходные формы с возвратной частицей *-ся* – *напиться*, *допить* – приписывают определенные качества субъекту.

Было бы логично предположить, что в ситуации с опущенным объектом в сознании говорящего должен возникать некоторый прототипический образ объекта данных глаголов, которым в первую очередь, скорее всего, является вода (при возможных *вода*, *сок*, *чай*, *кофе*, *спиртное* и др.), но никак уж не спиртное. Однако, как мы видим, все наоборот. Только у русского глагола *попить* возникает прототипический объект *вода*, во всех остальных случаях во всех трех языках это с большей вероятностью *алкоголь*. При этом происходит некоторый сдвиг с прототипического объекта на непрототипический, как правило, с сильным негативным оценочным значением.

Инфинитив с опущенным объектом предполагает разные прочтения глаголов данной группы: *хотеть пить* (*испытывать жажду*) / *хотеть выпить* (*алкоголь*);

(24) *Дверь открылась, и в нее вошел Хорь с пистолетом в руках. Он спустился по ступенькам, за ним маячил еще один боевик. – Че орешь, курва?*

– *Я **хочу пить**, не могу больше терпеть. Умоляю, дай мне воды.*

– *Воды? Ишь, чего захотела, –*

а потом, подумав, хитро оскалился и добавил:

– *А почему бы и нет?* (Андрей Ростовский. По законам волчьей стаи (2000));

(25) «...А ну, пошли вон...». *На вонючей грязной колымаге свезли их на станцию и ссадили на перрон. Агафонов что-то мямлил. **Хотел выпить**, но злой молчаливый попутчик не дал ему взаймы даже на пиво* (Олег Павлов. Степная книга (1990–1998));

(26) *Очень строги финские стражи порядка к любителям **выпить*** (Ирина Муравьева. Поспешай не торопясь (2001) // «Туризм и образование», 2001.03.15).

В кабардинском языке для реализации значения «хочу воды попить, утолить жажду» необходимо указание на объект – воду: *Псы сефэнут «Я бы воды попил»*. Опущение объекта будет, скорее, интерпретироваться как «Я бы выпил спиртного». Интерес вызывает факт необходимости называния, казалось бы, прототипического объекта.

В английском языке инфинитив глагола *to drink* с опущенным объектом тоже скорее будет подразумевать алкогольный напиток в качестве объекта, так как для обозначения жажды используются другие конструкции, например, *to be thirsty*, *to thirst for a drink*. Сравните:

(27) *I always wanted to find a woman who liked to do what I liked to do – but I could never find one who **wanted to drink** and chase women* (Michael Aspel: in good company. Aspel, Michael. London: Robson Books Ltd, 1989) – *Мне всегда хотелось найти женщину, которой бы нравилось делать то, что мне нравится делать. Однако я ни разу не встречал той, что хотела бы пить и волочиться за женщинами.*

Надо отметить, что при опущенном объекте, когда данные глаголы обозначают употребление спиртных напитков, реализуется и оценочное негативное значение.

В анализируемых нами языках есть и производные лексемы, образованные от глаголов со значением «пить», где прототипом объекта выступает алкоголь. Ср.:

Русский язык: прототип «вода» – *питье, питьевой*; прототип «спиртное» – *пиво* (хотя первоначально это было всякое питье, напиток), *выпивка, пьянство, пир*.

Английский язык: *drink* «любой напиток/спиртной напиток»; *drinks* «мероприятие, на котором предлагается выпивка», *drinker* «алкоголик, пьяница»; *drink-driver* «нетрезвый водитель»; *drunkard* «пьяница».

Кабардинский язык: *фадэ* «хмельной напиток, буза» имеет в основе связанный корень *-фэ/-фы-* со значением «пить». Другое обозначение спиртного напитка *бжэ* произошло от названия рога, из которого ранее пили спиртное на застольях. Так, *Си бжэ кьэфэ!* служило предложением выпить из рога, который держал в руках предлагающий выпить. С корнем *-фэ/-фы-* «пить» связаны и такие лексемы, как *эфэрей* «пьяница», *ефа* «пьяный, пьющий», *ефаклуэ* «пьяница», *ефанIэ* «питейное заведение», *эфэ* «пьянка, попойка, кутеж», *эфэгъу* «собутельник», *эфэ-еихэ* «пир, пириество, застолье», *эфэжын* «пропить». Интерес представляет и то, что данный глагол употребляется для обозначения ситуации курения – *тутын эфэн*.

Переносные выражения с кабардинскими глаголами *эфэн* – *ифын* тоже представляют интересный материал. В значении «пить (сосать) чью-либо/у кого-либо кровь; выпить (высосать) чью-либо/у кого-либо кровь» употребляются переходный глагол *ифын* – *иль (и куцI) ифын*, а также производный от непереходного глагола *эфэн*, сохраняющий значение непереходности глагол *цIэфын* – *и лъым (и куцIым) цIэфын*. При этом в конструкции с переходным глаголом подчеркивается эмоциональная оценка интенсивности действия («выпил всю кровь»), в конструкции же с непереходным глаголом минимизация эффекта воздействия на объект подчеркивает продолжительность времени, на протяжении которого происходило действие, или неоднократность данного действия («попил крови»).

Прототипом объекта у глагола *эфэн* является жидкость, а у глагола *ифын* – не только. Так, в значении «пропивать материальные и духовные ценности (имущество, деньги, ум и т.д.)» употребляется только кабардинский переходный глагол *ифын*, который в данном случае соответствует русскому *пропить*: *и акъылыр/мылькур/ахъшэр ирефыж* «пропивает ум/состояние/деньги».

(28) – *СлIо сычэфмэ, – абы и уанэм зытриIэтыкIац. И шым ихуэIукIэ жьэдэуэц, елъэдэкъэуэжри, – сыхуиткъэ сефэну, уи адэм и мыльку уи гугъэ исфар?! – жиIэурэ цIантIэм дыхъэжац (Къэрмокъуэ М. «Щихухэр иджыри мэлI» – Что с того, что я пьяный! – он приподнялся в седле, натянул поводья и прищипнул коня. – Я что, не имею права пить, думаешь, на деньги твоего отца я выпил (букв. состояние твоего отца я пропил)?! – приговаривая, заехал во двор (Кармоков М. «А тополя все растут»).*

Однако в этом же значении может быть употреблен и производный от непереходного глагола *эфэн* непереходный глагол *эфэжын* «допить до конца»:

*Лыр мылькум эфэжац / *мылькум ефац.*

Указанный глагол *эфэжын* образован при помощи суффикса *-ж*, который отличается полифункциональностью и может выражать, по наблюдениям Р.Х. Дзугановой, более десяти различных семантических оттенков, среди которых – возвратность, повторность, непрерывность, интенсивность действия и другие. Кроме того, данный суффикс указывает на полноту и завершенность действия [9]. Именно указание на полноту и завершенность действия, коммуникативная выделенность конечной точки действия позволяют данному непереходному глаголу выступать в значении «пропивать» наряду с переходным глаголом *ифын* и сочетаться с лексемами, обозначающими материальные и духовные ценности.

Материал кабардинского языка показывает, что по мере возрастания значения переходности в глаголе растут и новые возможности на заполнение валентности объекта:

Эфэн (неперех.) «пить» (жидкость) – эфэжын (неперех.) «пить/допивать до конца/пропить» (жидкость; материальные и духовные ценности) – ифын (перех.) «выпить/пропить» (жидкость; материальные и духовные ценности).

Английский глагол *drink* в переходном значении в качестве объекта прототипически предполагает жидкость. В сочетании с наречием *away*, которое указывает на интенсивность воздействия, в результате которого происходит исчезновение объекта, он приобретает значение «пропить» и может сочетаться с лексемами, обозначающими материальные и духовные ценности, некоторый промежуток времени, – *to drink one's earnings/money away, to drink the night away*. Кроме того, можно пить, чтобы забыться, – *to drink one's grief/sorrows away* «утопить в вине горе (букв. пропить горе)»:

(29) *Had he ever told Nora about the bar in Niagara? That dingy saloon, where he could drink away his sorrows* (Joanna Scott *That place // Deadalus 2003 (Fall) Vol. 132, Iss. 4; pg. 73*) – *Говорил ли он когда-нибудь Норе о баре в Ниагаре? Таверна с сомнительной репутацией, где он мог утопить свое горе в вине.*

В русском языке у глагола *пропить*, помимо значений «истратить на выпивку», «погубить в результате пьянства», «провести некоторое время в пьянстве», есть еще одно устаревшее значение – просватать, завершив, по старинному обряду, сватовство выпивкой:

(30) *Грозный призрак жениха-туляка для Федорки опять явился перед ней, и она опять оплакивала свою «крашанку» как мертвую. Пока еще, конечно, ничего не было, и сват Тит еще носу не показывал в хату к Ковалям, ни в кабак к Рачителихе, но все равно – сваты где-нибудь встретятся и еще раз пропьют Федорку* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Три конца, 1890).

Как показывает языковой материал, универсальной чертой интранзитивных значений глаголов анализируемой группы является указание на характеристику субъекта, при этом общим для всех трех концептуальных систем является появление в качестве объекта чаще всего образа спиртного напитка. По мере возрастания значения переходности появляется значение сильного воздействия на объект и, соответственно, открываются новые возможности на заполнение валентности объекта – материальные и духовные ценности, некоторый промежуток времени и другие, которые могут быть национально-специфичными (например, в русском *пропить девушку*).

Референциальные свойства и акцентный статус объекта играют важную роль в формировании семантической транзитивности клаузы. Акцентный статус объекта несет определенную прагматическую функцию, являясь мощным инструментом профилирования прагматически важных элементов внеязыковой ситуации говорящим.

Библиография

1. Hopper Paul J., Thompson Sandra A. Transitivity in Grammar and Discourse // *Language*. 1980. V. 56, N 2. P. 251–259.
2. Мельчук И.А., Холодович А.А. К теории грамматического залога // *Народы Азии и Африки*. 1970. № 4. С. 111–124.
3. Плунгян В.А. *Общая морфология: Введение в проблематику: учебное пособие*. М.: Едиториал УРСС, 2003. 128 с.
4. Wierzbicka A. Why can you have a drink when you can't *have an eat // Wierzbicka Anna. *The Semantics of Grammar*. – Amsterdam: John Benjamins. 1988. P. 293–357.
5. Шахматов А.А. *Синтаксис русского языка*. Вып. 2. Учение о частях речи. Дополнения. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1927. 212 с.
6. Белоусов В.Н., Ковтунова И.И., Кручинина И.Н. и др. *Краткая русская грамматика* / под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М.: Рус. яз., 1989. 726 с.
7. Кумахов М., Вамлинг К. Эргативность в черкесских языках. – Malmö: Malmö University, School of International Migration and Ethnic Relations (IMER), 2006. 198 с.
8. Hopper Paul J., Thompson Sandra A. Transitivity in Grammar and Discourse // *Language*. 1980. V. 56, N 2. P. 251–259.
9. Дзуганова Р.Х. *Способы суффиксального образования глаголов в кабардино-черкесском языке*. Нальчик: Типография Кабардино-Балкарского научного центра при Российской академии наук, 1998. 246 с.

Источники материала

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rus-corpora.ru>.
2. Британский национальный корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nat-corp.ox.ac.uk>.
3. Корпус современного американского английского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://corpus.byu.edu/coca>.
4. Къэрмокъуэ М. *Щихухэр иджыри мэкI: Роман*. Нальчик: Эльбрус, 1988.

ОПТАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В БЛАГОПОЖЕЛАНИЯХ И ПРОКЛЯТИЯХ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Кремшокалова М.Ч.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

marina_kremshokalova@mail.ru

В статье рассматривается категория оптативности в когнитивно-дискурсивном аспекте. Автор акцентирует внимание на грамматических и лексических средствах выражения оптативности в кабардино-черкесском языке, а также отмечает культурно-языковую специфичность данной категории.

Ключевые слова: модальность, оптативность, желательное наклонение, когнитивное сознание, прагматика, перлокутивность, иллюкутивность, дискурсивное пространство.

OPTATIVE CONSTRUCTION IN THE GOOD WISHES AND CURSES OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Kremshokalova M.Ch.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

The article considers the category of optative in cognitive and discursive aspects. The author accent attention to the grammatical and lexical means of expressing the optative in the Kabardino-Circassian language, and also notes the cultural and linguistic specificity of this category.

Key words: modality, optative, the desired mood, cognitive mind, pragmatics, perlocutionary, illocutionary, discursive space.

Вопросы исследования категории оптативности поднимались в работах самых крупных лингвистов (А.А. Потебни, А.М. Пешковского, А.А. Шахматова, В.В. Виноградова, Д.Н. Шмелева, Н.Ю. Шведовой, В.А. Белошапковой, Г.А. Золотовой, П.А. Леканта, А.В. Бондарко, Н.Д. Арутюновой и др.). В лингвистике широкое распространение получили исследования, в которых оптативность представлена как структурно-семантическое явление и как категория функциональной грамматики (А.В. Бондарко, Е.Е. Корди, Е.В. Алтабаева и др.). Современная русская грамматика придерживается мнения, что оптативные предложения есть синтаксические формы желательного наклонения, связанные с какой-то действительностью в будущем, настоящем и прошедшем времени.

Достаточно пристальное внимание лингвистов к когнитивно-коммуникативному аспекту оптативов связано с началом XXI века, когда появились диссертационные исследования Р.Г. Шишкиной (2001), Е.В. Алтабаевой (2003) и М.К. Гусаренко (2005). В своей кандидатской диссертации Шишкина Р.Г. исследует категорию оптативности в аспекте ее реализации в коммуникативной сфере деятельности, используя при этом как синонимичный термин «дезиративные высказывания» [1]. При рассмотрении оптативов используются идеи теории функционально-семантического поля, идеи логики предикатов (в частности, теории предикатов пропозициональной установки), идеи теории модуса и диктума. Когнитивно-коммуникативная категория *желательности*, по мнению автора, обеспечивается выражением активной позиции говорящего по отношению к положению дел (денотативной ситуации), к воспроизводящей это положение дел пропозиции и к участникам данного коммуникативного акта.

В своей докторской диссертации Е.В. Алтабаева анализирует концептуальные основания категории оптативности, выявляет когнитивный компонент данной категории, а также обозначает ее место и роль в языковой картине мира. Автор рассматривает *желание* как важнейший концепт русского языкового сознания, имеющего ядерно-периферийную организацию и специфические способы и средства языковой репрезентации [2]. Исследованию параметров оптативов с точки зрения дискурсивно-прагматических особенностей посвящена кандидатская диссертация М.К. Гусаренко. Данная работа, на наш взгляд, является новым этапом в исследовании оптатива, поскольку рассматривает не только грамматическую организацию оптативных высказываний, но и акцентирует внимание на дискурсивном аспекте и прагматике речевого акта *пожелания*. С точки зрения автора, «под дискурсивной прагматикой оптатива-

пожелания понимаются такие правила и условия его использования в речи, при которых этот тип высказывания конвенционально используется для достижения определенных коммуникативных целей» [3]. В работе также рассматриваются перлокутивная прагматика пожеланий, обусловленных неязыковыми событиями, и пропозиция оптативов-пожеланий, представленных семантическим актантом глагола «желаю».

Что касается изучения категории оптативности в кабардино-черкесском языке, то можно констатировать, что она представлена как грамматическая категория желательного наклонения, имеющего различные оттенки [4]. Однако относительная спорность представления желательного наклонения высказана в коллективной монографии «Кабардино-черкесский язык». Авторы объясняют отсутствие единодушия в признании форм, относящихся к желательному наклонению, «функциональным разнообразием некоторых форм, совмещающих значения разных косвенных наклонений» [5]. Проблема желательного наклонения и его основных значений в аспекте выражения модальности поднята также в диссертационном исследовании З.Р. Хежевой, которая рассматривает случаи отнесения к повелительному наклонению некоторых глагольных форм, выражающих *желательность* и *позволятельность* [6]. Таким образом, можно отметить, что во всех исследованиях оптатива в кабардино-черкесском языке прослеживаются семантико-функциональный или грамматико-синтаксический подходы, которые, исходя из достижений лингвистической науки (в частности, в области русского языкознания), требуют выхода на коммуникативно-прагматический и когнитивно-дискурсивный уровни.

В данной статье мы ставим перед собой задачу показать когнитивные аспекты создания и применения оптативных конструкций в определенных ситуациях общения (дискурсивном пространстве) и отметить некоторые специфические черты их лексической и грамматической репрезентации.

В ментальном сознании носителя языка *желательность* занимает одно из важнейших мест. В некотором смысле можно сказать, что желание возникает из оценки реальности, повседневности, суетности и некоторой кажущейся бессмысленности бытия. Наличие определенных предполагаемых возможностей реального и потенциального в сознании человека, постоянное стремление развиваться и совершенствоваться создает возможность что-либо моделировать и воссоздавать в речевом воплощении образ будущего. По справедливому утверждению Дж. Локка, *желание* является своеобразным беспокойством ума из-за недостатка некоторого отсутствующего блага. Неудовлетворенность человеческих потребностей и желаний моделирует в языковом сознании определенные формы, конструкции, позволяющие реконструировать ирреальный (предполагаемый, возможный) мир. При этом во многих случаях реальный и воображаемый миры могут сосуществовать не только в сознании, но и в языковых конструкциях. В связи с этим исследователи отмечают некоторую семантическую спаянность индикатива и оптатива во многих языках мира, в том числе и в кабардино-черкесском языке. «И этот факт не случаен, потому что между двумя этими мирами (реальным и возможным) существуют отношения непрерывной преемственности, которые в семантической концепции А. Вежбицкой описываются как «становление» одного мира из другого» [7].

Как реальный, так и проектируемый в желательных конструкциях мир основывается на ценностных представлениях, которые условно можно разделить на физиологические (здоровье), материальные (благополучие), морально-нравственные (добрые взаимоотношения) и религиозно-духовные (душевное спокойствие и божья милость). В кругу данных ценностных категорий существует любая культура во все периоды своего развития. Но дело в том, что реальное жизненное условие обычно не удовлетворяет человека, и он переносится в ирреальный, воображаемый мир, где ценности могут быть репрезентированы гиперболизированными, но реально осязаемыми картинками и моделями. Возможно, поэтому существует реальная связь с настоящим и возможным желательным, индикативом и оптативом, поскольку в сознании носителя языка (в менталитете) они органично соединяются, сосуществуют. Вместе с тем *желательность* связывается и с категорией императивности [8]. Однако директивный компонент оптативного высказывания предполагает потенциальную возможность такого желания или реальную обоснованность для выражения такой мысли. Согласно теории речевых актов Дж. Серля [9], такое высказывание должно быть искренним, а сформулированная просьба представлена как потенциально возможная в реальной жизни. В связи с этим мы можем утверждать, что *желательность* как возможное моделирование настоящего и будущего является частью когнитивного сознания, определенного самим существованием человека с его потребностями, а также духовными представлениями.

Наличие текстов, содержащих желательную модальность, может быть общим положением (универсалией) для всех языков и народов, но следует отметить, что формы выражения когнитивных представлений вряд ли могут в них совпадать. Попробуем на примере ядерных оптативных конструкций *благопожеланий* в русском и кабардинском языках показать национальную специфику. Попутно заметим, что тексты благопожеланий не носят информативного характера, по большей части они предвещают или, наоборот, завершают событийное явление. Их использование лежит в сфере словесной магии, ми-

фологических представлений, обладают суггестивной мощью воздействия и влиянием на получателей текста. Вместе с тем в *пожеланиях* реализуется культурно-этикетная презентация личности. В некоторых ситуациях текст благопожелания может быть семантически ненагруженным, но факт его отсутствия характеризует человека как некультурного, неэтикетного. Предусмотренный культурным кодом словесный шаг не сделан, а это приводит коммуникацию в дисбалансное состояние или создает отрицательную эмоциональность в межличностных отношениях.

Дискурсивные факторы, определяющие использование благопожеланий, связаны с приветствием, прощанием, поздравлением с важным событием в жизни общества, семьи или конкретного человека; приобретением (покупкой) жилья, машины или каких-то вещей; выздоровлением после болезни и нек. др. В связи с этим можно заметить, что культурно-языковая практика произнесения пожеланий может не совпадать или имеет определенную дистрибуцию. В частности, как отмечают некоторые исследователи [3], в русской языковой практике не принято высказывать пожелание по поводу удачно сделанной покупки, а в кабардино-черкесской такие моменты конвенционально определены как требующие произнесения благопожеланий. Дискурсивное пространство определяет также момент вступления в общение, соблюдение гендерно-возрастных особенностей, а также правила начала и конца коммуникативного общения в соответствии с этикетом, интонацию, тон, взгляд и даже жесты.

Тексты проклятий рассматриваются как содержащие пожелание о том, что может быть злом для другого. Структурная организация их соответствует текстам благопожеланий, но с совершенно противоположной модальностью. Как справедливо отмечает З.М. Налоев, проклятия в основном произносятся людьми в состоянии злобы или ненависти, с помощью них выплескиваются эмоции и человек успокаивается [10]. Это своего рода релаксация в состоянии аффекта. В основном данный жанр рассматривается как женский, поскольку мужчины такие тексты не должны произносить. В определенных контекстах проклятие может быть адресовано самому говорящему, что может расцениваться или восприниматься как клятвенное заверение, например: *Алыхьым сигьалIэ а жысIэр мыпэжмэ* (Чтобы Аллах забрал мою жизнь, если я говорю неправду). В таком дискурсивном окружении самопроклинание можно трансформировать в клятву, поскольку пропозиция опатива имеет совершенно другую модальную структуру.

Исследователи отмечают, что в некоторых случаях многие *благопожелания* в застольном дискурсе заканчивались *проклятиями*, но в своеобразной шуточной форме. В современной речевой практике также можно наблюдать подобного рода концовки тостов, например, в некоторых застольях можно услышать концовку речи *Ди жагьуэгьухэм я ней кьытыцыхуэ* (Чтобы наши недоброжелатели злились на нас); *КьыдэнэцIым янэр игьуэ* (Чтоб глаза отсохли у тех, кто на нас глазееет с вожделением) и нек. др. В наличии таких финалов текстов хохов (помимо шуточного их характера) можно отметить и своеобразную магическую защиту от сглаза, которая присутствует в культурном сознании носителей языка и находит отражение во многих речевых или даже в невербальных коммуникативных ситуациях. Избыточное позитивное моделирование будущего в благопожелательных текстах как бы прикрывается своеобразным негативным текстом, чтобы злые люди или силы не препятствовали их осуществлению.

Проклятия и благопожелания могут рассматриваться как самостоятельные устно-речевые тексты, соответствующие всем параметрам и характеристикам, которые определяют их как жанр. В модель речевого жанра, разработанную Т.В. Шмелевой, включаются семь ситуативных признаков: коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, параметр диктумного содержания, языковое воплощение [11]. Опираясь на эти параметры, мы можем рассматривать благопожелания и проклятия как полноценные жанры, характеризующиеся определенной модальностью, иллокутивными и интенциональными свойствами. Анализ устно-речевых жанров кабардино-черкесского языка показывает, что эти жанры можно рассматривать и как интертекстовые комплексы, имеющие потенциальную возможность использоваться и в рамках других жанров, что создает возможность говорить об интердискурсивности и многослойности *благопожеланий* и *проклятий*. Данный фактор расширяет дискурсивное пространство жанра и их ситуативную отнесенность, а также имеется возможность модификации модальности текста.

Говоря о языковых факторах формирования текста *благопожеланий*, следует отметить, что они имеют свою модель *пожелания*. Так, М.К. Гусаренко заключает, что «при экспликации ядерной пропозиции из глубинной структуры любого опатива-пожелания в нем должен содержаться глагол «желаю» как экспликация иллокутивного значения такого типа высказываний, обозначения его иллокутивной силы» [3]. То есть для русского опатива ядерная структура строится согласно конструкции «Я желаю...» («Я хочу...»), где глагол берет на себя важнейшую семантическую нагрузку в передаче иллокутивного значения. Данные предикаты выступают как модальные операторы *желательности*, образуя своего рода рамку для передаваемого содержания. Вместе с тем форма глагола передает лицо (обычно 1 лицо единственного или множественного числа), которое

совпадает с субъектом речи, выражающим волонтактивную модальность, хотя их отдельная номинация в местоименных словах (*я* или *мы*) также допускается, а иногда и продуктивна.

В кабардино-черкесском языке структура «Я желаю...» («Я хочу...») не является ядерной, обычно она может подразумеваться, но эксплицитно не выражена. На наш взгляд, ее следует рассматривать как производную или периферийную модель, поскольку в наиболее древних текстах благопожеланий (хохов) она не представлена. В подавляющем случае оптативные конструкции имеют модель «(Пусть) Бог сделает...», причем модальность напрямую не представлена субъектом речи, а как бы переадресована высшим силам, потенциально способным реализовать волю человека (говорящего, просящего). Возможность трансформационного выражения *желания* через потенциальную способность бога, с одной стороны, и просьба о выполнении *желания* человека, обращенного к всевышнему, с другой стороны, характеризуют данные жанры как типологические, схожие с текстами молитв. Но они имеют в то же время и принципиальное отличие как первичный и вторичный жанры. Трансляция иллюкутивной модальности субъекта речи в модальность опосредованную, непрямую, делает тексты благопожеланий и проклятий кабардино-черкесского языка непохожими на аналогичные тексты других языков. Подобные конструкции представлены в разных видах благопожеланий, привязанных конвенционально к различным ситуациям общения. Например, в фатической коммуникации приветственная фраза: «*Уи махуэ фьбуэ*» (Добрый день) предполагает ответную реплику «*МахуэфI Тхэм (Альхьым) кьуйт*» (Доброго дня пусть тебе Бог даст), прощальная фраза «*Узыниэу уцйт*» (До свидания, а буквальный перевод: Оставайся в добром здравии) имеет ответную реплику «*Узыниагъэ Тхэм (Альхьым) кьуйт*» (Доброго здоровья пусть Бог тебе даст). В ситуации поздравления с выздоровлением этикетными фразами можно считать «*Лъапэ махуэ кьбухъэжъэж*» (букв. Счастливой ногой чтоб вновь пошел) или «*Лажьэрэ хъатэу пцIэлъар абы ирикIуауэ Тхэм кьыцIигъэжI*» (букв. Пусть, благодаря Богу, окажется так, что все беды и неприятности ушли с этим случаем).

Предмет или объект *желания*, переданный морфологически с помощью существительного, во многом является частью ценностной картины мира. Чаще всего в текстах благопожеланий и проклятий *желание* опирается на концептуальное пространство рода, дома, семьи, детей, здоровья, благополучия, достатка. Во многих хохах, произносимых в период весенних работ, можно отметить *желание* получить богатый урожай, а также прибавления скота и птицы. Нашли отражение в текстах также духовное и душевное состояние, без которого невозможно гармоничное проживание социума. Не останавливаясь подробно на анализе данных концептов, можно отметить, что в них нашли отражение практически все ценностные представления народа и культурные смыслы.

Если экспликация предмета *желания* в русских текстах стоит в постпозиции по отношению к глаголу, то в кабардино-черкесских текстах они находятся в препозиции. Такая актуализация предиката в кабардино-черкесском языке, на наш взгляд, может быть мотивирована большей нагруженностью в предложении глагола, выражающего не только само действие, но и *желание* о потенциально возможном положении дел в мире. В нем находят отражение не только значения действия, но и различные шифтеры субъекта, объекта, а иногда также и направления действия. Во многих случаях объектно-субъектные и направительные значения передаются аффиксами, присоединяемыми к глагольной форме. Например, в глагольной форме *кьбухъэжъэж* представлен префикс направления (сюда) *кьы-*, префикс прямого объекта *у-* и возвратный суффикс *-ж*. Во многом подобное явление предопределено наличием элементов полисинтетизма в кабардино-черкесском языке, но это и результат когнитивного слияния дейктических (шифтерных) единиц, репрезентирующих актуальные компоненты речевого явления. В текстах благопожеланий представлены следующие аффиксы прямого объекта: *-у-*, *-фы-* (ф), *-сы-* (с), *-ды-* (д): *ЖьыцIхъэ махуэ ухъу* (Счастливой старости тебе); *Тхэм узыниэу куэдрэ утицIхъэцигъэт* (Дай бог, чтобы здоровый ты долго жил с нами); *НасытыфIэ Тхэм фызэдициI* (Дай бог вам совместного счастья); *ГуфIэгъуэ куэд Тхэм дигъэлягъу* (Дай бог нам видеть много радости); *Тхэм (Альхьым) фригъэфIакIуэ* (Дай бог, чтобы вы процветали); *ШIы кьатибIкIэ укIуэцIырыху (фыкIуэцIырыху)* (Чтобы ты провалился (вы провалились) на семь уровней земли) и др. В семантику предиката может включаться и значение совместности действия при передаче желательного положения дел, например, *Благъэ зэхуэмахуэ фыхъу* (Чтоб счастливыми (совместно) родственниками вы стали); *Жьы Тхэм фызэдициI* (Пусть Бог сделает так, чтобы вы вместе состарились). В подобных текстах значение совместности выражается предикатной флексией *-зэ-*.

Относительно префикса *у-* (*ухъу*) в подобного рода высказываниях отмечается некоторая фразеологическая связанность, отсутствие противопоставления личных префиксов 2-го и 3-го лица единственного числа и употребление лишь в некоторых устойчивых сочетаниях [5]. В благопожелании *Бей-тхъэж ухъу (фыхъу, дыхъу)* (Чтобы богато, припеваючи жили) данный глагол может иметь варианты формы 1-го и 2-го лица множественного числа, что допускает возможность ставить иногда под сомнение его связность или ограниченность. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка определяет форму с префиксом *у-*, образуемую от аориста или чистой основы глагола, как желательное наклонение с выражением *желания* или *проклятия* [4]. В диссертационной работе З.Р. Жежевой отмечается, что в адыгских языках встречаются глагольные формы с особой повелительно-желательной семантикой, в кабардино-черкесском языке имеющие префикс *у(ы)-* в качестве морфологического

показателя. Автор отмечает, что, как правило, подобные формы по своей семантической направленности выражают *проклятие* или, наоборот, *благопожелание* [6].

В глагольной форме многих *пожеланий* имеются также аффиксы косвенного объекта: я-, а-, п-, ф-, т-, с- и др. Например, *Тхьэм (Алыхьым) яхузэфИгъэкI* (Дай бог, чтобы они это могли); *Тхьэм (Алыхьым) кьытхуигъэфациэ* (Дай бог, чтобы у нас такое было). Присутствуют они также и в текстах проклятий: *Тхьэм (Алыхьым) кьыфтригъэкьутэ* (Чтобы бог (это) обрушил над вами).

Таким образом, в приведенных примерах наглядно можно увидеть, что значение *желательности* в кабардино-черкесском языке комплексно и гармонично передается предикатом, которым выражается и модусное содержание высказывания. Высокая степень грамматикализации глагола предусматривает указание не только на модальное значение, но и на субъектно-объектные, направительные, кооперативные модусы, которые принципиально отличают предикат кабардино-черкесского языка.

Как справедливо отмечает Р.Г. Шишкина [1], лексические единицы, особенно предикатные слова со значением *желания*, исключительно редко становятся материалом исследования. Но в то же время они интересны тем, что способны образовать модальную рамку высказываний и в силу своих валентностных свойств сформулировать позицию для сообщения о желаемом положении дел. Такими лексическими единицами, которые чаще встречаются в модальных текстах кабардино-черкесского языка, выступают: *ухъу*, *къыдит*, *къытхуицIэ*, *къыдицэс*, *игъэбагъуэ*, *дигъэпсэу*, *кIэцIыригъэху*, *къэгъэуэж* и многие другие, которые передают желание субъекта через просьбу к богу. В данном отношении наиболее выраженным можно считать мифологическое сознание, доминирующее в модальных текстах. Активное божественное начало и вера человека во всеильность и могущество высших сил отразились в этих жанрах. В связи с этим можно говорить о том, что *благопожелания* и *проклятия* сохранились как одни из самых древних текстов, передающих интенциональное содержание через установление контакта с высшими силами. В этом мы видим реализацию магической функции языка.

Таким образом, своеобразие оптативных конструкций кабардино-черкесского языка, как показывает наш анализ, можно усмотреть в построении ядерных оптативных высказываний, которые выражают значение *желания* опосредованно, с помощью просьбы к богу о возможных положениях дел. Значительна роль предиката в выражении модальности, поскольку в них (помимо основного значения действия) нашли отражение нанизанными грамматическими аффиксами и дополнительные субъектно-объектные, направительные, совместные и другие значения. Оптативные конструкции вобрала в себя все ценностные представления, которые так или иначе репрезентируют культурное сознание народа.

Библиография

1. Шишкина Р.Г. Когнитивно-коммуникативная категория желательности: дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2001. 165 с.
2. Алтабаева Е.В. Категория оптативности в современном русском языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 35 с.
3. Гусаренко М.К. Дискурсивные разновидности, перлокутивная прагматика и пропозициональные характеристики речевого акта пожелания в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 24 с.
4. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1970. 216 с.
5. Кабардино-черкесский язык. Т. 1. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис. Нальчик: Эль-Фа, 2006. 552 с.
6. Хежева З.Р. Наклонение как средство выражения модальности в кабардино-черкесском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2011. 178 с.
7. Милютин М.Г. Семантика конативности и потенциальная модальность: комплекс «попытка – результат» и его выражение в современном русском языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2006. 44 с.
8. Корди Е.Е. Оптатив как синтаксическое наклонение в современном французском языке // Единство и многообразие романского мира. СПб., 1999. С. 25–27.
9. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
10. Налоев З.М. Адыгская паремиология. Нальчик, 2008. 240 с. (На каб. языке).
11. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сборник научных статей. Вып. 1. Саратов: Колледж, 1997. С. 88–98.

**ПОИСКИ СИНТЕЗА РЕАЛЬНОСТИ И ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА
В ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ПОВЕСТЯХ М. КАРМОКОВА**

Бозиева Н.Б.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

naimabozieva@mail.ru

Документальная проза занимает особое место в современной кабардинской литературе. Этот жанр стал наиболее популярным в так называемый постсоветский период. В представленной статье делается попытка раскрыть особенности художественно-документальной повести в кабардинской литературе на примере произведений известного прозаика Мухамеда Кармокова.

Ключевые слова: жанр, документальная проза, художественно-документальная повесть, кабардинская литература, сюжет.

**SEARCH FOR SYNTHESIS OF REALITY AND LITERARY
WORLD DOCUMENTARY OF M. KARMOKOVA**

Bozieva N.B.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

Documentary prose take a spatial place in modern kabardian literature. This genre become more popular in so called post soviet period. There is make an attempt to opening the peculiarity of artistically-documentary story in kabardian literature by example on famous prose writer Muhamed Karmokov's works.

Key words: genre, documentary prose, artistically-documentary story, kabardian literature, plot.

Художественно-документальная литература располагает развитой системой жанров и жанровых разновидностей: исторический, биографический, мемуарный, автобиографический, эпистолярный; дневники, записные книжки, путешествия, жанры литературной публицистики. Каждый из них, вбирая в себя характерные признаки художественно-документальной прозы, имеет свой объект отражения и исследования, собственные принципы реализации творческого замысла. Специфика каждого жанра и его разновидностей проявляется не только в самостоятельном бытовании, но и во взаимодействии со смежными жанровыми образованиями. Как справедливо указывает Г. Поспелов, «изучение лишь отдельных жанров вне попытки создать их систему... не может привести к положительным результатам. Без сопоставления одних жанров с другими трудно выявить своеобразие каждого из них» [1].

Современная литературная наука располагает значительным количеством исследований, посвященных проблеме изучения отдельных жанров, их типологии, поэтики, однако вопрос о принципах определения жанровой модели, отражающей своеобразие литературного факта, требует дальнейшей разработки. Художественно-документальная повесть, представляющая собой художественное явление, синтезирующая в своем содержании и структуре элементы документальных и художественных жанров, оказывается полем дискуссий о принадлежности ее к системе публицистических или художественных жанров.

В последние годы документальная повесть, как и некоторые другие жанры художественно-документальной прозы, заметно перемещается с периферии литературы к её центру, становится достаточно распространенным и продуктивным жанром, и тенденция его развития, по прогнозам исследователей (Барахов, Кораллов, Мезенцев), будет усиливаться.

Среди множества прозаических жанров, представленных в современной кабардинской литературе, документальная проза занимает особое место. Интересно проследить, как жанры, сформировавшиеся во второй половине XX века, развиваются в начале нынешнего столетия.

В современный период мы наблюдаем преобразование, видоизменение жанров художественно-документальной прозы, в результате которого тот или иной жанр начинает доминировать.

Хотя кабардинская художественно-документальная повесть и не достигла художественных высот, характерных для русской литературы, она типологична для рассматриваемого историко-литературного процесса. Именно повесть решительно пробивает в литературе дорогу современной проблематике, воссоздает в глубинных конфликтах и противоречиях мир, в котором мы живем. Повесть определяет, насколько глубоко литература понимает современного человека. Развитие художественно-документальной повести в кабардинской литературе происходит трудно, так как у нее нет тех мощных традиций, которые питают адыгский роман.

Традиции документальной повести были заложены в первой художественно-документальной повести в кабардинской литературе А. Шомахова «Сын старого орла» (1962). В этом жанре сейчас работают Х. Кауфов, З. Налоев, К. Эльгаров, С. Хахов, М. Кармоков и другие.

Осмысление современности, прошлого и будущего в единой причинно-следственной связи в процессе его развития становится в центре внимания эпического повествования современной повести. Ярким примером этого являются художественно-документальные повести М. Кармокова «Что в воду кануло...», «Нога», «Не жалея ни о чем...», которые вошли в книгу «Сумерки» [2]. Они все интересны по своему содержанию. Высокое художественное мастерство писателя обнаруживается в умении создать гармоническую целостность произведения через четкую фабульную организацию. Действие движется, раскрывая тему и идеи, наделяя образы особыми чертами.

Совмещение реальности факта с богатством литературных возможностей его отражения – важнейшее достоинство художественно-документальных повестей М. Кармокова. Сюжет его повестей проявляется в последовательности событий и в содержании произведения, объединяющем все рассказанное автором. М. Кармоков отбирает жизненный материал в соответствии со своим индивидуальным авторским видением, а также в связи с теми задачами, которые он ставит. Автор ссылается на впечатления очевидцев, упоминает о событиях, свидетелем или участником которых он был. Содержание повестей основывается прежде всего на отражении лично воспринятого им.

В художественно-документальных повестях М. Кармокова большое место занимает изображение, когда обстоятельства прошлого воссоздаются в их живой конкретности и читатель оказывается как бы его очевидцем, а не просто информируемым лицом. Происходит превращение реального человека в литературный образ, правда, особого рода – открыто сохраняющий связь с прототипом, стремящийся максимально точно передать его свойства. Так, у автора в литературный образ превратились Шаваев Мурид, Махов Кита, Токмаков Магамет.

Нам кажется, что художественно-документальная повесть «Что в воду кануло...» – вершина жанра художественно-документальной прозы в национальной литературе. Особенностью этой повести является создание усложненного, объективного, комплексного (с положительными и отрицательными чертами) образа героя.

Здесь М. Кармоков нашел верный лирический тон, временную дистанцию (герой повести заново переживает давно минувшую историю), которая оправдывает некоторую эпическую «цветастость» изображаемого мира. Она начинается с того, что по тенистому склону поднимается одинокий всадник. Писатель незаметно, кажется, без всяких усилий сперва описывает горный пейзаж, затем с вершины смотрит на село. Его одолевают тяжелые раздумья, и он окружает нас такой житейской реальностью, где все подлинно, достоверно, естественно, как сама жизнь. Много места в ней занимает и внутренний монолог героя – Шаваева Мурида. Трагические раздумья героя Кармокова, его исповедальный самоанализ обернулись той же иронической улыбкой судьбы: он опять стал на прежний путь. В результате печальный конец – его тело обнаружили у Баксанской ГЭС.

Писатель нашел интересный прием повествования. Поднимаясь на вершину горы, делая иногда остановки, Мурид вспоминает свою жизнь, некоторые эпизоды своего военного пути. В повести рассказ ведется от третьего лица. Однако создается такое очевидное ощущение, словно главный герой сам ведет рассказ о своих впечатлениях и происходящих в его жизни событиях. Подобный эффект достигается при помощи неотступно сопровождающих эпическую нить повествования авторских ремарок, описывающих и уточняющих восприятие героя на каждой из ступеней сюжетной лестницы. И несмотря на то, что ход мыслей и чувств героя описан вроде бы от постороннего лица, цепочка его рассуждений и связанных с ними переживаний – вся как на ладони с интересом наблюдающего за ней читателя.

Обобщая сказанное, заметим, что часто применяемый автором прием внутреннего монолога главного героя ощутимо обнаруживает мир персонажа. В ходе этого монолога герой сам себе ставит вопросы, сам отвечает на них, приводит аргументы «за» и «против», ведет чрезвычайно страстный диалог с самим собой. К тому же следует отметить, что авторские описания эмоционально-чувствительной сферы героя максимально красноречивы и сочны.

В повести в качестве художественного приема используются элементы символики, которыми автор наделяет составляющие элементы окружающей персонажей неживой природы, причем эта символичность очевидна не только для Мурида, но и для находящегося в курсе всех его жизненных перипетий читателя. К примеру, перед уходом из жизни Мурид пошел «к солнечному склону горы. Вот и знакомый камень. Здесь он прощался с Ксенией, уходя в армию. Взобравшись на макушку камня, он застыл на нем во весь свой гигантский рост, как памятник на виду у всего села» [3]. Этот камень вызывает у читателя те же воспоминания, что и у Мурида. Это потому, что внимательно читателю уже известны воспоминания Мурида, касающиеся его с Ксенией прогулок, в ходе которых влюбленные молодые люди сидели на большом валуне. Благодаря упомянутому приему у читателя возникает чувство собственной причастности к жизни и судьбе Мурида, что также придает явно выраженный лирический оттенок повествованию.

Автор от описания одномоментных ощущений своего героя при взгляде на долину, на село Атажукино переходит к глубокому изображению его «дум» и его внутреннего мира – взглядов на жизнь, привычек; к художественной передаче посещающих его философских размышлений; к описанию его реакции на происходящие события и к внутреннему монологу персонажа. Позже автор преподносит читателю уже другое восприятие внешности и личности Мурида – с точки зрения других людей. Иногда грань между настоящим и воспоминаниями героя стирается настолько, что читателю трудно их разграничить и понять.

Автор использует различные средства для описания своих героев. Он находит емкие слова для описания портрета героев. Автор вводит в повествование различного рода документы. На своем пути на рыбалку Мурид встречает много опасностей – то медведя, то змею, и этим приемом Кармоков подводит героя к размышлению о своей жизни. Встречей со змеей автор наводит своего героя на мысль о том, что «она была знаком того, что жизнь последней гадины краше моей?» [3]. Чтобы еще больше усилить раздумья своего героя, автор наводит его на новую неожиданность – на застрявшего между камнями мертвого яка. Он считает себя лишним человеком. «Неприглядный, как эта колода, и бесполезный, как топ-ляк» – такие слова находит автор для описания душевного состояния Мурида.

Писатель в повести проводит философско-аналитическую линию, которая реализуется в сомнениях, раздумьях, душевной тревоге героя и значительно углубляет его содержание, усиливая при этом человековедческую линию психологического анализа. Проникая во внутреннюю жизнь героя, рассказывая о жизненном пути и поступках Мурида, автор повествует больше о душевной реакции на них. Поэтому в центре повествования оказывается размышляющий, думающий герой. Мироощущение, самые затаенные, сокровенные чувства его передаются через внутренний монолог, монолог в форме несобственно-прямой речи, выступающей как авторская речь, передающая мысли героя или самого автора.

Повести М. Кармокова имеют прочное документальное основание. Этот запас фактов автор «растворяет» в них с помощью различных приемов: это и воспоминания героя, и историческая справка, и письмо герою, и перечисление подлинных фактов из биографии реально существовавших исторических лиц. Автор приводит своего персонажа к таким вопросам, размышлениям, которые волнуют философов, историков, да и все человечество.

Уникальность повестей Кармокова в том, что жизнь героя воспроизведена без всякого авторского насилия, во всей простоте и искренности непосредственной человеческой жизни. Одним из лейтмотивов повестей является постоянная апелляция рассказчика к фатализму, согласно которому случившееся воспринимается как судьба, которая, по его мнению, определяется свыше. Нравственные коллизии, пережитые людьми, и органично переплетенные с ними описания быта повседневной жизни, отдельных деталей придают художественно-документальным повестям М. Кармокова психологическую убедительность, подчеркнутую документальной достоверностью приводимых в тексте документов. Пластично сочетаются в них внешний рисунок событий с внутренним переживанием, восприятие их в сознании.

Повесть обладает способностью укрупнять факты, приближать их к читателю, придавать им большую значимость. В повести с особенной полнотой отражаются идейно-художественные искания нашего времени, в ней находит наиболее яркое выражение национальное своеобразие литературы. Это полностью относится и к художественно-документальным повестям М. Кармокова. Автор повести по крупницам воссоздает все драматические перипетии судьбы своих героев («Что в воду кануло...» – Шаваев Мурид, «Нога» – Махов Кита, «Не жалея ни о чем...» – Токмаков Магамет). Он, домысливая, дорисовывая чувства героев в конкретных ситуациях, более смело для документального показа характера героя воссоздает его внутренний мир. Это достигается с помощью внутренних монологов, лирических отступлений. Мы прониклись особым чувством к человеку, унесшему из жизни глубокие искания, не до конца решенные противоречия, искреннюю душевную драму.

Иногда грань между настоящим и воспоминаниями героев стирается настолько, что читателю трудно их разграничить и понять. Подобное смешение настоящего и прошедшего поэтизирует повествование, придавая ему некую эфемерность и лиричность.

Язык повестей М. Кармокова богат изобразительными средствами. Немало места занимают лирические отступления, философские рассуждения писателя. Обилие афоризмов, поговорок, пословиц, изречений делают речи героев красочными, эмоциональными.

Особую роль в повестях М. Кармокова играет ирония. И прежде всего – ирония судьбы: судьба играет человеком, если этот человек не в силах обрести внутреннюю стойкость по отношению к внешнему миру. Мы наблюдаем за человеческими слабостями. Герой не способен правильно оценить свое прошлое и тем самым закрывает для себя возможность измениться в будущем. Таков, например, Шаваев Мурид («Что в воду кануло...»).

Жанровыми доминантами документальных повестей М. Кармокова можно назвать установку на подлинность и документальность образа портретируемого, которые сочетаются с «ферментом недостовренности»; ослабленность сюжета; трансформацию документальной подробности в художественную деталь; ретроспективность; свободное совмещение нескольких временных пластов; конструирование

подтекста; использование сюжетных и внесюжетных конструкций; расширение функций автора (от повествователя до рассказчика).

В документальных повестях Мухамеда Кармокова авторское «я» расслаивается в соответствии с двумя временными измерениями, с одной стороны, и теми функциями, которые они выполняют по отношению к сюжетной организации текста, с другой. На этом основании в «Ноге» можно выделить три формы авторского присутствия, условно обозначаемые как автор-повествователь, автобиографический (лирический) герой и неперсонифицированный автор.

В произведениях М. Кармокова в центре внимания – человеческая индивидуальность, ее исторический путь, круг отношений, внутренний мир, духовное и нравственное самоопределение, общественное назначение.

Есть основания предполагать, что структуры, найденные им, могут послужить толчком для создания новых книг, в которых с документальной точностью найдут отражение события, люди, – все, что связано с «общеинтересным» для современного читателя.

Библиография

1. Поспелов Г. Проблемы исторического развития литературы. М.: Наука, 1972. 154 с.
2. Кармоков М.М. Сумерки. Повести и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2007. 264 с.
3. Кармоков М.М. Что в воду кануло... // Литературная Кабардино-Балкария. 2002. № 4. С. 8.

**ПРИЧИНЫ УСИЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛИЗМА
В ЛИТЕРАТУРЕ ЧЕРКЕССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
(на примере рассказов М. Кумыка)**

Тимижев Х.Т., Карданова М.А.

Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

kbigi@mail.ru

В представленной статье делается попытка раскрыть особенности творчества одного из писателей черкесского зарубежья – Мамдуха Кумыка, в котором аккумулируются важнейшие проблемы культуры стран Ближнего Востока 50–60-х гг. XX века.

Ключевые слова: культура восточных народов, искусство, модернизм, литература черкесского зарубежья, диаспора, пессимизм, малые жанры прозы, динамизм.

**REASONS OF INTENSIFICATION OF INDIVIDUALISM
IN CHERKESSIAN DIASPORA'S LITERATURE (on basis of M. Kumik's novels)**

Timizhev H.T., Kardanova M.A.

Institute for Humanities Research of Government KBR and KBNC RAS

At this article we attempt uncover particularities of creation one of the writers of cherkessian Diaspora Mamdukh Kumik, where accumulates the main problems of countries of Neighbor East of 50–60 years of XX century.

Key words: the culture of eastern nations, art, modernism, the literature of cherkessian Diaspora, pessimism, Diaspora, the little genres of prose, dynamism.

Страны исламского мира (например, где проживает адыгская диаспора) сильно разнятся как по уровню социально-экономического развития, так и по принципу государственного устройства. Культура этих стран также многослойна, но в ней преобладают две тенденции: заимствованные у наиболее развитого Запада элементы и незыблемые ценности традиционного бытия самих восточных народов. Путь трансформации национальных атрибутов с реалиями современности или же приспособления новомодных явлений к традиционному образу жизни своих народов избрали Турция и Египет. Культ религии ислама по-прежнему главенствует в Иране, Сирии, Иордании, Саудовской Аравии, Ираке и в ряде восточных стран, в которых в основном проживают выходцы из Северного Кавказа.

Последствием такой неопределенности можно считать и хаотическое неравномерное развитие пестрой культуры восточных народов. Борьба между апологетами западничества и сторонниками местного традиционализма обострилась к началу 80-х годов. Прозападные литераторы арабского Востока и Турции настаивали на том, чтобы тезис «искусство для искусства» воспринимали как единственный ориентир для творческих деятелей» [1]. При этом среди приверженцев такой позиции не было единодушия: «то поднимали на щит реакционную философию Ницше и Бергсона, то апеллировали к идеалистической теории психоанализа Фрейда, видя в их учениях сосредоточение духовных ценностей Запада» [2]. Были и такие писатели, которые критиковали феодально-мусульманскую культуру и в то же время выступали против сближения с Западом.

Существовала и другая сила, призывавшая возродить традиционную культуру и бороться этим оружием с Западом, засматривающимся на нефтеносные районы Ближнего Востока. В своем творчестве они опирались на идеи исламского фундаментализма (Шафик Джабри, Халил Марданбай, Салим аль-Джунджи и др.). Они настаивали на истинности утверждения, что у восточного человека – особый подход к художественному самовыражению, к оценке художественной и литературной продукции. Основные элементы такой культуры фундаменталисты берут из исламского представления о Вселенной, о жизни и о человеке, построенного на религиозных ценностях. Вера в мир сокровенного без ощущения внутреннего противоречия и конфликта – вот что, по их мнению, должно быть в произведениях писателей исламского мира.

Сторонники традиционализма весьма скептически относились к европейским литературным направлениям. Суть суждений этих авторов сводилась к следующим положениям:

– *отрицание социалистического реализма.* Если автор является сторонником материалистического толкования истории, то он будет сводить все к экономическим условиям. Он, естественно, будет осуж-

дать эксплуататоров и лить слезы по поводу положения трудящихся. Однако это не «человеческие» и не «нравственные» слезы, а слезы «социалистические», в основе которых лежит призыв к свержению существующего строя и передаче власти трудящимся для установления их диктатуры;

– *неприятие идей поклонников психоанализа*. Представитель этого направления станет объяснять все нарушения психики, различными комплексами. Такой писатель будет испытывать симпатию к «бедняге» – преступнику, который стал жертвой психического расстройства, вызванного несправедливостью окружающего общества. Если же он относится к экзистенциалистам, то начнет объяснять все тем, что человек не может найти самого себя, потому что религиозные, нравственные и социальные окопы, а точнее, давление со стороны окружающих людей, подавили его индивидуальность, не дали ему реализовать самого себя. Он должен реализовать самого себя, а «другие пусть идут в ад» [2];

– *критика авангардистов*. Традиционалисты утверждали, что, если писатель относится к авангардистам, он будет настаивать на том, что причина преступления заключается в невозможности освободиться от духовного наследия прошлого, сковывающего всякое движение вперед, мешающее бунтарям-революционерам.

Эти и другие течения в искусстве, ставшие популярными в послевоенные годы, в разной степени оказали влияние на восточную культуру – разумеется, и на литературу черкесского зарубежья. Однако ни западному модернизму, ни восточному традиционализму не удалось взять верх в борьбе за овладение умами людей. Им воспрепятствовали своим творчеством писатели прогрессивной, демократической направленности. Сюжеты, вызывающие сочувствие к неудачнику жизни, и в целом художественный мир, базирующийся на принципе психоанализа, не получили развития. Прогрессивные литераторы не допустили и распространения другого течения, заступающегося за одинокого героя, противопоставляющего себя общечеловеческим законам общежития.

Тем не менее следует признать, что отдельные арабские писатели и художники черкесской диаспоры все еще находились во власти иллюзий по поводу идиллической жизни, грядущей после завершения национально-освободительной борьбы. Они считали, что после обретения политической независимости должна наступить эра общественной гармонии. Таким образом, обходились вниманием социальные классовые противоречия. Сюжеты их произведений (Мамдух Кумык, Надия Хост, Сами Отар, Захра Апщазэ, Осман Челик (Хьэкуратэ) и др.) нарочито обтекаемы, в их произведениях сглажены реально существующие внутри общества разногласия, конфликты.

Писатели этой группы открыто изображают жизнь простого городского или деревенского труженика, сочувственно показывают бытие добропорядочного интеллигента, но их герои зачастую инфантильны и нерешительны. Они устали от ударов судьбы, и поэтому в трудной ситуации могут позволить себе «роптать на несправедливую жизнь», но не искать выход. Таким образом, общественные проблемы уступают место узким темам, усиливается индивидуализм.

Лидером этой группы литераторов является видный писатель черкесской диаспоры Мамдух Хасан Кумык (1940). Он первым из адыгов-мигрантов, не считая литераторов, родившихся и получивших образование на исторической родине, начал писать свои художественные произведения на адыгском (кабардино-черкесском) языке.

М. Кумык родился в селении Хишной недалеко от города Кунейтры (Сирия). Он – потомок эмигрантов, вынужденных покинуть Малую Кабарду вследствие Кавказской войны. Селение Хишной было разрушено во время арабо-израильской войны 1967 года, как и многие черкесские поселения на Голанских высотах. Многие беженцы из этих мест, в том числе и семья М. Кумыка, обосновались в Дамаске. Там он окончил школу, университет, затем работал учителем в разных странах (Алжир, Саудовская Аравия, Сирия), является активнейшим деятелем черкесского национального движения за рубежом. Художественные произведения Мамдуха печатаются в периодических изданиях, выходящих в Дамаске, Аммане, Анкаре, а в 1997 году сборник его рассказов вышел в Нальчике.

М.Х. Кумык проводит большую работу по популяризации адыгской национальной культуры в среде эмигрантов. В его переводе на арабский язык в Дамаске было издано немало произведений кабардинских писателей (известные исторические романы А. Кешокова, драма Б. Утижева «Тыргатао»), нартские сказания и мн. др. [3]. Однако самое ценное в творчестве прозаика – это то, что он сумел наиболее полно художественно воссоздать картину жизни зарубежных черкесов в 60–80-е годы XX столетия.

У адыгов на чужбине, впрочем, как и на исторической родине, никогда не было заступничества в виде организованной политической силы. Эмигрантам дозволялось заниматься не более чем вопросами своей культуры. Единицы, смевшие переступить указанную черту, незамедлительно подвергались преследованиям властей. В конце концов, как пишет писатель, «почва, которую предки готовили для нас, чтобы было куда ступить потомкам, вспыхнула огнем, и погибли лучшие наши парни...» (рассказ «Страшнее огня»). Страшнее огня было то, что на чужбине «адыг сломался, впустил страх в свое сердце». Жизненные неурядицы, отнимающие силу и дух, утрата привычных устоев, обнищание деревень, несбывшиеся надежды людей, поселившихся в городе, – вот главные темы художественных произведений М. Кумыка. Отчаявшийся человек

хватается за любую соломинку, «но вместо спасения натывается на новые шипы». Естественно, у него рождаются далеко не оптимистичные произведения, в которых много недосказанного.

В произведениях писателя, написанных в 1960–1970-х годах, больше пессимизма, сентиментальности. Вообще, тяготение черкесских авторов к описанию чувства своих персонажей ведет не к внешнему развитию конфликта, лежащего в основе сюжетов, а к нарастанию эмоционального движения. Еще в середине прошлого столетия черкесский поэт зарубежья Эргин Гунджер привнес в литературу адыгской эмиграции мысль «о старении адыгов вместе со временем», влияние которой на авторов диаспоры затянулось надолго. Лишь в 1980-е годы в литературу пришли новые силы, которые сумели в истинном свете отобразить противоречивую действительность и взять курс на демократическое развитие.

В эти годы существенное развитие в литературе диаспоры приобрели публицистика, сатира, юмор, в особенности жанр рассказа. Жанр, отражающий глубинные закономерности жизни и образно воспроизводящий действительность в частном эпизоде, стал самым популярным у читателей. Этой малой формой, способной в одной картине отобразить сложные жизненные коллизии, успешно пользуется до сих пор и М. Кумык.

Произведения М. Кумыка выдержаны в традициях классической арабской прозы. Вместе с тем необходимо выделить одну особенность его стиля. Общеизвестно, что жанр новеллы отличается динамизмом, остротой сюжета и неожиданной концовкой. Однако многие восточные писатели, в том числе и наши соплеменники М. Теймур, О. Сейфеддин, Х. Эдип, А. аль-Хамиси и др., стремясь придать этому жанру какую-то необычную окраску, иногда выносили в коротком прологе мораль, которую следует извлечь из дальнейшего прочтения. Этой манере следует и М. Кумык: в басне мораль идет в конце, а в его произведениях – в начале. В таком стиле написаны почти все его рассказы, попавшие в сборник «О чем поет речка».

Интересен и богат язык писателя. Произведения его изобилуют фразеологизмами и архаизмами, давно позабытыми на исторической родине. В рассказах М. Кумыка встречаются слова, которые употребляются в современном кабардино-черкесском языке с изменившимся значением (сырзу – кЫхьу – длинно; кьалэбжэ – куэбжэ – ворота; лэгьу – Ыхьлы – родственник; гьасэ – гьавэ – зерно; мэракъ щЫн – Ыуэху щЫн – взяться за кого-, что-л.; фылын – упЫшкІун – помять, измять что-л.; лэнджэн – бжыхь – плетень и др.); диалектизмы и термины, заимствованные из арабского языка (пхьэрэйтх – кьэрандаш – карандаш; хьэрмэн – хьэм – ток, гумно; туکان – тыкуэн – магазин; Іэльмакъ – кьэлътмакъ – переметная сумка; жэмахьуэ – Іэхьуэ – пастух; сенэ – пәлушІэ пэш – сени и т.д.).

В кабардино-черкесский язык, на котором создает свои художественные произведения автор, он искусно вплел и слова, использующиеся исключительно причерноморскими адыгами (адыгейцами, шапсугами и т.д.). Например: тебэбыкЫн – тельэтыкЫн – слететь с чего-л.; имыгьэпэн – имыгьэгузэвэн – не волновать кого-л. из-за чего-л.; узыр кьыхэЫкЫн – кьыхэузыкЫн – испытать острую боль; загьуэрэ – зэзэмызэ – иногда; хуэмыгуэщЫн – хуэмыгьэкьэруун – не мочь осилить чего-л.; хьэлыгьу – щлакхьуэ – хлеб; щІэмбэн – щІильэфэн – идти ко дну; щхьэбэу – Ыуэхуншэу – без дела; едэІун – едэІуэн – слушать кого-л. и т.д.

В рассказах М. Кумыка можно встретить интересные эпитеты, необычные сравнения, которые практически не используются отечественными писателями: дыгьэжь щЫІэ – старое холодное солнце; жэщ вакьэ зэв – ночь, подобная тесной обуви, в смысле *трудная, беспокойная ночь*; гьуэтырышх щІалэжь – парень, питающийся чем попало, в смысле *беззаботный, беспечный человек*; фэрэ кьупшхьэу зэпщІыжын – склеиться как кожа и кость, в смысле *похудеть сильно*; узыпэмыльэщыну Іэм ба хуэщІи тхьэм икьутэну тебгэ – поцелуй руку, с которой ты не справишься, и попроси Бога, чтобы сломал ее, в смысле *уступи тому, с кем ты не справишься*; шы кьарапцІэр лы гьапцІэш – вороной конь – обман для мужчины, в смысле *красота обманчива*; кьызыгурымыІуэм и Ыуэхур тыншщ – хорошо тому, кто не понимает суть дела, в смысле *дуралею все равно* и т.д.

Таких примеров, позволяющих почувствовать красоту и особый вкус родного языка, можно привести множество. Однако обилие их не является самоцелью и не отягощает внимание читателя, так как они привязаны к определенному образу или процессу, будь то труд, народный обычай или сцены из прошлого.

М. Кумык для своих рассказов не придумывал разные истории – сюжетной основой его произведений стали подлинные картины жизни самого писателя. Правдивость, с которой он обращается к самым тяжелым эпизодам новейшей истории своего народа, делает его рассказы настоящим зеркалом эпохи. К концу 1970-х годов уже «подросли и разлетелись кто куда мальчишки, бегавшие вчера за машинами, которые привозили трупы убитых односельчан на войне. Замостили булыжником, залили асфальтом новую дорогу по центру села и перекрыли путь ручья к огороду Хажасхада. Теперь здесь и не огород, и не гумно. А ручей все еще течет через село. Интересно, о чем это он сегодня рассказывает?» [4].

О многом мог бы рассказать ручей. И этот рассказ был бы переполнен горечью и болью. В первую очередь он поведал бы о безвозвратно утерянной вековой ценности изгнанников, о завете отцов: «Земля, дождь и человек – вот на чем держится мир, помните об этом во все времена» (рассказ «Страшнее огня»).

Адыги помнили и чтители завет отцов, но теперь надежда оставила их. Такова главная идея рассказа М. Кумыка «О чем поет речка». Герой повествования Хажасхад – человек, повидавший много на своем

веку, однако «жизнь ему не опостылела и не наскучила. Правда, сердце порой прихватывает, но и с такой ношей он проживет, только бы слышать журчание ручья». Воспоминания и покой – вот что нужно для счастья старому человеку. Психологически тонко подмеченную черту характера героя писатель художественно увязал с «журчанием ручья». За эту кроткую долю махаджира проливал кровь Хажасхад на чужой земле: «воевал в составе турецкой армии на Суэцком канале, служил во французском легионе». Да и теперь старый вояка чувствует в себе силы и идет записаться в солдаты – «сражаться с оккупантами». Писатель хорошо усвоил исконный закон адыга: «если соседу грозит беда, спешите ему на помощь». Но теперь настал черед сына, которого Хажасхад и взрослым-то пока не считал. Герой размышляет: «Оно, конечно, неплохо, что парень не выбился из рядов своих сверстников и решил проявить себя. Но все бы лучше уйти ему, отцу: он и воевал, и повидать кое-что успел...».

В рассказе из уст главного героя звучит еще одна важная мысль, раскрывающая ментальность адыгов. «Так повелось истари, – говорит Хажасхад, – что черкесы воюют за чужие народы, служат им опорой, а в благодарность получают печаль, утраты, безнадежность» [4]. Эту мысль более обширно раскроют другие писатели диаспоры, такие как Ч. Онер (Гъузгул), О. Озбай (Исмахилькъуэ), Я. Баг (Багъ) и другие, но она впервые так остро прозвучала у М. Кумыка. Черкесские юноши служат другим, завоевывают им государственность, укрепляют ее, а потом сами становятся лишними. Так и случилось с диаспорой в Сирии. Тем временем безостановочно бурлит жизнь, а «неумолкающий ручей уносит времена и события».

При такой жизни эмигрантов писатель не обещает никакой неожиданности. Вот и прошла очередная арабо-израильская война, «походя умыв горькими слезами маленькие черкесские села». Не вернулся с войны и сын Хажасхада. О его гибели никто толком рассказать не смог. Кто-то говорил, что воевал с ним близ села Нажмат-Субух, «кто-то твердил, что видел его во время штурма Кахоша, а кто-то клялся, что он на его глазах вслед за майором Джавадом Анзором одним из первых взобрался на высоту Хазизиат». Старик, отчаявшись от всего этого, в конце концов, смирился и с такой утратой. «Мне бы хоть тело его увидеть и схоронить» – последнее желание адыга-эмигранта. Эта мысль «вышибла из глаз старика слезу».

Слезы – вот и вся доля адыга на чужбине. В слезе Хажасхада, потерявшего сына, отражается протест писателя, хотя он еще довольно робкий. Недовольство итогом войны бродило в сердцах адыгов: «кровь, пролитая нашими детьми, оказалась напрасной». Но дальше слов горечи и обиды дело не идет – о сопротивлении, о борьбе нет и речи. Да и сам писатель ограничивается грустным умозаключением: «Все осталось при своих словах и обидах, а начало войны и окончание ее в руках власть предержащих».

Героям М. Кумыка свойственно пассивное неприятие окружающей действительности. Их попытки противопоставить высокие нравственно-духовные принципы адыгского народа господствующей в чужой стране морали терпят поражение. Конфликт между личностью и обществом не перерастет в активную борьбу. Такой человек, как Хажасхад, порядочный, честный, обычно вынужден смириться с существующими несправедливостями – либо он погибнет физически или же нравственно. Писатель подводит своего героя к тому, чтобы он не питал иллюзий. Однако это толкает его не к протесту, а к приспособлению к господствующей морали.

Причина такой нерешительности писателей диаспоры связана с государственным устройством стран Ближнего Востока. Художники слова в странах с монархическим или же полумонархическим режимом, каковыми к середине XX века оставались еще Иордания, Ирак, Сирия, Иран и др., были лишены права на свободомыслие. Впрочем, и сейчас ситуация в этих странах мало в чем изменилась. Адыгские писатели, проживающие в этих странах и не претендующие на поддержку какой-нибудь серьезной политической или же общественной силы, и давно лишены свободы «переступить черту», хотя не обделены ни умом, ни талантом. Поэтому у героев М. Кумыка и других талантливых писателей черкесского зарубежья «нет больше зерна на своих гумнах, и ручеек поменял свое русло».

Однако жизнь не стоит на месте: давно умер Хажасхад, на месте старой мечети, грозившей обрушиться, выстроили новую, и муллу назначили молодого, а «ручеек все так же течет по центру села», смывая потаенные горькие мысли людей, лишенных родины.

Такой же образ, как образ Хажасхада из рассказа «О чем поет речка», то есть маленького человека, лишённого свободы в мыслях и в жизни, встречается и в рассказах «Молчание и стыд», «Голос минувших времен», «Лик в зеркале», «Два письма», «Когда умолкают дети». В основе этих произведений большей частью лежат наболевшие общественные и морально-этические проблемы жизни адыгской эмиграции.

Рассказы М. Кумыка – не сказка, где добро неизбежно берет верх над злом. Сюжеты его произведений взяты из жизни, где всему есть место – жестокости, насилию, равнодушию, безразличию людей и т.д. Писатель сталкивает сильных со слабыми, богатых с бедными. При этом он особо и не стремится показать их в действии, а хочет проникнуть в их психологию и таким образом увидеть то, что сближает этих героев – ощущение ими враждебности или же равнодушия общества. Автор призывает читателя сочувствовать учителю, которого волокут «в полицию за то, что он недобрым словом отозвался о торгашах и спекулянтах» (рассказ «Голоса минувших времен»). Он стыдится того, что не заступился за девушку, которую

увезли, «кинув в машину подобно мешку» («Молчание и стыд»). Он жалеет девочку, чья семья после изгнания с Голанских высот осталась без пристанища на улицах Дамаска («Когда умолкают дети»).

М. Кумык открывает в своих героях новые грани духовного облика. Не идеализируя своих героев, писатель показывает, как вопреки бедности и несчастьям они сохраняют человеческое достоинство. Гуманизм черкесского писателя раскрывается в глубоком уважении к этим людям. М. Кумык нетерпим к проявлению социального зла. Он переносит пафос обличения на тех, кто наживается на страданиях простых людей.

Вместе с тем, как было уже отмечено, его герои – не борцы. Они привыкли к постоянным несчастьям и несправедливостям, сваливающимся на их головы одна за другой. Им ничего не остается, кроме «тихого проглатывания всех бед и унижений. А подступят слезы – просто утирают их». А если попадется кто-то с характером, тот «сердито плюнет, да пойдет своей дорогой». Таков способ выражения протеста литературных героев М. Кумыка, созданных на почве жесткого жизненного реализма. Впрочем, это – примета почти всех произведений 60–80-х годов XX века, вышедших из-под пера и других писателей эмиграции.

При этом рассказы М. Кумыка впечатляют правдивым изображением деревенской жизни. Реалистическое мастерство писателя сказалось также в том, что в его коротких произведениях отчетливо представлено социальное неравенство в деревне, созданы выразительные образы крестьян, сельской интеллигенции, представителей духовенства, спекулянтов и торгашей-жуликов, наживающих себе богатства на бедах людей. Все это, конечно, затушевывает субъективный вывод автора, пробуждает в читателе чувство протеста против зла и несправедливости, придавая тем самым произведениям социальное звучание.

Примером этому служат более поздние рассказы нашего соплеменника. Они подтверждают, что художественный мир М. Кумыка не является какой-то застывшей формой, в нем происходят эволюционные процессы. Одолеваемый сомнениями, писатель уводит своего лирического героя от романтических иллюзий и закаляет его испытаниями, при этом подлинный смысл повествования зачастую зашифрован (рассказ «Мальчик и круглая лепешка»). Теперь лирический герой «не боится пузатых мужланов-эксплуататоров, он уже не страшится плетей, которыми исполосована его спина». Он – боец, заступник тысяч людей, томящихся в невольничьем загоне. Герой говорит слова, которые писатель не решался сказать в лицо притесняющим его «драконам»: «Жив останусь я – сыщу погибель вам и вернусь домой!». Бесстрашие и сила, с которыми герой поднялся, словно и не было жестоких побоев, и вернулся к работающим пленникам, дают надежду на воплощение мечты о свободе.

Врожденные черты истинного адыга прорисовываются в рассказе «Видимость и сущность». В начале повествования персонажи рассказа – пара дружков-студентов из Дамаска – являются нам обычными задирами: оба вспыльчивы, только заденешь – они и в рукопашную готовы. Но это лишь видимость. Сущность совсем иная. За напускным хулиганством стоят совсем другие человеческие качества: умение противостоять обидчикам, не склонять головы перед скупым работодателем, способность признать свою ошибку и быть верным дружбе. Стоять до конца за правду и справедливость – на этой главной человеческой ценности строится этот рассказ.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что таких произведений, как рассказы «Мальчик и круглая лепешка», «Видимость и сущность», у писателя немного. Все они – дань памяти лучшим сынам адыгов, сложившим головы за «место, куда можно было свободно ступить эмигрантам, за пробуждение национального самосознания» («Лик в зеркале»). Именно эти произведения и стали началом новой литературы черкесского зарубежья на пороге очередного витка истории.

Библиография

1. Литература Востока в новейшее время. М., 1977. 73 с.
2. Художественные традиции литератур Востока и современность. М., 1985. 74 с.
3. Кушхабиев А.В. Черкесская диаспора в арабских странах (XIX–XX вв.). Нальчик, 1997. 150 с.
4. Кумык М. О чем поет речка. Нальчик, 1997. 253 с.

**СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА ЭМОЦИОНАЛЬНУЮ СФЕРУ АДРЕСАТА В РЕЛИГИОЗНОМ
И АСТРОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ**

Кулова Л.З.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

lkulova@mail.ru

Статья посвящена сравнительному анализу религиозного и астрологического дискурсов, выявлению их общих особенностей и различий в плане воздействия на эмоциональную составляющую личности адресата.

Ключевые слова: религиозный дискурс, астрологический дискурс, речевое воздействие, аргументация, двусмысленность, гармонизация текста.

**METHODS OF INFLUENCE ON THE EMOTIONAL
SPHERE OF THE RECIPIENT IN THE RELIGIOUS
AND ASTROLOGICAL DISCOURSES**

Kulova L.Z.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

The article is devoted to a comparative analysis of the religious and astrological discourses, identify their common features and differences in terms of impact on the emotional component of the personality of the recipient.

Key words: religious discourse, astrological discourse, speech impact, reasoning, ambiguity, the harmonization of the text.

Проблеме речевого воздействия в лингвистике всегда уделялось особое внимание. Интерес к ней не угасает и в настоящее время. В современном обществе, где информация все чаще выступает не только как инструмент власти или товар, но и как «оружие» в идеологической борьбе, исследования, посвященные данной проблематике, приобретают все большую актуальность.

Дискурс представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов, необходимых для понимания текста, т.е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения [1]. В зависимости от направленности воздействия различные типы дискурса апеллируют к рациональной или же эмоциональной сфере адресата. **Целью** данного исследования является выявление особенностей речевого воздействия в типах дискурса, направленных на эмоциональную сферу. **Материалом** исследования послужили ответы пастыря и астролога на волнующие пользователей интернета вопросы.

В своем исследовании мы исходим из определения, данного И.В. Богачевской, согласно которой религиозный дискурс – это «дискурс веры, которая доминирует над рациональным знанием и при этом допускает знание-откровение» [2]. Что же касается астрологического дискурса, Е.Р. Савицкайте определяет его как «особым образом организованное информационное пространство, где функционируют тексты прогностического содержания (гороскопы), содержащие набор некоторых знаков или символов, а также высказываний, несущих на себе печать авторитетности и содержащих определённую авторскую установку» [3].

Религиозный и астрологический дискурсы совпадают не только по вектору воздействия, но и обладают такими общими чертами, как уверенность в каком-то высшем знании, непонятном реципиенту, интенция уйти от прямого ответа:

Может ли христианин бороться со злом и как? – Спаситель за наши грехи принес Себя в жертву, претерпев кротко и смиренно ударение по щекам, оплевание, бичевание и крестные муки. В Византии, на Руси и в других христианских государствах было христолюбивое воинство, действовали законы против преступников. И в нехристианских обществах власть поставлена противостоять внешнему злу [4].

Какие последствия может иметь грядущее солнечное затмение? – «Бешеная Луна» – именно такое зловещее название носит Новолуние в Скорпионе. Оно произойдет 14 ноября, и ему не случайно предшествует Солнечное затмение (13 ноября) – вестник конфликтов и жизненных драм. «Бешеная Луна» вносит в поведение людей из Вашего окружения пугающую неадекватность, толкает на крайности и заставляет совершать необдуманные поступки. **Может случиться что угодно!** [5].

Довольно распространенным средством воздействия на адресата в обозначенных выше типах дискурса является ссылка на авторитетные для автора источники. В религиозном дискурсе – это чаще всего цитирование, прежде всего священных писаний:

Как простить обидчика, когда это трудно? – Прощение человеку его согрешений – не просто нравственная норма, но установленный Богом духовный закон. **Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших** (Мф.6:14–15). В этих евангельских словах содержится ответ на поставленный вопрос. Если мы хотим, чтобы Господь простил все наши грехи, то мы должны все простить человеку. **«Себе все легко прощаешь, если согрешишь против Бога или против людей, легко извиняй и других».** (Св. прав. Иоанн Кронштадтский) [4].

Однако очень часто пастыри могут воздействовать и примером, причем отсылать они могут не только к библейским персонажам, но и к современникам, и к историческим лицам. По утверждению А.А. Ивина, в качестве образцов выступают субъекты, общественный престиж которых повышает значимость их действий [6].

Как спастись, если работаешь руководителем? – Позволю себе встречный вопрос: а как спастись, будучи священником? Он ведь тоже руководитель. Руководитель, чтобы быть таковым по-настоящему, должен нести тяготы подчиненных. **Одним из идеалов руководителя является в нашей истории Александр Васильевич Суворов, который воистину был для солдата всем: и матерью, и отцом. Его любили и уважали, чувствовали близким и боялись. Александр Васильевич любил своих солдатиков, но и умел быть строгим, требовательным** [4].

В астрологическом же дискурсе ссылка может идти только на расположение небесных светил. И хотя подобного рода ссылка зачастую реципиенту ничего и не говорит, тем не менее благодаря ей речь автора выглядит более аргументированной:

Чего ждать в новом, 2013 году? – Год предстоит неровный по влиянию положительных и отрицательных астрологических аспектов. **Уже сейчас можно сказать, что Сатурн в Скорпионе потенциально может осложнить Ваши отношения с начальством и с законом. А противостояние Марса и Юпитера с Плутоном принесет весьма неожиданные потери, возможно, крупные денежные траты, к которым Вы можете оказаться не готовы. Но за Вашу Судьбу будут бороться и мощные положительные аспекты** [5].

Рассматриваемые нами типы дискурса имеют, однако, и свои особенности. Так, исследуемый материал показал, что, в отличие от астрологического дискурса, в котором возможность дать более или менее четкое обоснование ответа на поставленный вопрос стремится к нулю, в религиозном дискурсе возможна довольно четкая аргументация:

Почему надо спешить делать добро? – **Во-первых, в стремлении быстро делать добро обнаруживается благое устройство души. Она имеет готовность и решимость в любое время проявить любовь к ближним. Деятельно любить всех – основополагающая заповедь. Кто не медлит исполнять Божии заповеди, тот спешит делать добро.**

Во-вторых, человек должен спешить делать добро потому, что в этом мире зло часто бывает активней добра. Деятельная любовь и проявление милосердия требуют не только трудов, но порой и подвига. Зло же приманивает людей мнимыми благами и засасывает человека, как зловонное болото. Поэтому зло умножается в мире.

И в-третьих. Жизнь быстротечна. Надо уметь использовать драгоценное время. Откладывая какое-нибудь доброе дело, мы можем его не успеть сделать, ибо не знаем часа своей кончины. Именно поэтому надо неустанно делать добро.

Не способствуют ли монастыри низкой рождаемости, культивируя безбрачие? – Давайте посчитаем. **Сейчас в России около 500 монастырей. В среднем в каждом из них живет по 20 насельников. Итого – примерно 10000 монашествующих. Какой это процент от общего населения России? Что-то около 0,01 % (т.е. менее 1 человека на 10 тысяч!). Скажите, может ли повлиять на демографическую ситуацию в стране безбрачие столь мизерного количества населения? С большим основанием можно обвинять в высыхании Аральского моря человека, который каждый день вычерпы-**

вает из Сырдарьи по ведру воды. Так что причину низкой рождаемости, а также и большой смертности в России следует искать совсем не там, где ее ищете Вы. Кстати, в дореволюционное время, когда монастырей в Российской империи было чуть ли не в десять раз больше, чем сейчас, в Российской Федерации количество населения страны устойчиво росло (в последние два десятилетия XIX века на три миллиона в год). Крепкая многодетная семья была нормой. И сейчас в семьях, посещающих храмы, как правило, более одного ребенка [4].

Однако аргументация в религиозном дискурсе несколько иная, нежели в дискурсах, направленных на рациональную составляющую, например, педагогическом, задачей которого является «сформировать в сознании адресата культурный концепт, в состав которого входят разнородные признаки образного, понятийного, оценочного, инструментального характера» [7]. Лексика, гармонирующая текст, в первом примере, риторический вопрос и частое обращение к адресату во втором сигнализируют о том, что автор речи апеллирует именно к эмоциональной сфере реципиента.

Единственно возможным видом аргументации в дискурсе астрологическом является так называемая дедуктивная аргументация – обоснование данного положения через иные, ранее принятые. А дедуктивное рассуждение, по мнению А.А. Ивина, это всегда в каком-то смысле принуждение [6].

В астрологическом дискурсе отправной точкой дедукции является наблюдение, а доказательной базой служит реальное расположение небесных светил в тот или иной момент времени: **3 февраля впервые за 165 лет Нептун окончательно входит в знак Рыбы и пробудет там до конца 2012 года. Это значит, что для Вас пришла пора познать мир не через разум, а через чувственные и духовные стороны Вашего «Я».**

24 ноября в силу вступает Ретроградный Меркурий – мощный астрологический аспект, который закроет перед Вами дверь в будущее и откроет уникальную возможность изменить свое прошлое. Пусть Вас не удивляет частичная или полная остановка запущенных Вами проектов, досадные обстоятельства, мешающие двигаться вперед. В этот раз разворот Меркурия в ретро-движение произойдет в знаке Стрельца и в нем же закончится. А это значит, что в центре Вашего внимания окажется Ваша профессиональная жизнь, Ваши достижения, связанные с карьерным ростом или бизнесом [5].

Иными словами, поскольку первая часть суждений легко поддается верификации, вполне логично предположить, что выводимые из него положения также однозначны. Помимо этого, дедуктивная форма подачи информации создает причинно-следственные связи между выдвигаемыми в одном утверждении тезисами, а также придает им системность.

Кроме того, следует отметить следующие особенности анализируемых типов дискурса. Если религиозный дискурс характеризуется недвусмысленностью, однозначностью, безальтернативностью тезисов, то тексты астрологического дискурса зачастую содержат несколько возможных вариантов исхода описываемого явления, рекомендации носят двойственный характер, то есть содержат оппозицию «положительное/отрицательное»:

Каков мой индивидуальный астропрогноз на 2013 год? – 2013 год – очень динамичный, Вас буквально подхватит хоровод сменяющих друг друга ярких событий, на которые придется реагировать очень быстро. Будут и насыщенная личная жизнь, и напряженная работа; бурные любовные страсти и отношения, полные тихой нежности; тайные свидания и стремление узаконить связь; прилив сил и периоды странного бездействия.

Является ли октябрь благоприятным месяцем для заключения брака? – В течение всего октября будут происходить мощные астрологические события, которые могут активно повлиять на Ваши любовные отношения, а в некоторых случаях – кардинально изменить их: негативные аспекты – квадратура Марс–Нептун – неблагоприятный для новых романтических связей и знакомств, оппозиция Марс–Юпитер несет конфликты и ссоры между близкими людьми. Зато позитивные аспекты: Тригон Сатурн–Нептун (с 1 по 21 октября), Полнолуние в знаке Тельца (29 октября) помогут найти взаимопонимание между любимыми, привнести в отношения романтику, нежность и гармонию [5].

Непреходящий на протяжении многих веков интерес людей к астрологии связан, по всей видимости, с бессознательным влечением человека к чему-то необъяснимому и в то же время чарующему, а также с «врожденной» потребностью в вере, причем вере в лучшее. Поэтому, когда в дискурсе дана альтернатива, описаны два возможных варианта исхода описываемого события, адресат склонен относить к себе прежде всего позитивный прогноз.

Такого рода «вариативный» прогноз позволяет астрологу не только вызвать эмпатию, эмоциональную привязанность адресата в процессе развертывания дискурса, но и сохранить свой авторитет при лю-

бом исходе описываемого события. Именно вера, основанная на психологической потребности человека в «светлом будущем», и обуславливает бессилие, неспособность науки создать сегодня особую «научную культуру».

Так, астрологические верования в наше время гармонично сосуществуют с самыми строгими науками, более того, для многих членов современного общества, в том числе представителей интеллигенции, совершенно нормальным является их взаимодействие и взаимопроникновение.

Таким образом, когда речь идет о воздействии на адресата в религиозном и астрологическом дискурсах, немаловажное значение имеет и авторитет адресанта, направляющего реципиента по желательному для себя пути. «Возможность такого воздействия в рамках дискурса гороскопа обусловлена изначально положительным эмоциональным отношением людей к этому астрологу – носителю авторитета» [3]. То же, несомненно, справедливо и для религиозного дискурса, поскольку церковнослужители пользуются в современном российском обществе и государстве большим авторитетом не только у верующих, но и у светских людей.

Языкового же уровня маркерами прагматической направленности в исследуемых типах дискурса являются: форма повелительного наклонения, усиливающая директивную интенцию автора речи, обезличенность изложения, подчеркивающая неоспоримость выдвигаемых положений, прецедентные феномены, пользующиеся несомненным авторитетом у носителей данной культуры, специальная терминология, в том числе научная.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие **выводы**:

1. Для религиозного и астрологического дискурсов являются общими следующие особенности: отсутствие нелитературной лексики, наличие средств гармонизации текста, интенция уйти от прямого ответа, уверенность в каком-то высшем знании, недоступном реципиенту.

2. Воздействие в религиозном и астрологическом дискурсах направлено прежде всего на эмоциональную сферу адресата.

3. При целенаправленном воздействии на адресата в описываемых типах дискурса решающее значение нередко имеет авторитет автора речи.

4. В прагматическом арсенале религиозного дискурса представлены различные типы аргументации, в то время как в астрологическом возможна лишь дедуктивная аргументация, идущая от общих положений к частным.

5. Двусмысленность, имеющая место в астрологическом дискурсе, в религиозном полностью исключена.

Библиография

1. Усманова А.Р. Дискурсия, дискурс // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 240 с.

2. Богачевская И.В. Религиозный дискурс как объект философско-религиоведческой рефлексии // Вопросы духовной культуры. Философские науки. 2006. № 79. С. 119–121.

3. Савицкайте Е.Р. Авторитетность в прогностическом дискурсе // Серия «Аспекты языка и коммуникации». Вып. 4. Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых, 2008. С. 123–148.

4. Православие – православный информационный ресурс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravoslavie.ru.

5. Мир астрологии, психологии и эзотерики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.astrostar.ru.

6. Ивин А.А. Основы теории аргументации. М.: Владос, 1997. 352 с.

7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 258 с.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 693

УЧАСТИЕ ПРОКУРАТУРЫ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО) ОРГАНА ВЛАСТИ (ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ)

Паштов Д.Р.

Академия ГП РФ

yur.kbgu@yandex.ru

В статье определяется и рассматривается место органов прокуратуры в правотворческой и законотворческой деятельности субъектов Российской Федерации. Отдельное внимание уделено работе прокуратуры Кабардино-Балкарской Республики в данной сфере.

Приводятся статистические данные работы в указанной сфере, а также наиболее яркие примеры, отражающие работу прокуратуры Кабардино-Балкарской Республики.

Проводится анализ допускаемых нарушений в проектах нормативных правовых актов органов государственной власти Кабардино-Балкарской Республики.

Ключевые слова: прокуратура, нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации, законодательная инициатива органов прокуратуры, допускаемые нарушения в проектах нормативных правовых актов.

PARTICIPATION OF PROSECUTOR'S OFFICE OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC IN RIGHT CREATIVE ACTIVITY OF THE LEGISLATIVE (REPRESENTATIVE) AUTHORITY (ORGANIZATION AND ACTIVITY)

Pachtov D.R.

Russian Academy of GP

In article the place of bodies of prosecutor's office in right creative and legislative activity of subjects of the Russian Federation is defined and considered. The separate attention is given to work of prosecutor's office of the Kabardino-Balkarian Republic in this sphere.

Statistical these works are given in this sphere, and also the most striking examples reflecting work of prosecutor's office of the Kabardino-Balkarian Republic.

The analysis of allowed violations in drafts of regulatory legal acts of public authorities of the Kabardino-Balkarian Republic is carried out.

Key words: prosecutor, standardly legal acts of subjects of the Russian Federation, legislative initiative of bodies of the prosecutor's office, allowed violations in drafts of regulatory legal acts.

В настоящее время участие в правотворческой и законотворческой деятельности субъектов Российской Федерации является одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры. Усилиями прокуроров уже при подготовке нормативных правовых актов устраняются нарушения законов, чем существенно снижается нагрузка на надзорные подразделения, исключается сложная и затратная работа по опротестованию и судебному оспариванию незаконных правовых актов.

Так, можно отметить, что в настоящее время 75 прокуроров субъектов Российской Федерации наделены правом законодательной инициативы. Например, в Уральском федеральном округе таким правомочием обладают все прокуроры субъектов Российской Федерации. Только в первом полугодии 2010 г. ими было подготовлено 177 проектов региональных нормативных правовых актов, из которых 15 приняты. В статье 106 Конституции Кабардино-Балкарской Республики предусматривается, что прокурор Кабардино-Балкарской Республики наделен правом законодательной инициативы.

Органами прокуратуры проводится мониторинг действующего законодательства и правоприменительной деятельности, осуществляется взаимодействие с различными субъектами правотворческой деятельности, выполняется анализ материалов надзора за исполнением законов и иных направлений работы прокуроров, в результате чего выявляются пробелы и недостатки правового регулирования общественных отношений и принимаются в пределах компетенции меры по их устранению.

Так, в 2010 г. прокуратуры субъектов Российской Федерации участвовали в работе комитетов, комиссий, рабочих групп законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Готовились заключения на поступающие в органы прокуратуры проекты законов и иных нормативных правовых актов (39428 проектов, в том числе 13837 законопроектов, по которым составлено 39992 заключения, из которых 14457 – на законопроекты), им давалась оценка на коррупциогенность.

Органами прокуратуры инициировалось принятие нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации в связи с изменениями федерального законодательства: разработано 317 проектов нормативных правовых актов (включая 305 законопроектов), из них принято 230 (в том числе 221 законопроект), остальные находятся в стадии рассмотрения.

В прокуратурах субъектов Российской Федерации, в том числе в прокуратуре Кабардино-Балкарской Республики, создаются самостоятельные подразделения (группы) по работе с законопроектами, возглавляемые старшими помощниками прокуроров по взаимодействию с представительными (законодательными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления.

Проведению этой последовательной работы способствовало издание приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 31.05.2010 № 227 «Об утверждении и введении в действие статистического отчета "Сведения о работе прокурора по участию в правотворческой деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления" и Инструкции по его составлению», что позволяет более эффективно и объективно оценивать выполнение указанной деятельности и определять направления ее развития, а также то, что совместно с НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации был разработан макет информационного банка данных по учету предложений прокуроров субъектов Российской Федерации о совершенствовании федерального законодательства.

Генеральной прокуратурой Российской Федерации оказана практическая помощь с выездом на место прокуратурам Республики Татарстан, Псковской области, г. Санкт-Петербург для организации и ведения правотворческой деятельности.

Главное управление и управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в федеральных округах продолжают координировать действия прокуроров субъектов Российской Федерации в сфере правотворчества.

Стоит отметить, что во исполнение приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 2 октября 2007 № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» прокуратурой Кабардино-Балкарской Республики (КБР) проведена определенная работа по приведению законодательства республики в соответствие с Конституцией и законами Российской Федерации, а также по пресечению незаконного правотворчества.

Так, только в 2010 г. прокуратурой республики оспорено 5 нормативных правовых актов (в 2009 г. – 10 нормативных правовых актов):

– Постановление Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 31 декабря 2009 № 349-ПП «О республиканской целевой программе «Патриотическое воспитание и допризывная подготовка молодежи в Кабардино-Балкарской Республике (2010–2015 годы)» (10 марта 2010 г. внесен протест в Правительство КБР. Постановлением Правительства КБР эта отрасль приведена в соответствие с действующим федеральным законодательством);

– Постановление Правительства КБР от 16 апреля 2010 № 65-ПП «О совершенствовании учета государственного имущества Кабардино-Балкарской Республики» (17 мая 2010 г. внесен протест в Правительство КБР. Постановлением Правительства КБР от 8 июня 2010 №131-ПП «О внесении изменения в Постановление Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 16 апреля 2010 № 65-ПП» приведено в соответствие с действующим федеральным законодательством);

– Постановление Правительства КБР от 19 октября 2002 № 464-ПП «О введении новых цен на услуги социально-правового и обрядово-ритуального характера в органах ЗАГС Кабардино-Балкарской Республики» (26 мая 2010 г. внесен протест в Правительство КБР. Протест удовлетворен. Постановлением Правительства КБР от 30 июня 2010 № 145-ПП оспоренный акт признан утратившим силу);

– Постановление Правительства КБР от 4 июня 2010 № 122-ПП «О порядке предоставления ежемесячной денежной компенсации расходов на оплату жилой площади с отоплением и освещением педагогическим работникам образовательных учреждений, проживающим и работающим в сельской местности и поселках городского типа» (26 июня 2010 г. внесено требование в Правительство КБР. Требование удовлетворено);

– Конституция КБР (30 июня 2010 внесен протест в Парламент КБР. Законом КБР от 26 июля 2010 № 66-РЗ «О поправках к Конституции КБР» противоречащие положения приведены в соответствие с федеральным законодательством);

В 2010 г. органами государственной власти республики принято 177 нормативных правовых актов (за предыдущий год – 120), из них – 104 закона (за предыдущий год – 62); 73 акта органов исполнительной власти (за предыдущий год – 58).

Практика свидетельствует о том, что к типичным нарушениям федерального законодательства, допускаемым органами государственной власти республики при издании нормативных правовых актов, можно отнести несоблюдение компетенции, определенной для субъектов Российской Федерации по вопросам совместного ведения, а также закрепление необоснованно широких пределов усмотрения, создающих возможность для злоупотреблений должностными лицами либо позволяющих им принимать произвольные решения.

Так, например прокуратурой республики была проведена проверка соответствия Постановления Правительства КБР от 31 декабря 2009 г. «О республиканской целевой программе «Патриотическое воспитание и допризывная подготовка молодежи в КБР (2010–2015 годы)» Конституции РФ и федеральному законодательству.

Установлено, что данное постановление принято с нарушением федерального законодательства, а именно: исполнителями программы указаны местные администрации муниципальных образований КБР и общественные организации. При этом не учитывается, что в соответствии со ст. 12 Конституции РФ местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти; согласно п. 2 статьи 6 Федерального Закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» осуществление исполнительно-распорядительных и контрольных полномочий органами государственной власти субъектов Российской Федерации в отношении муниципальных образований и органов местного самоуправления допускается только в случаях и порядке, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними законами субъектов Российской Федерации. В связи с изложенным возложение на органы местного самоуправления республики мероприятий, указанных в Программе, является неправомерным.

Согласно ст. 17 Федерального Закона № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность общественных объединений, равно как и вмешательство общественных объединений в деятельность органов государственной власти и их должностных лиц, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных Федеральным законодательством. Соответственно, органы власти республики не вправе возлагать на общественные объединения выполнение каких-либо мероприятий, предусмотренных Программой.

В связи с выявленными противоречиями 10 марта 2010 г. прокурором республики внесен протест в Правительство КБР. Постановлением Правительства КБР от 2 апреля 2010 № 53-ПП «О внесении изменений в Республиканскую целевую программу «Патриотическое воспитание и допризывная подготовка молодежи в Кабардино-Балкарской Республике (2010–2015)» оспоренный НПА приведен в соответствие с требованиями законодательства Российской Федерации.

Следует особо отметить, что при разработке данной Программы 28 декабря 2009 г. проект направлялся в республиканскую прокуратуру на согласование. По результатам правового анализа в адрес Министра по информационным коммуникациям, работе с общественными объединениями и делам молодежи Кабардино-Балкарской Республики 12 января 2010 за № 22-3-142-09 прокуратурой республики направлены замечания, аналогичные указанным в протесте, но они не были учтены, и в результате пришлось применять меры прокурорского реагирования.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что основными причинами выявленных в проектах нормативных правовых актов органов государственной власти республики нарушений федерального законодательства являлось установление в проектах норм, вторгавшихся в предметы ведения Российской Федерации либо органов местного самоуправления. Также нередко в проектах закреплялись не-

обоснованно широкие пределы усмотрения, создающие возможность для злоупотреблений должностными лицами либо позволяющие им принимать произвольные решения.

Прокуратурой республики в 2010 г. проведен мониторинг по вопросу полноты реализации органами государственной власти республики положений Федерального закона № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный Закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Установлено, что в КБР к настоящему времени нормативных правовых актов, противоречащих Федеральному закону от 22 августа 2004 № 122-ФЗ в федеральном регистре, не имеется. Вместе с тем проведенной проверкой реализации указанного федерального закона выявлено двадцать неурегулированных императивных полномочий КБР как субъекта РФ.

В результате 17 ноября 2010 г. председателю правительства КБР были представлены требования принятия исчерпывающих мер к полной реализации требований указанного закона.

Представление удовлетворено, был утвержден перечень и поквартальные сроки принятия соответствующих нормативных правовых актов в 2011 г.

Особо отметим, что фактов неисполнения органами государственной власти вступивших в законную силу судебных постановлений о признании противоречащими федеральному законодательству республиканских нормативных актов в истекшем периоде не было; случаев выявления территориальными органами федеральных органов исполнительной власти (за исключением территориальных органов Минюста России) незаконных республиканских нормативных актов и принятых ими в связи с этим мер не установлено.

В 2010 г. прокуратурой было подготовлено 375 заключений на проекты нормативно-правовых актов органов власти республики. Из них 202 – на проекты постановлений Правительства КБР, 160 – на законопроекты, 13 – на проекты указов президента республики. По результатам их рассмотрения были принесены замечания и предложения на 39 проектов (13 законопроектов, 26 проектов постановлений Правительства республики).

В 24 случаях выявлены проекты, содержавшие коррупциогенные факторы (7 законопроектов и 17 проектов постановлений Правительства республики). Как правило, в проектах закреплялись необоснованно широкие пределы усмотрения, создающие возможность для злоупотреблений должностными лицами либо позволяющие им принимать произвольные решения. В 5 случаях из 7 Парламентом республики были разработаны законопроекты по вопросам, сфера регулирования которых отнесена к федеральному законодательству.

В связи с изложенным представляется целесообразным разработать организационно-распорядительные акты Генеральной прокуратуры Российской Федерации о проведении органами прокуратуры мониторинга состояния законности в правотворческой деятельности и правоприменительной практике; систематизировать учет и анализ предложений по совершенствованию федерального законодательства, содержащихся в информационно-аналитических записках старших помощников прокуроров субъектов Российской Федерации по взаимодействию с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления. В этих целях важно изучить состояние и проблемы участия в правотворческой деятельности прокуратур субъектов Российской Федерации, прокуратур городов и районов (и приравненных к ним специализированных прокуратур) и разработать предложения по совершенствованию этой работы.

ПОНЯТИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ТРУДА

Матуева Ж.М.

Академия труда и социальных отношений

zhanna_927@list.ru

Статья содержит исследование понятия правонарушения с позиций общей теории права и трудового права, в рамках которого выявляются его признаки, определяется структура правонарушения и предлагается законодательное закрепление термина «трудоправовое нарушение», отражающее специфику правонарушений в сфере труда.

Ключевые слова: законность, правонарушение, состав правонарушения, субъект правонарушения, вредные последствия, трудовое нарушение, юридическая ответственность.

THE CONCEPT OF OFFENCE IN THE SPHERE OF LABOUR

Matueva Zh.M.

Academy of Labor and Social Relations

The article contains a study of the concepts of the breach of law from the standpoint of the General theory of law and labour law, under which identifies his signs is determined by the structure of the breach of law and proposed legislative consolidation of the term «violation of labour law», reflecting the specificity of the breach of law in the sphere of labour.

Key words: the rule of law, the breach of law, the structure of the breach of law, the subject of the breach of law, the harmful consequences, violation of labour law, the legal responsibility.

Целью настоящей работы является комплексное исследование правонарушения с позиций общей теории права и трудового права.

Для достижения поставленной цели автором сформулированы следующие задачи:

- определить понятие правонарушения;
- установить признаки правонарушения;
- определить структуру правонарушения;
- сформулировать понятие правонарушения в сфере труда и раскрыть его содержательную часть;
- разработать и обосновать предложения по изменению действующего трудового законодательства на основе проведенного исследования.

Конституцией РФ установлено, что обеспечение законности находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов (пп. «б» ч. 1 ст. 72).

Понятию законности посвящено немало научных работ, однако до настоящего времени авторами не выработано единого мнения по его определению [1–4]. При этом исследование и оценка состояния законности как особого режима общественно-политической жизни неизменно в поле зрения науки и практики.

Наличие режима законности в нашей стране, к сожалению, не исключает его нарушений различными субъектами при реализации правовых норм, выражающихся в их неправомерном поведении, то есть в совершении правонарушений.

Современные теоретики права изучают правонарушение как самостоятельную правовую категорию. Заметна общность позиций по вопросу о том, что представляет собой правонарушение [5–10].

Систематизировав существующие определения правонарушения, можно сформулировать следующие необходимые признаки любого правонарушения:

- 1) это всегда деяние (действие либо бездействие), то есть определенный поведенческий акт, имеющий физическое выражение, поскольку нематериализованные мысли находятся вне правового регулирования;
- 2) данное деяние носит обязательно виновный характер, то есть субъект правонарушения осознает противоправность своего поведения [11];
- 3) данное деяние всегда общественно опасно;
- 4) субъектом правонарушения может быть лицо, обладающее определенными признаками: достижение лицом соответствующего возраста, наличие возможности осознавать значение совершаемого дея-

ния и нести за него ответственность. Авторы по-разному именуют эти признаки: «правоееспособность», «праводеликтоспособность», «правосубъектность», «правовой статус» и др. [12–15];

5) деяние является противоправным, то есть совершается вопреки, в нарушение установленных правовыми нормами предписаний. При этом не имеет значения неосведомленность лица о противоправности совершаемого деяния: незнание закона не освобождает от ответственности;

6) деяние влечет наступление вредных последствий, в том числе юридическую ответственность.

Вопрос о том, что свойство общественной опасности присуще всем правонарушениям, до настоящего времени остается дискуссионным. Преобладающей является позиция, что общественная опасность – неотъемлемый признак любого правонарушения [16–21]. Иное мнение выражается в признании общественной опасности только за преступлениями, все остальные правонарушения характеризуются как социально-вредные [22–29]. В учебной литературе по трудовому праву об общественной опасности деяния как основании трудовправовой ответственности по общему правилу не говорится [30]. Например, В.Н. Смирнов определяет дисциплинарный проступок как деяние, «исключающее уголовную ответственность» [31]. Это мнение можно интерпретировать как признание дисциплинарного проступка не общественно опасным деянием, как преступление, а иным, не обладающим признаком общественной опасности. Думается, определяющим термином в рассмотрении данного вопроса является термин «опасность», который характерен исключительно для уголовного права, для преступлений. Для других правонарушений понятие «опасность» представляется чрезмерным. Полагаем обоснованной позицию авторов, считающих общественной опасностью признаком только преступлений.

Неточным представляется мнение ученых, указывающих на достижение совершеннолетия как на одно из обязательных условий признания совершенного лицом деяния правонарушением [32]. Новеллизация законодательства привнесла возможность признания субъектом права (например, трудового, уголовного, гражданского) и лиц, не достигших совершеннолетия. Следовательно, деликтоспособными (то есть способными нести ответственность за свои поступки) они также становятся раньше остальных участников аналогичных отношений.

По вопросу причинения вреда существует мнение, что правонарушением следует считать также и то деяние, которое еще не повлекло, но со всей вероятностью может повлечь за собой вредные последствия, например, при нарушении правил техники безопасности на АЭС, шахтах, в организациях, условий труда, требований санэпидемслужб и т.д. [33, 34]. Думается, данное суждение обоснованно и отражает фактическое положение, существующее на практике.

Представляется необходимым дополнить вышеприведенный перечень признаков правонарушения еще одним: наличие причинно-следственной связи между деянием и наступившими вредными последствиями. То есть они должны быть результатом конкретного деяния конкретного лица. В противном случае действие (бездействие) последнего не может быть признано правонарушением.

Правонарушение – основание юридической ответственности только при наличии всех составляющих его элементов, вместе именуемых составом правонарушения (юридическим составом правонарушения). В понимании состава правонарушения нет полного единства [35]: состав правонарушения представляет собой наличие объективной и субъективной сторон, субъекта и объекта правонарушения, только совокупность этих элементов позволяет говорить о наличии или отсутствии конкретного правонарушения [35]; это система признаков правонарушения в единстве его объективной и субъективной стороны, необходимых и достаточных для возложения юридической ответственности [36]; это идеальная структура правонарушения, показывающая, из каких частей, элементов оно состоит, складывается [37]; это система признаков противоправного поведения, необходимая для его юридической квалификации в качестве правонарушения [38]. В подходах к пониманию структуры правонарушения проявляется идентичность. В нее включают:

- объект правонарушения;
- объективную сторону правонарушения;
- субъект правонарушения;
- субъективную сторону правонарушения.

Под объектом правонарушения понимаются общественные отношения, которые урегулированы нормами права, которым причинен вред противоправным деянием лица. В теории принята дифференциация объекта правонарушения на общий, родовый, видовой, непосредственный. В качестве общего объекта правонарушения рассматривается вся совокупность урегулированных и охраняемых правом общественных отношений. Родовой объект правонарушения – это блок общественных отношений, составляющих неотъемлемую и вместе с тем обособленную часть общего объекта. Имеется в виду совокупность отношений, родственных между собой по экономическим и иным социальным признакам. Он может выделяться как по отрасли определенной деятельности (отношения в промышленности, связи и т.д.), так и по содержанию отношений (права человека, собственность, общественный порядок и др.). Видовой объект – это часть родовых отношений, т.е. разновидность родового объекта. Например, отношения по организации труда и управлению трудом относятся к отношениям, непосредственно связанным с трудовыми, отношения собственности из числа экономических, безопасность движения в рамках управленче-

ских отношений и др. Непосредственный объект правонарушения – это конкретное общественное отношение, против которого направлено соответствующее правонарушение. Насколько многообразны общественные отношения, настолько многообразны и непосредственные объекты правонарушений.

Объективная сторона правонарушения есть внешнее проявление совершенного противоправного деяния [39–42]. В юридической литературе выделяют следующие элементы объективной стороны правонарушения:

- а) противоправное деяние, т.е. нарушение поведением правовых норм;
- б) причинная связь между противоправным деянием и его вредными последствиями;
- в) вредные последствия противоправного деяния.

Деяние может выражаться как в действии, так и в бездействии.

Вредность последствий совершенного правонарушения определяется применительно к конкретному субъекту, для которого такие последствия наступают. Им может быть физическое лицо, организация, общество, государство. При совершении противоправного деяния, не повлекшего причинения вреда, утрачивается один из обязательных признаков объективной стороны – вредные последствия. Соответственно, нарушается конструкция состава правонарушения, что влечет невозможность признания совершенного деяния правонарушением. Исключения установлены нормами трудового, уголовного и административного права. Например, ст. 214 ТК РФ закреплена обязанность соблюдения требований охраны труда, неисполнение которой работником влечет возможность применения мер дисциплинарного воздействия вплоть до увольнения по пп. «д» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ независимо от того, повлекло ли нарушение указанных требований причинение вреда. Но возможность наступления вредных последствий презюмируется.

При анализе состава любого правонарушения определенные трудности вызывает причинно-следственная связь между противоправным деянием и его вредными последствиями, то есть установление факта, что именно данное деяние стало причиной определенных негативных последствий.

Субъект правонарушения – это физические и юридические лица, обладающие способностью и возможностью нести юридическую ответственность за свои противоправные деяния (т.е. деликтоспособностью) [43, 44].

В каждой отрасли права выделяют собственных субъектов правонарушений.

Субъект правонарушений в трудовом праве – лицо, являющееся участником регулируемых трудовым правом отношений, допустившее (совершившее) противоправное невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей, возложенных на него нормами трудового права.

В трудовом праве выделяются специальные субъекты. Это работники, осуществляющие функции управления, занимающие должности государственной службы, это руководящие работники, избираемые, утверждаемые или назначаемые на должности высшими органами государственной власти и управления, а также судьи, прокуроры, их заместители и помощники [45]. К ним относятся также работники, с которыми трудовой договор может быть прекращен по дополнительным основаниям (например, руководители организаций – ст. 278 ТК РФ, лица, работающие по совместительству, – ст. 288 ТК РФ, педагогические работники – ст. 336 ТК РФ).

С учетом изложенного представляется, что правонарушение – это социально-вредное деяние, совершенное (допущенное) деликтоспособным лицом, причиняющее или могущее причинить вред другому лицу, обществу, государству, влекущее за собой юридическую ответственность.

Правонарушения принято делить на две группы: преступления и проступки. Первые отличаются максимальной степенью общественной опасности, влекущей применение к субъектам преступлений мер уголовного наказания. Вторая группа правонарушений – общественно-вредные деяния. Их число существенно больше, чем правонарушений первой группы.

Следует отметить, что в тексте ТК РФ отсутствует легальное определение понятия правонарушения в трудовом праве. В нем раскрывается лишь термин «дисциплинарный проступок» (ст. 192 ТК РФ), являющийся одним из видов правонарушений в сфере труда. К видам юридической ответственности ТК РФ отсылает в главе 62. Данное обстоятельство объясняется тем, что нарушения норм трудового права находят свое закрепление в той отрасли права, в которой установлен соответствующий вид ответственности. Например, если речь идет о нарушениях норм трудового права, влекущих уголовную ответственность, то такое нарушение является преступлением, понятие которого раскрывается в ст. 14 УК РФ. Если же ответственность установлена административным правом, то налицо административное правонарушение, определение которого содержится в ст. 2.1 КоАП РФ.

Нарушения норм трудового права, то есть трудовые правонарушения – это правонарушения, влекущие прежде всего трудовую ответственность за дисциплинарные проступки, причинение материального ущерба (морального вреда) другой стороне трудового договора. Необходимо законодательное закрепление отраслевого понятия трудового правонарушения. Для достижения данной цели необходимо сформулировать определение трудового правонарушения с учетом приведенных выше разработок в об-

щей теории права, суждений по рассматриваемому вопросу в теории трудового права и собственных выводов автора по данному вопросу.

Проведенный выше анализ понятия правонарушения в общей теории права дает основания утверждать, что сформулированные ею признаки, присущие данной правовой категории, в равной мере характерны и для нарушений норм трудового права.

В основе любого трудовправового нарушения лежит юридический состав, включающий в себя:

- 1) объект трудовправового нарушения, которым может быть любое личное и (или) общественное благо, охраняемое правом (например, жизнь, здоровье физического лица, собственность и т.д.);
- 2) объективную сторону трудовправового нарушения, представляющую собой его внешнюю характеристику, внешнее описание совершенного субъектом трудовправового нарушения противоправного деяния (например, место, время, способ);
- 3) субъективную сторону, выражающую психическое отношение субъекта к своему действию (бездействию) и его результатам (формы вины – умысел и неосторожность);
- 4) субъекта трудовправового нарушения.

Понятие трудовправового нарушения может быть следующим. Трудовправовое нарушение – это общественно-вредное деяние работника, работодателя (его представителей) и участников иных непосредственно связанных с трудовыми отношений, которыми нарушены нормы трудового законодательства, и иных актов, содержащих нормы трудового права, причинившее или могущее причинить вред лицу, обществу, государству, и влекущее за собой юридическую ответственность.

С учетом ранее приведенных мнений виновность стороны трудовых отношений не включена в приведенное определение, поскольку она не является необходимым элементом всех трудовправовых нарушений.

Предлагаемое определение целесообразно отразить в ст. 419 ТК РФ, изменив ее наименование следующим образом: «Понятие трудовправового нарушения и виды ответственности за его совершение».

Библиография

1. Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1994. 188 с.
2. Блинов В.М. Законность и правопорядок в советском обществе. М., 1971. 96 с.
3. Чхиквадзе В.М. Вопросы социалистического права и законности в трудах В.И. Ленина. М., 1960. С. 204–205.
4. Самощенко И.С. Охрана режима законности Советским государством. М., 1960. 199 с.
5. Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963. 53 с.
6. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. 27 с.
7. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. Вопросы и ответы. М., 2001. 94 с.
8. Сырых В.М. Теория государства и права: учебник. М., 1998. 315 с.
9. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник. М., 2001. 304 с.
10. Малько А.В. Теория государства и права. М., 2000. 240 с.
11. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. 625 с.
12. Иоффе О.С., Шаргородский Н.Д. Вопросы теории права. М., 1961. 380 с.
13. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: курс лекций: Нормы права и правоотношения: учеб. пособие. Вып. 2. Свердловск: Изд-во Свердловского юридического института, 1964. 71 с.
14. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. 236 с.
15. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. Изд. АН СССР, 1958. 83 с.
16. Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб., 2003. 78 с.
17. Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности. Л., 1983. 18 с.
18. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. 248 с.
19. Козлов А.П. Понятие преступления. СПб., 2004. 710 с.
20. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. 747 с.
21. Хачатуров Р.Л., Ягудян Р.Г. Юридическая ответственность. Тольятти, 1995. 84 с.
22. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1998. 555 с.
23. Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М.–Л., 1948. 128 с.
24. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М., 1962. 69 с.
25. Кузнецов Э.В., Сальников В.П. Наука о праве и государстве. СПб., 1999. 148 с.
26. Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963. 164 с.
27. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 2003. 181 с.
28. Абрамова А.А. Дисциплина труда в СССР (правовые вопросы). М., 1969. 66 с.
29. Сыроватская Л.А. Ответственность по советскому трудовому праву. М., 206. 43 с.

30. Коробов А.Е., Хохлов Е.Б. Правонарушение как основание юридической ответственности // Известия вузов. Правоведение. 2009. № 3. С. 70.
31. Советское трудовое право / под ред. А.С. Пашкова, О.В. Смирнова. М., 1982. 308 с.
32. Теория государства и права / под ред. А.И. Денисова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. 491 с.
33. Марченко М.Н. Теория государства и права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006. 626 с.
34. Гусов К.Н., Полетаев Ю.Н. Ответственность по российскому трудовому праву: научно-практическое пособие. М.: Велби, Проспект, 2008.
35. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2000. 551 с.
36. Шабуров А.С. Поведение людей в правовой сфере. Правомерное поведение. Правонарушение // Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, Е.Д. Перевалова. М., 2001. 410–414 с.
37. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 2001. 308 с.
38. Нерсесянц В.С. Теория государства и права: краткий учебный курс. М., 2001. 245 с.
39. Кутафин О.Е. Основы государства и права. М., 1995. 247 с.
40. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М., 1999.
41. Лазарев В.В. Правонарушение и юридическая ответственность // Проблемы общей теории права и государства: учебник / под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999. 485 с.
42. Теория государства и права: Курс лекций / под ред. М.Н. Марченко. М., 2001. 205 с.
43. Гусов К.Н., Полетаев Ю.Н. Ответственность по российскому трудовому праву: научно-практическое пособие. М.: Велби, Проспект, 2008. 62 с.
44. Мухаев Р.Т. Теория государства и права: учебник. М., 2001. 423 с.
45. Прокопович Г.А. Правонарушения в частном праве: субъект и субъективная сторона // Гражданское право. 2007. № 2.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УВОЛЬНЕНИЯ РАБОТНИКОВ ЗА ПРОГУЛ

Машукова Е.М.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

mashuk-elena@yandex.ru

Статья содержит анализ некоторых аспектов привлечения работников к дисциплинарной ответственности в виде увольнения за прогул.

Ключевые слова: прогул, увольнение, ошибки правоприменения, уважительные причины, письменное объяснение, временная нетрудоспособность.

SOME ASPECTS OF THE DISMISSAL OF EMPLOYEES FOR TRUANCY

Mashukova E.M.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

The article contains the analysis of some aspects of attracting workers to disciplinary liability in the form of dismissal for truancy.

Key words: truancy, dismissal, errors of law enforcement, valid reasons, a written explanation, temporary disability.

Целью настоящей работы является исследование некоторых проблем, возникающих на практике при увольнении работника за прогул, с определением способов их преодоления.

Для достижения поставленной цели автором сформулированы следующие задачи: определить пробелы в действующем трудовом законодательстве по вопросу увольнения работников за прогул; сформулировать предложения по устранению выявленных пробелов.

В деятельности любого работодателя возникают проблемы в правильном толковании норм действующего трудового законодательства и, соответственно, их безошибочном применении на практике. Чаще всего проблемы возникают при привлечении работников к юридической ответственности за дисциплинарные проступки. Как показывает практика, нормы действующего трудового законодательства содержат неоднозначные положения по данному вопросу, приводящие к ошибкам со стороны работодателей.

Основания и порядок привлечения к дисциплинарной ответственности работников определены в ст. 192, 193 Трудового кодекса Российской Федерации (далее ТК РФ). Существуют специальные нормы о дисциплинарной ответственности работников отдельных отраслей [1].

В рамках настоящей работы автор сконцентрирует свое внимание на одном из оснований дисциплинарной ответственности – прогуле, то есть отсутствии на рабочем месте без уважительных причин в течение всего рабочего дня (смены), независимо от его (ее) продолжительности, а также в случае отсутствия на рабочем месте без уважительных причин более четырех часов подряд в течение рабочего дня (смены) (пп. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ).

Понятие прогула конкретизируется п. 39 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [2]:

– невыход на работу без уважительных причин, т.е. отсутствие на работе в течение всего рабочего дня (смены) независимо от продолжительности рабочего дня (смены);

– нахождение работника без уважительных причин более четырех часов подряд в течение рабочего дня вне пределов рабочего места;

– оставление без уважительной причины работы лицом, заключившим трудовой договор на неопределенный срок, без предупреждения работодателя о расторжении договора, а равно и до истечения двухнедельного срока предупреждения (ч. 1 ст. 80 ТК РФ);

– оставление без уважительной причины работы лицом, заключившим трудовой договор на определенный срок, до истечения срока договора либо до истечения срока предупреждения о досрочном расторжении трудового договора (ст. 79, ч. 1 ст. 80, ст. 280, ч. 1 ст. 292, ч. 1 ст. 296 ТК РФ);

– самовольное использование дней отгулов, а также самовольный уход в отпуск (основной, дополнительный). При этом необходимо учитывать, что не является прогулом использование работником дней отдыха в случае, если работодатель в нарушение предусмотренной законом обязанности отказал в их предоставлении, и время использования работником таких дней не зависело от усмотрения работодателя. Например, отказ работнику, являющемуся донором, в предоставлении в соответствии с ч. 4 ст. 186 ТК РФ дня отдыха непосредственно после сдачи крови и ее компонентов.

Кроме того, прогулом будет невыход на работу лица, законно переведенного на другую работу (п. 40 того же источника).

В случае с отсутствием работника в течение всего рабочего дня (смены) ситуация ясна, а вот при отсутствии более четырех часов подряд начинаются проблемы следующего характера. Режим работы у большинства работодателей таков, что время между началом (окончанием) рабочего дня и перерывом для отдыха и питания составляет ровно четыре часа. Согласно ст. 108 ТК РФ, указанный перерыв в рабочее время не включается. Складывается ситуация, при которой работник, отсутствовавший без уважительной причины с утра и пришедший на работу сразу после перерыва или работавший с утра, но не вернувшийся без уважительной причины после завершения перерыва, не может считаться прогулявшим, поскольку его отсутствие составляет ровно четыре часа, когда по пп. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ для признания отсутствия прогулом требуется более четырех часов.

Думается, необходимо редактировать понятие прогула следующим образом: «прогул, то есть отсутствие на рабочем месте без уважительных причин в течение всего рабочего дня (смены), независимо от его (ее) продолжительности, а также отсутствие на рабочем месте без уважительных причин на протяжении не менее четырех часов подряд в течение рабочего дня (смены)». Такая формулировка закона позволит уменьшить злоупотребления со стороны работников и усилить их дисциплину труда.

В соответствии со ст. 193 ТК РФ применению дисциплинарного взыскания предшествует получение от работника письменного объяснения о причинах отсутствия на рабочем месте. Работник вправе воспользоваться правом на дачу указанного объяснения в течение двух рабочих дней. В данной ситуации возможны следующие варианты: 1) работник дает письменное объяснение и указывает причины своего отсутствия; 2) работник отказывается дать письменное объяснение, о чем составляется соответствующий акт; 3) работник не отказывается дать письменное объяснение и не дает его.

Сложность возникает в случае, когда работник отказывается дать объяснение о причинах своего отсутствия на работе и работодателем составляется соответствующий акт. Согласно ч. 2 ст. 193 ТК РФ, непредставление работником объяснения не является препятствием для применения дисциплинарного взыскания. Как показывает судебная практика, при зафиксированном и надлежащим образом оформленном факте отказа работника от дачи объяснений работодатель вправе налагать дисциплинарное взыскание до истечения двух рабочих дней. В данном случае право работника на предоставление работодателю объяснения не нарушено, а работодателем не нарушен порядок наложения дисциплинарного взыскания (Определение Верховного Суда РФ от 30.07.2008 № 36-В08-23) [3].

По мнению автора, такая позиция суда снижает уровень правовой защищенности работника, который по разным причинам может сразу не суметь сориентироваться и дать правдивое письменное объяснение по факту произошедшего. В связи с этим представляется целесообразным уточнение положений ст. 193 ТК РФ следующим образом: «До применения дисциплинарного взыскания работодатель должен затребовать от работника письменное объяснение. Если по истечении двух рабочих дней указанное объяснение работником не предоставлено, то составляется соответствующий акт. Отказ работника от дачи письменного объяснения оформляется актом, который не лишает работника возможности предоставить указанное объяснение в течение двух рабочих дней с даты составления акта».

Зачастую, чтобы избежать увольнения за прогул, работник в день расторжения трудового договора обращается в учреждение здравоохранения для оформления листка нетрудоспособности. Статья 81 ТК РФ не допускает увольнение работника по инициативе работодателя (за исключением случая ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем) в период его временной нетрудоспособности.

Так, гражданин Б. отсутствовал на работе в пятницу 08.02.2013 года. В понедельник 11.02.2013 года с него потребовали письменное объяснение о причинах отсутствия, однако он отказался дать письменное объяснение, что было удостоверено актом. В этот же день работодатель издал приказ об увольнении данного работника и предложил гражданину Б. ознакомиться с ним, от чего последний отказался. После обеда работник не вернулся на работу. Позже гражданин Б. обратился в государственную инспекцию по труду с заявлением о признании увольнения незаконным по причине его болезни 11.02.2013 года. В рамках проверки стало известно, что в день увольнения гражданин Б. обратился в учреждение

здравоохранения, расположенное в другой местности, и ему была выдана медицинская справка с указанием факта обращения и направления его на лечение. Государственная инспекция по труду признала увольнение указанного лица незаконным только лишь на основании издания приказа об увольнении в день открытия медицинской справки гражданину Б.

Действия государственной инспекции по труду представляются формальными. Ею не выяснены следующие обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения данного конфликта:

1. Является ли медицинская справка подтверждением временной нетрудоспособности. Исходя из ст. 13 Федерального закона от 29 декабря 2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» [4] временная нетрудоспособность подтверждается только листком нетрудоспособности по форме, утвержденной приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 26.04.2011 г. № 347 «Об утверждении формы бланка листка нетрудоспособности». Следовательно, представленная гражданином Б. справка не препятствует реализации права работодателя уволить работника за прогул;

2. Не установлено время обращения гражданина Б. в учреждение здравоохранения. Это имеет значение, поскольку половину дня он был на работе, и все юридически значимые действия по увольнению работодателем были произведены тогда, когда он не был болен. То есть фактически требование ч. 6 ст. 81 ТК РФ не нарушено. Налицо злоупотребление гражданином Б. своего права, что является основанием отказа ему в удовлетворении заявления (п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2).

3. Против гражданина Б. свидетельствует и тот факт, что обращение состоялось в учреждении здравоохранения, расположенном в другом населенном пункте, не по месту работы. Налицо нарушение работником дисциплины труда, которое не получило оценки со стороны государственной инспекции по труду.

По мнению автора, во избежание подобных ситуаций Пленуму Верховного Суда РФ необходимо дать разъяснения на предмет признания законными действий работодателя по расторжению трудового договора, совершенных им до обращения уволенного работника в учреждение здравоохранения.

Библиография

1. Указ Президента РФ от 16.11.1998 № 1396 «Об утверждении Дисциплинарного устава таможенной службы Российской Федерации» // СЗ РФ. № 47. 23.11.1998. Ст. 5742; Постановление Правительства РФ от 21.09.2000 № 708 «Об утверждении Устава о дисциплине работников рыбопромыслового флота Российской Федерации» // СЗ РФ. 02.10.2000. № 40. Ст. 3965; Постановление Правительства РФ от 23.05.2000. № 395 «Об утверждении Устава о дисциплине работников морского транспорта» // СЗ РФ. 29.05.2000. № 22. Ст. 2311 и пр.

2. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6.

3. Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс».

4. Собрание законодательства РФ, 01.01.2007, № 1 (1 ч.), ст. 18.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922:366.632 (470.64)

ВЛИЯНИЕ УРОВНЕЙ СИТУАЦИОННОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ НА РАЗВИТИЕ ИХ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Абидова А.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

aida_b2010@mail.ru

Статья содержит констатирующее исследование, в результате которого получены данные о психологическом состоянии иностранных студентов Кабардино-Балкарского государственного университета в разные периоды обучения в вузе. Рассмотрен основной показатель этого состояния – тревожность и ее уровни. Выявлено влияние уровней ситуационной и личностной тревожности на развитие коммуникативной компетентности студентов-иностранцев, которое предопределяет дальнейшую работу в создании формирующих методик по оптимизации учебного процесса иностранных студентов в КБГУ.

Ключевые слова: тревожность, коммуникативная компетентность, адаптация, ситуационная и личностная тревожность.

INFLUENCE OF LEVELS OF SITUATIONAL AND PERSONAL UNEASINESS OF STUDENTS FOREIGNERS ON DEVELOPMENT OF THEIR COMMUNICATIVE COMPETENCE (ON THE EXAMPLE OF THE KABARDINO-BALKARIAN STATE UNIVERSITY)

Abidova A.A.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

In article ascertaining research as a result of which data on a psychological condition of foreign students of the Kabardino-Balkarian State university during the different periods of training in higher education institution are obtained is described. The main indicator of this condition – uneasiness and its levels is considered. Influence of levels of situational and personal uneasiness on development of communicative competence of students – foreigners which predetermines further work in creation of forming techniques on optimization of educational process of foreign students of KBGU is revealed.

Keywords: uneasiness, communicative competence, adaptation, situational and personal uneasiness.

Ежегодно пополняющийся контингент иностранных студентов Кабардино-Балкарского государственного университета свидетельствует о его фактической значимости в области политики и экономики страны, о повышении конкурентоспособности вуза в мировом образовательном пространстве. Обучение иностранных граждан в КБГУ играет немаловажную роль в поддержке материально-технической и научной базы университета. Поэтому контроль качества образования, предоставляемого иностранным студентам, должен быть на высоком уровне. Необходим исследовательский и научный подход к обучению студентов-иностранцев в КБГУ, к проблемам, возникающим в период их адаптации и последующие этапы обучения в вузе. Одной из таких проблем является тревожность.

Цель настоящего исследования – рассмотреть психологическое состояние иностранных студентов в разные периоды их обучения в КБГУ, выявить уровни тревожности и определить степень влияния этих уровней на развитие коммуникативной компетентности студентов-иностранцев.

«Тревожность – это состояние повышенного психологического беспокойства, часто по незначительным поводам. Тревожность связана с повышенной чувствительностью, раздражительностью нервной систе-

мы. Проявления: часто комплекс неполноценности из-за сосредоточенности на своих недостатках, самокопание, неосознанное стремление обезопасить себя от неудачи, повышенное чувство ответственности за порученное дело, беспокойство о возможных неприятностях» [1]. Методика «Оценка тревожности» Спилберга – Ханина дала возможность выявить состояние реактивной и личностной тревожности (высокая, умеренная, низкая) студентов-иностранцев и соотнести ее значения с процессом развития их коммуникативной компетентности.

По выбранной методике было проведено констатирующее исследование, тестирование студентов-иностранцев КБГУ. В сравнительном анализе участвовало 114 человек на разных курсах обучения (**1 группа (62 чел.)** – начальные курсы, т.е. подготовительное отделение и 1 курс; **2 группа (52 чел.)** – 3–5 курсы). **Результаты тестирования** показали, что большая часть студентов-иностранцев как на начальном этапе обучения, так и в конце испытывают очень высокую тревожность (83 % – 1 группа, 95 % – 2 группа). 13 % студентов 1 группы имеют высокую тревожность, и 4 % из этой же группы отказались от тестирования, что тоже для нас показательно. Очень низкую тревожность имеют 5 % иностранных студентов из 2 группы.

Процентное соотношение результатов тестирования показано в таблице.

Таблица

Уровни ситуационной и личностной тревожностей студентов-иностранцев КБГУ

Курсы	Уровни тревожности									
	оч. высокая тревожность		высокая тревожность		средняя тревожность		низкая тревожность		оч. низкая тревожность	
	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
0–1 курсы	51	83	8	13	–	–	–	–	–	–
3–5 курсы	49	95	–	–	–	–	–	–	3	5

Наглядно уровни тревожности студентов-иностранцев показаны на диаграммах (рис. 1а, б).

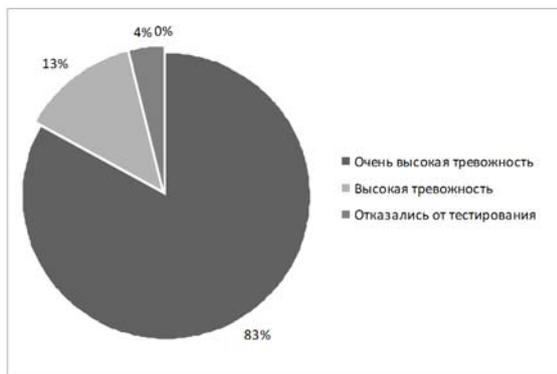

Рис. 1а. Уровни тревожности студентов-иностранцев КБГУ начальных курсов обучения

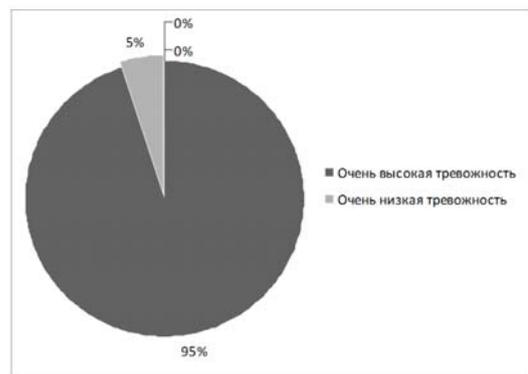

Рис. 1б. Уровни тревожности студентов-иностранцев КБГУ 3–5 курсов обучения

Представленные результаты исследования тревожности на разных курсах обучения приводят к выводу о преобладании негативного психологического состояния у студентов. Высокая тревожность, возникающая у студентов на ранних этапах обучения по ряду причин (например, адаптационных проблем), не может находиться в состоянии стабильности до конца обучения. На наш взгляд, даже самая острая проблема может быть решена с течением времени – или происходит определенное привыкание, за счет чего психологическое состояние студента может только улучшиться.

Поэтому для более тщательного анализа состояния тревожности студентов-иностранцев на разных курсах нами была проведена проверка результатов по каждому вопросу, по каждому типу тревожности.

Выделив по каждому вопросу наибольший процент у начальных курсов и старших курсов, удалось выяснить, сколько процентов студентов-иностранцев выбрали суждения, характеризующие высокую тревожность, сколько – низкую. Судя по полученным результатам, ситуация не настолько отрицательная, как показывают общие процентные показатели подсчета по самой методике.

Выделив наибольший процент ответов по каждому вопросу, удалось выяснить, сколько суждений положительного и отрицательного характера в каждой группе студентов:

положительные суждения

(я спокоен; я ощущаю душевный покой; я уверен в себе и т.д.)

ситуационная тревожность (из 20 суждений):

0–1 курсы – 16 суждений

3–5 курсы – 11 суждений

личностная тревожность (из 20 суждений):

0–1 курсы – 11 суждений

3–5 курсы – 7 суждений

отрицательные суждения

(я нервничаю; я внутренне скован; я расстроен и т.д.)

6 суждений

10 суждений

10 суждений

13 суждений

Таким образом, результаты исследования показывают, что у первокурсников преобладают положительные суждения, характеризующие уровень их тревожности, а у старшекурсников, наоборот, отрицательные суждения. Это полностью противоречит нашим предположениям о том, что с течением времени разрешение проблем, мешающих развитию коммуникативной компетентности студентов-иностранцев (и в целом – адаптации студентов), снижает уровень тревожности студентов. И это значит, что даже у адаптированных студентов есть причины, препятствующие их позитивному настрою. Т.е. адаптационные проблемы, конечно же, могут играть негативную роль в развитии студента, но не всегда.

В интервью с такими студентами выяснилось немало личных проблем студентов-иностранцев. У первокурсников это в первую очередь коммуникативные проблемы, проблемы с общежитием, учебой, у старшекурсников – и учеба, и личные проблемы, и семейные проблемы. В особенности это касается студентов из арабских стран. Речь идет о военных событиях в последнее время на их родине. Постоянная боязнь за своих близких приводит некоторых студентов даже к депрессии, поэтому происходит влияние данной проблемы на их психику и учебу. Своевременная психологическая помощь может оказаться очень важным шагом в улучшении психологического состояния студента, а значит, и снижении его тревожности.

Таким образом, исследование уровня тревожности студентов-иностранцев показало, что тревожность в той или иной степени присутствует в каждой группе исследуемых студентов. Поэтому мы пришли к **выводу**, что влияние уровня тревожности на развитие коммуникативной компетентности студента очевидно. Чтобы понять всю сложность внутренней организации студента, необходимо знать его отношение к самому себе. Только совокупный анализ самооценки и уровня тревожности иностранных студентов позволят сделать объективные выводы для построения структуры воздействия на студента для плодотворного развития его коммуникативной компетентности.

Библиография

1. Михайленко О.И. Акмеологические факторы продуктивной деятельности учителей в развитии речи и мышления младших школьников: дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2005. 284 с.
2. Астафьева Л.С. Адаптация студентов многонациональных вузов как теоретическая и практическая проблема педагогики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Психология и педагогика. М.: Изд. Российского университета дружбы народов, 2007. № 3–4. 89 с.
3. Лебедева Н.М. Социально-психологические закономерности аккультурации этнических групп // Этническая психология и общество / под ред. Н.М. Лебедевой. М., 1997. 246 с.

**САМОВОСПИТАНИЕ ОБУЧАЕМЫХ В ВУЗАХ МВД РФ КАК ФАКТОР
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ**

Манукян А.Р.

Северо-Кавказский институт повышения сотрудников ОВД

maline5@yandex.ru

Статья посвящена исследованию механизма самовоспитательного процесса сотрудников органов внутренних дел и определению его роли в системе самосовершенствования личности будущих офицеров МВД РФ. Рассматривается методика развития познавательных процессов; предлагается оптимизация системы самовоспитания у обучающихся.

Ключевые слова: самовоспитание, офицеры, курсант, сотрудник, личность, процесс, категория, результат, самосознание, деятельность, методика.

**SELF-EDUCATION OF STUDENTS IN HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A FACTOR
OF SELF-IMPROVEMENT OF FUTURE OFFICERS**

Manukyan A.R.

Northern Caucasus Advanced Training Institute of Interior Department

The article studies the mechanism of self-educational process of service men and defines its role in the system of self-improvement of future officers' individualities. The author touches upon self-education of future service men, considers methods of creative thinking development at practical c-lasses and seminars and suggests optimization of cadets' self-education system.

Keywords: selfeducation, officers, cadet, police officer, personality, process, category, result, selfconsciousness, activity, methodics.

Уровень самообразовательной деятельности курсантов и слушателей высших учебных заведений МВД России зависит от воспитания и самовоспитания и определяется уровнем интеллектуального, нравственного и эмоционально-волевого развития личности. Эти внутренние качества определяют возможность глубоко осознанного, продуманного, творческого характера работы над собой. От уровня их развития в значительной мере зависит конечный результат самовоспитания. Не ставя своей целью рассмотрение сущности самовоспитания и исследуя его только в контексте самообразования личности курсантов и слушателей вузов МВД РФ, все же отметим, что повышение значимости самовоспитания в общей системе подготовки и переподготовки различных категорий сотрудников требует качественного совершенствования этого процесса. Решению данной задачи в значительной мере способствует внедрение в повседневную практику самовоспитания и самообразования сотрудников научных основ, разработанных педагогической наукой.

Под самовоспитанием сотрудников органов внутренних дел понимается организованная, активная, целеустремленная деятельность по систематическому формированию и развитию положительных и устранению отрицательных качеств личности в соответствии с осознанными потребностями отвечать требованиям службы и деятельности и с личной программой развития [1]. В ходе самовоспитания все стороны личности (убеждения, мировоззренческие позиции, чувства, воля, привычки, черты характера, другие личностные качества, конкретные результаты деятельности и поведения) становятся предметом постоянного изучения и изменения.

По своей природе самовоспитание – явление социальное. Оно присуще только человеку, осознающему себя в системе общественных отношений. Занимаясь самовоспитанием, человек реализует социальную потребность в приобретении таких личностных качеств, которые в наибольшей степени способствовали бы выполнению его общественных функций. Социальная детерминация самовоспитания предопределяет специфику формирования и развития потребности в самовоспитании. Она развивается в процессе ратного труда, общественной деятельности сотрудника органов внутренних дел, его общения с другими людьми. «Человек, поставленный в активную позицию по отношению к окружающему миру, четко определяет свои силы и

возможности, свои достоинства и недостатки, намечает программу своей деятельности и совершенствования своих сил, сознательно преобразует себя в связи с преобразованием обстоятельств» [2].

По своей социальной функции самовоспитание – педагогический процесс. Его специфичность и уникальность состоят в том, что в нем и субъект, и объект воспитания заключены в одном лице, что порождает особый характер организации, содержания, методики работы над собой. При всей социальной обусловленности этого процесса самовоспитание глубоко индивидуально и зависит от степени выраженности внутренних предпосылок. К ним следует отнести потребности и мотивы, побуждающие военнослужащих к работе над собой: развитые самосознание и самокритичность, здоровое чувство самоуважения, умение объективно оценить свои достоинства и недостатки, не отставать от других и быть на высоте положения; определенный уровень развития воли, привычек, самоконтроля и волевого саморегулирования; знание теории самовоспитания и владение методикой работы над собой; сознательная установка на разностороннее самовоспитание; психологическая готовность к активной, целеустремленной и систематической работе по самовоспитанию.

Эти внутренние предпосылки определяют возможность глубоко осознанного, продуманного, творческого характера работы над собой. От уровня их развитости в значительной мере зависит конечный результат самовоспитания сотрудников и обучающихся. Одной из отличительных черт самовоспитания является устойчивая взаимосвязь с процессом воспитания. Указывая на закономерный характер этой взаимосвязи, выдающийся педагог нашего времени В.А. Сухомлинский писал: «Воспитание, побуждающее к самовоспитанию, – это и есть, по моему глубокому убеждению, настоящее воспитание» [3]. Именно под влиянием организованных воспитательных воздействий у сотрудников развивается самосознание, формируются потребность в самовоспитании, интересы и жизненные идеалы, определяются основные направления самовоспитания. В процессе целенаправленной воспитательной работы складывается своеобразный внутренний мир сотрудника, который определяет затем его способность, стремление и возможность к самовоспитанию.

Представление существа самовоспитания, особенностей работы человека над собой в условиях службы в органах внутренних дел дает рассмотрение процессуальной стороны самовоспитания.

Начальным этапом в самовоспитании выступает самопознание, которое представляет собой сложный процесс определения военнослужащим своих способностей и возможностей, уровня развития требуемых качеств личности. Человек не может разумно действовать без хотя бы минимального знания о самом себе. Не случайно еще мыслители древности отмечали: «Кто знает цену сущности своей, тот самый предостойный из людей».

Методически правильно организованное самопознание осуществляется по трем направлениям: самоосознание себя в условиях служебной деятельности, в системе взаимоотношений и предъявляемых требованиях; самоизучение; самооценка.

Самоосознание позволяет сотруднику глубже осознать и уяснить систему требований, предъявляемых к нему как специалисту конкретной специальности, понять свои задачи, более четко представить перспективу своего дальнейшего развития.

Самоизучение в процессе самопознания направлено на изучение качеств собственной личности, сопоставление с теми требованиями, которые предъявляются к сотруднику органов внутренних дел. Самоизучение осуществляется путем самонаблюдения, самоанализа своих поступков, поведения, конкретных результатов деятельности, критического отношения к высказываниям в свой адрес со стороны товарищей, сослуживцев, начальников, самопроверкой себя в конкретных условиях служебной деятельности. На основе такого самоизучения вырабатывается самооценка.

В самооценке выражается мнение сотрудника о самом себе, благодаря чему создается собственный проект самоорганизации. Объективная самооценка важна как в организации самовоспитания, так и в управлении своим поведением. При этом она выполняет ряд функций: функцию сравнения имеющихся качеств личности с требованиями, предъявляемыми к конкретным специалистам; функцию фиксации успехов и недостатков в работе над собой; функцию корректировки (позволяет вовремя отказаться от несовершенных форм и методов работы над собой, совершенствовать применение средств и приемов, дающих положительный эффект).

Непременным условием объективной самооценки выступает самокритичное отношение сотрудника ОВД к своей личности, умение правильно реагировать на критические замечания других людей. Поэтому в процессе руководства самовоспитанием необходимо утверждать у них объективно критическое отношение к самим себе, к достигнутым результатам, стремление не самообольщаться, находить пути и средства достижения более высоких результатов в своем профессиональном становлении и развитии.

На основе самоизучения и самооценки у сотрудников правоохранительных органов вырабатывается решение заниматься самовоспитанием. Как правило, это происходит при глубоком внутреннем переживании своих положительных и отрицательных сторон личности. По существу, на данном этапе создается своеобразный

разная модель работы сотрудника над собой, которая конкретизируется и уточняется на этапе планирования самовоспитания и реализуется в повседневной практической деятельности по самовоспитанию.

Планирование самовоспитания – процесс многогранный. Он связан с решением взаимосвязанных задач.

Важно определить цели и основные задачи самовоспитания. Сошлемся на мнение Н. Толстого. Он писал: «...имей цель для всей жизни, цель для известной эпохи твоей жизни, цель для известного времени, цель для года, для месяца, для недели, для дня, и для часу, и для минуты, жертвуя низшие цели высшим» [4]. В целях и задачах определяются главные ориентиры и содержание самовоспитания, идеалы, к которым стремится самовоспитывающаяся личность.

Анализ выбора идеала офицерами, прапорщиками, сержантским составом и рядовыми свидетелствует о том, что идеалом для них часто служит какой-то обобщенный тип личности либо качества многих людей. Но зачастую при планировании самовоспитания, в работе над собой не все сотрудники ясно представляют себе эти идеальные устремления. Для них идеал существует в каком-то психологическом «подполье», и равнение на него происходит стихийно, вполне осознанно.

На основании выработанных целей, задач разрабатывается программа (план) самовоспитания, которая составляется офицерами на определенные периоды своей жизни и служебной деятельности (перспективные планы), уточняется на год, месяц и т.д. и выступает как план определенного жизненного этапа.

Программы (планы) самовоспитания глубоко индивидуальны. И это не обязательно какой-то официальный документ. Как правило, они разрабатываются в личных дневниках, блокнотах. Главное их предназначение – помочь человеку организовать работу над собой. Как свидетельствует практика, свое предназначение программы (планы) самовоспитания выполняют тогда, когда в них находят отражение следующие вопросы:

- 1) по каким направлениям предполагается работать, какие личностные качества планируется формировать, развивать, совершенствовать, устранять;
- 2) посредством чего планируется осуществить реализацию намеченного и что использовать в интересах самовоспитания;
- 3) примерные сроки выполнения, а также сроки самоконтроля хода работы над собой.

Программы (планы) самовоспитания конкретизируются и дополняются определенными правилами поведения.

Личные правила поведения – это своеобразные программы поведения будущего офицера в конкретных жизненных, служебных ситуациях. Они могут носить и более глубокий, объемный и перспективный характер. В процессе самовоспитания то или иное правило постоянно наполняется новым содержанием [5].

Подготовительная работа, проведенная на этапе самопознания и планирования, создает надежный задел для плодотворной работы на последующих этапах. При этом непременным условием результативного самовоспитания выступает систематическая и целеустремленная работа по формированию и совершенствованию положительных и устранению отрицательных качеств личности в соответствии с программой самовоспитания. Однако следование правилу постоянства оказывается часто непреодолимой трудностью для сотрудников ОВД с недостаточно сильным характером, склонных к душевной лени. Порой, горячо взявшись за дело собственного воспитания, они через некоторое время снижают интерес к этой работе, постепенно отказываются от поставленных целей самовоспитания, отчего теряются уже достигнутые плоды работы над собой и приходится каждый раз начинать все сначала.

Отсутствие строгой системы в работе над собой часто связано со слабой методической вооруженностью курсантов и слушателей. Овладение эффективной методикой самовоспитания выступает одним из условий повышения его качества и результативности. Прежде всего это связано с умением применять в интересах самовоспитания разнообразные методы, приемы и средства.

Под методами самовоспитания понимается некая совокупность приемов однородного педагогического воздействия человека на самого себя в интересах выработки требуемых личностных качеств. Прием следует рассматривать как более частное воздействие человека на самого себя, представляющее в каждом конкретном случае какой-то единичный акт.

Система методов и приемов самовоспитания для каждого курсанта индивидуальна. Вместе с тем анализ практики самовоспитания позволяет выделить группу методов, наиболее широко используемых военнослужащими в интересах самовоспитания. Это самоубеждение, самообязательство, самоорганизация жизни и деятельности, аутотренинг, самоконтроль.

Так, посредством *самоубеждения* сотрудники добиваются самопризнания необходимости развития у себя тех или иных качеств личности, устранения тех недостатков, которые мешают. Это как бы внутренний спор с самим собой, взвешивание всех «за» и «против». Происходит своеобразное разрешение противоречий между личными взглядами, мнениями, чувствами и требованиями долга, мыслями и взглядами авторитетного лица, коллектива, общественного мнения. Сформированные посредством са-

моубеждения мысли и взгляды придают уверенность, морально-психологическую стойкость, делают их неподатливыми к вредным влияниям, соблазнам, более настойчивыми в достижении конечной цели.

Самообязательство как метод самовоспитания включает в себе решение человека заниматься самовоспитанием в избранных направлениях. Принимая на себя обязательство заниматься самовоспитанием в избранных направлениях, сотрудники мобилизуют тем самым свои силы, формируют у себя внутреннюю готовность к активной и целенаправленной работе над собой.

Сущность метода *самоорганизации* в самовоспитании состоит в том, что сотрудники, организуя свое поведение и деятельность в соответствии с выработанными правилами поведения, эффективно работают над собой. Важным условием при этом выступает умение человека управлять собой, добиваться осуществления поставленных целей.

Метод аутотренинга основан на эмоционально-волевой тренировке, суть которой заключается в развитии способностей к воздействию на психорегулирующие процессы. Для целенаправленного самовоздействия применяются специальные упражнения самовнушения в виде словесных формул. В процессе таких тренировок человек в состоянии создать модель представлений, чувств, эмоций, состояний, ввести ее в память путем сосредоточения внимания или многократного повторения. После ее введения в память модель переходит из кратковременной памяти в долговременную, из сознания в подсознание – и в конце концов уже автоматически, непроизвольно начинает влиять на самовнушение и поведение человека.

Работа над собой требует определенного самоконтроля, а при необходимости – и самокорректирования. *Самоконтроль* в самовоспитании основывается на способности человека осуществлять контроль любой своей деятельности. Его сущность состоит в том, что сотрудники ОВД, анализируя ход работы по самовоспитанию, устанавливают отклонение реализованной программы самовоспитания от спланированной и вносят соответствующие коррективы в план работы над собой. В силу этого самоконтроль в самовоспитании выполняет функции наблюдения, оценочно-констатирующую, корректировочную [6].

Непременным условием эффективности метода самоконтроля является высокая требовательность каждого офицера к себе и друг к другу. При этом требовательность должна быть повсеместной и объективной.

С целью самоконтроля курсанты и слушатели ведут дневники самовоспитания, ценность которых в самовоспитании состоит в том, что дневник заставляет человека припомнить события жизни и продумать их значение; приучает фиксировать события жизни и раздумывать над ними; содействует анализу деятельности, мотивов поступков; способствует самопознанию.

Рассмотренные методы самовоспитания на практике реализуются совокупностью различных приемов, однородных по своему педагогическому предназначению. К числу общепринятых приемов самовоспитания относятся самоупражнение, самовнушение, самокритика, самопринуждение, самонапоминание, самоотчет, самоощущение.

Анализ процесса самовоспитания дает основание заключить, что это сложный и многоплановый педагогический процесс с присущими ему внутренними противоречиями. Испытывая существенные трудности в самовоспитании на различных этапах его осуществления, не владея эффективной методикой самовоспитания, можно встретить самое различное отношение к самовоспитанию, вплоть до отрицания его необходимости. Поэтому процесс работы будущих офицеров над собой не должен уходить из поля зрения командиров (начальников). Им необходимо постоянно управлять, осуществляя педагогическое руководство.

Библиография

1. Военная психология и педагогика / под ред. П.А. Корчемного, Л.Г. Лаптева, В.Г. Михайлевского. М., 1998. 282 с.
2. Краткий психологический словарь. М., 2005. 70 с.
3. Сухомлинский В.А. Сто советов учителю. Киев, 1994. 244 с.
4. Уваров Л.Н., Уткин В.Г. Педагогические проблемы повышения эффективности воспитательной работы. М., 2001. 44 с.
5. Кикоть В.Я. Система научного обеспечения профессиональной подготовки слушателей вузов МВД России: дисс. ... докт. пед. наук. СПб., 2008. 410 с.
6. Кикоть В.Я. Проблемы управления и пути развития профессиональной подготовки слушателей вузов МВД России. СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 2009. 312 с.

ИНТЕГРАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

Тайлакова Е.А.

Башкирский педагогический госуниверситет им. М. Акмуллы

etailakova78@yandex.ru

В статье рассмотрены: краткая история, содержание и преимущества метода проектов, в том числе экологических; методологические основы интеграции отечественного и зарубежного опыта в школьных программах и проектах в области проблем окружающей среды. Представлены результаты первого этапа опытно-экспериментальной работы по организации экологической проектной деятельности старшеклассников в рамках предмета «Иностранный язык» как наиболее эффективного предметного курса для интеграции зарубежного опыта в отечественное экологическое образование.

Ключевые слова: педагогика, экологическое образование, международная интеграция, экологическая проектная деятельность.

INTEGRATION OF NATIONAL AND EUROPEAN PRACTICE IN ECOLOGY PROJECTS WITH SCHOOLCHILDREN

Taylakova E.A.

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla

The article deals with a brief summary of history, essence and advantages of method of projects, esp. projects on ecology; methodological basis of integration of national and foreign practice of realization of programs and projects on environmental issues. The author also presents preliminary results of the research work on organization of ecological projects among senior students within the framework of «Foreign Language» course as a most efficient means of integration of international environmental education into domestic pedagogy in terms of school subjects.

Key words: pedagogy, environmental education, international integration, ecology projects

Стремительное научно-техническое развитие современного общества привело к глобальному нарушению экологического равновесия и к целому комплексу противоречий между миром социума и миром природы. В связи с этим задача, стоящая перед человечеством, не сводится только к тому, чтобы восстановить, сохранить и обогатить природную среду. Главное в решении глобальных проблем общественного развития зависит от того, какой тип человека будет формировать общество для их преодоления. Академик Н.Н. Моисеев отмечал: «Человечество подошло к порогу, за которым нужны и новая нравственность, и новые знания, новый менталитет, новая система ценностей» [1].

Одним из средств решения поставленной перед человечеством задачи становится экологическое образование подрастающего поколения. В России этой проблемой занимались ученые из различных областей: экологии (К.К. Рихтер), философии (Н.Н. Моисеев, А.Д. Урсул), психологии (А.М. Адаменко, С.Д. Дерябо), педагогики (И.А. Зимняя, А.И. Новик-Качан).

В связи с усилением приоритетов общечеловеческих ценностей в педагогике начался поиск форм обучения и воспитания детей, позволяющих развить высоконравственную, творческую личность. Анализ практических подходов в экологическом образовании показал перспективность использования для достижения этих целей метода проектов [2].

Метод проектов возник в США в конце XIX века как метод обучения. Его создателем был американский философ и педагог Дж. Дьюи. В этом методе изначально предполагался особый развивающий личность потенциал, обусловленный направленностью обучения на «связь с жизнью», на практическое применение полученных знаний, на социализацию ученика [3].

Педагоги многих стран в начале XX века, осознав то, что жесткое регламентирование интеллектуальной деятельности ограничивает инициативу и творческие возможности обучающегося, выработали концепцию «свободного воспитания». Приверженцев «новой школы» (в Германии – Э. Мейман, В. Лай; во Франции – А. Бине; в Швейцарии – Э. Клапаред; в Бельгии – О. Декроли; в США – Э. Торндайк и др.)

объединяла убежденность в необходимости творческого развития детей через познание мира на собственном опыте [4].

Метод проектов, разработанный зарубежными педагогами, был адаптирован к российским условиям отечественными учеными. В 1905 году русский педагог С.Т. Шацкий пытался использовать проектный метод, выделяя в нем воспитательную сторону. В первые годы советской власти эти идеи были успешно реализованы А.С. Макаренко и стали предметом научного изучения ряда советских педагогов: Д. Борисова, Б. Игнатъева, Е. Игнатъева, В. Петрова, С. Ривеса, Л. Скаткина, И.М. Соловьева.

После многолетнего перерыва, в начале 90-х годов XX века в нашей стране метод проектов начал возрождаться вновь. На современном этапе преимущества данного метода в достижении качественно нового уровня обучения и воспитания были изучены М.Ю. Бухаркиной, В.В. Копыловой, А.П. Кузнецовой, О.М. Моисеевой, Е.С. Полат, Т.Е. Сахаровой и др. [5].

Преимущество активных методов обучения по сравнению с традиционными выражается в том, что у обучающихся вырабатываются необходимые способности, навыки анализа ситуации, возникает желание действовать самостоятельно.

Существуют различные типы проектной деятельности, которые позволяют учителю решать разнообразные дидактические задачи: информационный, практико-ориентированный, исследовательский, творческий, игровой и ролевой. Выбор типа проекта во многом связан с целью, а также с задачами и способами его реализации.

Метод проектов показал свою универсальность в решении таких задач, как: формирование навыков проектирования, планирования; реализация межпредметных связей и практическое применение знаний; профессиональное самоопределение обучающихся и личностное развитие (мотивация деятельности, воспитание деловых качеств и творческих способностей) [6].

Выполнение проектов в современном мире рассматривается как неотъемлемая характеристика личности, входящая в структуру представлений о профессионализме и определяющая стиль жизни современного человека, поэтому во всех европейских образовательных системах широко распространены проектные формы деятельности, в том числе экологической.

Очевидно, что в европейских странах накоплен больший, чем в России, положительный опыт в области экологического образования. Об этом свидетельствует более высокий уровень экологической грамотности и экологической культуры населения в целом, поэтому решение стоящих перед российской педагогикой задач по повышению экологического сознания, преодолению репродуктивного стиля обучения и переходу к новой образовательной парадигме делает важным интеграцию зарубежного опыта в отечественное экологическое образование.

Изучению систем экологического образования в европейских странах посвятили свои научные исследования Е.Н. Комина (Франция), М.А. Кузменок (Германия), Е.А. Рипачева (Великобритания), А.К. Шульженко (европейские страны) и др.

Методологические и теоретические основы интеграции отечественного и зарубежного опыта в программах и проектах в области проблем окружающей среды были рассмотрены в научных трудах С.В. Алексева, С.Н. Глазачева, А.Н. Захлебного, В.Б. Калинина, Н.И. Корякиной, Н.М. Мамедова, В.М. Назаренко, Г.А. Ягодина и др.

Как отмечает Е.А. Рипачева [7], интеграция может осуществляться в рамках трех моделей, взаимосвязанных между собой: модель копирования (репродукции); модель взаимодополнения (взаимобогащения); модель творческого (креативного) развития. Существует также адаптационный вариант интеграции отечественного и зарубежного опыта формирования экологической культуры, являющийся промежуточным между первой и второй моделью.

Примерами практического воплощения интеграции могут служить совместные международные эколого-образовательные проекты и программы. Они могут классифицироваться как международные образовательные и просветительные проекты и программы по экологическим темам: мониторинг окружающей среды, человек и природное окружение, человек и социальное окружение, здоровьесберегающие технологии в современном образовательном процессе и др.

В последние годы наметилась устойчивая тенденция роста интеграционных процессов в экологической проектной деятельности школьников скандинавских стран (в большей степени Финляндии) и северо-западных регионов России. Этому способствовало не только географическое соседство и ландшафтное единообразие территорий, но и эффективность активных методов экологического образования школьников, реализуемых в странах Скандинавии.

В отечественной научной педагогической литературе нам не удалось обнаружить исследований, посвященных вопросам формирования экологической культуры школьников в Скандинавии, поэтому

мы проанализировали информационный материал по экологическому образованию в Финляндии и Швеции с целью распространения их опыта в Сибирском регионе [8].

Привлекательным в системе экологического образования в Финляндии для нас является то, что общеобразовательные школы активно сотрудничают с зоозащитными, экологическими и научными организациями. Результаты исследовательских работ школьников учитываются и могут быть использованы в работе органов власти. Подобная мотивация у школьников отражает такой важный мировоззренческий аспект, как созидательная деятельность, направленная на сбережение природы родного края.

Следует отметить масштабность вовлечения финских школьников (более 90 %) во внешкольные детские и молодежные организации, деятельность которых направлена на практическую реализацию инициатив по экономии природных ресурсов, развитию культуры потребления, экологизации среды. Это не только дает возможность подрастающему поколению приобретать опыт в различных сферах жизнедеятельности, но и создает особую гуманитарно-образовательную среду [9].

Участие в международных экологических программах расширяет образовательное пространство школьников до планетарного масштаба. Более 200 финских школ участвуют в международном проекте, направленном на уменьшение уровня загрязнения Балтийского моря (MUVIN Project). Многие школы включены в международный проект «GLOBE» [8].

В последние годы в российских образовательных учреждениях усилилось внимание к проектным формам работы. Прежде всего этому способствовал ряд важных государственных документов, ориентирующих образование не только на получение обучающимися определенной суммы знаний, но и на развитие их познавательных и созидательных способностей. Так, в Приложении к Федеральным государственным образовательным стандартам основного общего образования отмечается высокая значимость учебно-исследовательской и проектной деятельности обучающихся, которая «позволяет повысить эффективность усвоения знаний, формирует компетенции и компетентности в предметных областях, формирует навыки участия в творческих конкурсах, олимпиадах, научных обществах, научно-практических конференциях...» [10].

Преимущество экологической проектной деятельности заключается в том, что она дает возможность организовать учебный процесс, соблюдая баланс между теорией и практикой, охватывает не только урочную, но и внеурочную деятельность школьников, обеспечивает интеллектуальное и нравственное развитие детей, позволяет приобретать социально значимый опыт [11]. Несмотря на то, что экологические проекты представляют собой специальную деятельность, характеризующуюся особой структурой и содержанием, придать экологическую направленность можно и нужно любой форме деятельности школьников в любом предметном курсе.

К наиболее экологизированным общеобразовательным предметам традиционно относят биологию, химию, физику, географию, но не меньшим «экологическим потенциалом» обладают и гуманитарные предметы (история, литература, иностранные языки). А.Д. Урсул отмечает, что «интеграция содержания гуманитарного и экологического образования позволяет учащимся не только понимать и рационально объяснять последствия экологического кризиса, но и, эмоционально переживая, открывать в экологических знаниях личностный смысл» [12].

Вопросы экологического образования старшеклассников средствами иностранного языка нашли частичное отражение в работах ученых А.Э. Вайсбрейта, Л.Я. Зени, И.А. Шпака и др. Наиболее полно практику экологического воспитания старшеклассников в процессе изучения иностранного языка исследовала М.Е. Яшина [13]. Ею выявлен и раскрыт воспитательный потенциал учебного предмета «иностранное языки» как важный фактор формирования экологической воспитанности старшеклассников в совокупности практической, воспитательной, образовательной и развивающей целью обучения, предложена диагностика уровня экологической воспитанности старшеклассников, раскрыты активные методы экологического воспитания в процессе изучения иностранного языка.

Учитывая тот факт, что вопросы экологического образования средствами предметов гуманитарной сферы выдвигаются теорией и практикой, мы приступили к изучению содержательных особенностей и педагогических условий организации экологической проектной деятельности в гуманитарной предметной сфере «Иностранный язык» с целью интеграции зарубежного (скандинавского) опыта экологических проектов в школьный образовательный процесс.

При организации экологической проектной деятельности старшеклассников в предметной сфере «Иностранный язык» мы учли прежде всего возможности самого учебного предмета. Во-первых, иностранное языки – это средство общения, идентификации, социализации и приобщения обучающегося к социокультурным ценностям. Во-вторых, высокий страноведческий потенциал предмета «Иностранный язык» позволяет организовать зарубежные связи школы, незаменимые в формировании целостного взгляда учащихся на мир природы. Общепланетарность экологических проблем создает основу для об-

щения на иностранном языке и делает возможным его использование в качестве посредника для установления контактов и достижения взаимопонимания с зарубежными сверстниками. Существенным потенциалом экологического воспитания в процессе изучения иностранного языка обладает использование учебного и аутентичного природоохранного материала, современных технических средств обучения, в том числе видеосюжетов и информационных ресурсов сети Интернет.

Основная часть опытно-экспериментальной работы по организации проектной деятельности старшекласников, реализуемой посредством интеграции экологического образования в гуманитарную предметную сферу «Иностранный язык», проводится нами в МАОУ гимназия № 6 «Горностай» г. Новосибирска.

На начальном этапе нами были определены следующие задачи опытно-экспериментальной работы:

1) изучение целевых установок учителей гимназии при организации экологической проектной деятельности старшекласников;

2) изучение отношения старшекласников к проектной деятельности, в том числе экологической.

Нами был проведен письменный опрос 35 учителей-предметников разных возрастов и с разным опытом педагогической деятельности, работающих на средней и старшей ступени. Вопросы анкеты были направлены: на определение количества учителей гимназии, использующих метод проектов в своей педагогической деятельности; на определение количественного показателя реализованных экологических проектов, в том числе в гуманитарной сфере; на выявление особенностей организации экологических проектов и их содержательного наполнения.

Анализ результатов анкетирования свидетельствует о том, что метод проектов используют 86 % опрошенных учителей. Количество учителей, реализовавших экологические проекты в своей предметной сфере, составило 23 %, половина из них – в гуманитарной (в основном иностранный язык). Цель, которую ставят учителя гимназии при организации экологической проектной деятельности, – используя активные методы и приемы обучения, расширить знания, умения и навыки обучающихся по охране окружающей среды.

Для изучения отношения старшекласников к проектной деятельности, в том числе экологической, проводился письменный опрос обучающихся 9–11 классов в количестве 191 человек.

Анализ данных анкетирования старшекласников показывает, что большинство старшекласников (85 %) имеют опыт участия в проектной деятельности, а 52 % из их числа отмечают создание проекта как предпочтительный вариант самостоятельной учебной и внеучебной деятельности. Опыт проектных работ в форме доклада или реферата имеют 46 % обучающихся; практические и лабораторные работы осуществляли 22 % обучающихся; в подготовке и реализации акций участвовали 16 % обучающихся.

Ответы старшекласников на вопрос, кто инициировал и контролировал проектную деятельность, распределились таким образом: учитель (78 %), сам (4 %), однокласники (6 %), внешкольная организация (12 %).

По данным анкетирования, предпочтительной формой организации проектной деятельности для большинства старшекласников (72 %) является групповая.

Интерес к проектам у многих старшекласников был вызван следующими причинами: «возможность проявить самостоятельность в мыслительной и практической работе», «возможность проявить инициативность и творческое отношение к делу», «возможность расширить знания, умения и навыки за счёт привлечения других дисциплин», «интересен сам процесс».

Из общего числа участвовавших в проектной деятельности старшекласников имеют опыт реализации экологических проектов 15,7 % старшекласников и выразили готовность участвовать в них 34 %. Реализовать экологический проект в рамках предмета «Иностранный язык» пожелали 26 % обучающихся.

В целом анализ анкет старшекласников демонстрирует достаточно высокую заинтересованность в проектной деятельности и экологическом проектировании в частности.

Результаты проведенного анкетирования позволяют сделать вывод о том, что в Новосибирской гимназии «Горностай» сложились педагогические условия, позволяющие реализовывать экологические проекты старшекласников в рамках предмета «Иностранный язык» как наиболее эффективного предметного курса для интеграции зарубежного опыта.

Мы полагаем, что проект, в основу которого будет положено поэтапное изучение экологической проектной деятельности скандинавских школьников (копирование, взаимодополнение и творческое развитие), расширит рамки видения российскими школьниками экологических проблем от локальных (краеведческих) до национальных и глобальных; поможет формированию толерантного отношения к ценностям иных культур; познакомит с жизнью и природоохранной деятельностью сверстников в других странах, даст возможность участвовать в совместных международных эколого-образовательных

проектах и программах, и главное, активизирует природоохранную деятельность школьников в своем регионе.

Выводы

Процесс глобализации находит свое отражение в необходимости интеграции отечественного и зарубежного опыта экологического воспитания. Изучение теоретических и методологических основ экологического воспитания, успешно используемых в европейских странах, может стать важным условием продвижения России по пути становления системного общегосударственного экологического образования. Это относится в полной мере и к интеграции отечественного и европейского опыта экологической проектной деятельности.

Вовлечение старшеклассников в экологическую проектную деятельность средствами предметной сферы «Иностранный язык» не только способствует процессу создания эффективных педагогических условий, направленных на развитие экологического мировоззрения личности старшеклассника как субъекта экологической деятельности, но и готовит его к участию в общеевропейском диалоге в культурном, интеллектуальном и эстетическом пространстве.

Библиография

1. Моисеев Н.Н. Экология и образование. М.: ЮНИСАМ, 1996. 192 с.
2. Суравегина И.Т. Методическая система экологического образования // Советская педагогика. 1988. № 9. С. 31–34.
3. Дьюи Дж. Демократия и образование: пер. с англ. М.: Педагогика-Пресс, 2002. 384 с.
4. Суравегина И.Т., Енkevич В.М. Экология и мир: метод. пособ. для учителей. М.: Новая школа, 1994. 126 с.
5. Стернберг В.Н. Теория и практика «метода проектов» в педагогике XX века: дис. ... канд. пед. наук. Владимир, 2003. 194 с.
6. Крившенко Л.П., Вайндорф-Сысоева М.Е., Юркина Л.В. Научно-исследовательская и проектная деятельность учащихся учреждений общего, начального и среднего профессионального образования: учебное пособие. М.: Диона, 2007. 84 с.
7. Рипачева Е.А. Модели интеграции отечественного и зарубежного опыта формирования экологической культуры // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2008. № 31. С. 469–473.
8. Тайлакова Е.А. Воспитание экологической культуры детей и молодежи в Финляндии и Швеции // Вестник Башкирского университета. Уфа, 2012. Т. 17, № 3. С. 1398–1402.
9. Шульженко А.К. Воспитание эстетического восприятия окружающей среды в европейских странах // Экологическое образование. 2005. № 2. С. 29–33.
10. Приложение к Федеральным государственным образовательным стандартам основного общего образования // Сайт «Федеральный Государственный образовательный СТАНДАРТ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=2588>.
11. Салтыкова С.В. Организация проектной и исследовательской деятельности в образовательных учреждениях // Интерактивное образование. Электронная газета. 2010. № 30. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://io.nios.ru/index.php?rel=30&point=11&art=942>.
12. Урсул А.Д. Модель образования XXI века: проблемы устойчивого развития и безопасности // Безопасность Евразии. 2001. № 4. С. 61–96.
13. Яшина М.Е. Экологическое воспитание старшеклассников в процессе изучения иностранного языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2006. 23 с.

ЭКОНОМИКА

УДК 332.81, 365

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОГО КАВКАЗА (1990–2010 гг.)

Карамурзов Р.Б.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки

karamourzov@gmail.com

В статье проводится оценка состояния жилищной сферы в республиках Центральной Азии и Южного Кавказа в 1990–2010 гг. Анализируется динамика ряда интегральных показателей, таких как общая площадь жилищного фонда и обеспеченность населения жильём. Рассматриваются изменения объемов жилищного строительства на примере средней площади и количества введенных квартир. На основе сведений официальной статистики делается вывод о характере и основных направлениях изменений, произошедших в рассматриваемых государствах за два десятилетия. Во всех странах в период их независимого развития имел место рост показателя обеспеченности населения жильём. При этом общей для всех стран рассматриваемых регионов тенденцией был спад в сфере жилищного строительства; структурной особенностью этого процесса было то, что сокращение общего числа строившихся квартир сопровождалось увеличением их средней площади.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, жилищные условия, Центральная Азия, Южный Кавказ

HOUSING IN THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA AND SOUTH CAUCASUS (1990–2010)

Karamourzov R.B.

Moscow State University of M.V. Lomonosov, Institute of Asian and African Studies

The paper attempts to assess the state of housing problem in Central Asia and South Caucasus during 1990–2010. The dynamics of some indicators, such as total and per capita housing stock, are analyzed. Also the changes in the volume of house building, the average size and number of apartments built are examined. On the basis of official statistics the conclusions of nature and directions of the changes that have taken place in the regions for two decades are made. In all the countries during the period of independent development per capita housing stock has increased. At the same time the decline in house building was common trend for both regions; the structural feature of this process was the reduction in total number of apartments built attended with an increase in their average area.

Keywords: socio-economic development, housing, Central Asia, South Caucasus.

Целью статьи является анализ характера и масштабов изменений жилищных условий населения нескольких государств Центральной Азии и Южного Кавказа на протяжении двух десятилетий их самостоятельного развития.

Жилищный вопрос был одной из острейших социально-экономических проблем СССР на протяжении всего периода его существования. Провозглашенная в 1986 г. на XXVII съезде КПСС цель – обеспечить собственной квартирой каждую советскую семью к 2000 г. [1], помимо прочего, наглядно продемонстрировала понимание руководством страны того, что радикальное решение этой задачи – дело многих лет, даже при сохранении высоких темпов строительства того периода. За годы самостоятельного развития в данной сфере в бывших союзных республиках происходили различные изменения, однако жилищная проблема и поныне остаётся весьма актуальной.

Существует несколько показателей, которые могут применяться при анализе состояния жилищной сферы. Одним из важнейших является **обеспеченность населения жильём**. Она выражается в единицах общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на 1 жителя страны, и рассчитывается путем

деления величины всего жилищного фонда на количество жителей. Получаемое в результате соотношение имеет тот же недостаток, что и другие «средние» показатели: в его величине никак не отражена степень неравномерности обеспеченности граждан жильем. Между тем, очевидно, что значение этой характеристики может варьироваться от страны к стране. Так, несложно допустить существование в каком-нибудь гипотетическом микросоюдастве ситуации, когда правитель живёт в огромном дворце, а остальные многочисленные жители ютятся в тесных хижинах. Показатель обеспеченности населения жильем (в расчете на 1 жителя) в этой стране вполне может соответствовать международным санитарно-гигиеническим нормам и представлениям о достойном быте (или даже превосходить их). И только более детальный анализ позволит получить реалистичную картину о положении дел в жилищной сфере данной страны.

Впрочем, в СССР, в силу особенностей социально-экономического развития, неравенству такого рода, как в приведенном выше примере, не было места. Даже на этапе приватизации, когда многие государственные в прошлом предприятия стали принадлежать относительно небольшой группе собственников, большая часть жилищного фонда оказалась в распоряжении проживавших в них граждан. Поэтому применение показателя обеспеченности жильем при межстрановых сопоставлениях, в бывших союзных республиках, как представляется, оправдано.

Изменение величины показателя обеспеченности жильем, как следует из его содержания, происходит в результате изменения площади жилищного фонда или численности населения либо, что вероятней, обоих показателей одновременно.

В свою очередь жилищный фонд увеличивается, если темпы строительства опережают скорость выбытия площадей по тем или иным причинам (ветхость, аварийность, разрушения в результате стихийных бедствий, боевые действия и т.п.). И наоборот: если жилья вводится меньше, чем выбывает, то площадь жилищного фонда сокращается. Принимая во внимание большой срок эксплуатации постоянных жилищ, второй вариант динамики наблюдался гораздо реже. С другой стороны, во многих регионах бывшего СССР (в силу особенностей планового хозяйства) гигантское по своим масштабам жилищное строительство осуществлялось в довольно краткие сроки, многие жилые районы вводились практически одновременно. Поэтому и ситуация, когда большое количество жилых домов (в частности, отжившие запланированный срок службы «хрущевки») почти единовременно окажется непригодным для дальнейшего эксплуатации, не столь уж маловероятна.

Индикаторами, характеризующими масштабы жилищного строительства, являются: **общая площадь введенного в действие жилья**, а также **площадь и количество построенных квартир** (на основе данных о величине последнего показателя, помимо прочего, можно получить представление о том, какое число семей потенциально могло бы улучшить свои жилищные условия в том или ином году). Разумеется, эти три количественные характеристики сферы жилищного строительства взаимосвязаны: величина общей площади нового жилья прямо пропорциональна площади построенных квартир и их количеству.

Средняя площадь строившихся квартир во многих странах Содружества Независимых Государств (СНГ) возрастала на протяжении постсоветского этапа их развития (см. табл. 1). Подобная тенденция, на первый взгляд, свидетельствует о позитивных изменениях и, в целом, ассоциируется с ростом уровня жизни. Между тем, в 1990–2000-х гг. увеличение средней площади нередко сопровождалось, а точнее, было связано с уменьшением количества построенных квартир (табл. 2). Из этого, на наш взгляд, следует простой вывод. По причине отказа и/или неспособности государств поддерживать за счёт бюджета объемы и структуру жилищного строительства, характерные для советского периода, из категории потребителей продукции первичного рынка недвижимости оказались исключены наименее обеспеченные слои. В новых условиях, когда застройщики не были связаны нормами, регулирующими среднюю площадь жилищ, а также соотношение числа одно-, двух-, трехкомнатных и т.д. квартир (как это было во времена СССР), рынок удовлетворял только платежеспособный спрос, который в свою очередь могли предъявить только довольно состоятельные граждане.

Косвенным подтверждением верности сделанного предположения о причинах увеличения средней площади квартир, на наш взгляд, являются данные о динамике соответствующих показателей по России и Белоруссии. Так, в РФ с началом восстановительного этапа жилищного строительства увеличение средней площади новых квартир остановилось и в дальнейшем, до конца 2000-х гг., изменялась в относительно небольших пределах (табл. 1). Аналогичная, но еще более выраженная тенденция наблюдалась в Беларуси. Меньше всего квартир тут было построено в 2002 г. (если не считать 1995 г.). В последующие годы их число непрерывно возрастало и практически одновременно (с 2003 г.) стала сокращаться возраставшая все предыдущие годы постсоветского развития площадь квартир.

Прежде чем перейти непосредственно к изучению динамики упомянутых выше показателей в республиках Центральной Азии и Южного Кавказа, необходимо сделать несколько пояснений, которые относятся к использованным статистическим материалам.

Приведенный анализ основывается на данных первоисточников – сведениях национальных статистических ведомств и межгосударственного статистического комитета СНГ. Такой подход выбран, во-

первых, из-за его очевидной предпочтительности при подобном анализе, а во-вторых, из-за отсутствия соответствующих исследований по данной тематике (посвященных не отдельным странам, а всем государствам изучаемых регионов) в специальной литературе.

Другое пояснение касается выбора базового года для сравнений результатов, достигнутых странами в жилищной сфере за годы самостоятельного развития. Поскольку изучаемые государства появились на политической карте мира лишь в конце 1991 г. (а фактически – в 1992 г.), то и сравнение результатов социально-экономического развития в последующие два десятилетия, как может показаться, целесообразно проводить с 1991 г. или даже с 1992 г. Между тем, во всех таблицах, приведенных в статье, первым годом является 1990 и именно он будет использоваться при анализе в качестве исходного. Дело в том, что к 1991–1992 гг. кризис переходного типа уже в полной мере отразился на величине большинства показателей социальной сферы (в том числе и тех, что будут рассмотрены ниже). Поэтому сравнение значений соответствующих индикаторов с 1991 или 1992 гг. будет искажать истинные масштабы (глубину и продолжительность) спада. Это в свою очередь может привести к неверным выводам о том, когда в жилищной сфере вновь были достигнуты (если они были достигнуты) докризисные значения и, соответственно, начался восстановительный рост. В то же время 1990 был не только последним «полноценным» (хотя бы и номинально) годом существования рассматриваемых стран в рамках единого государства, но и оказался лучшим для народного хозяйства многих из них.

Наконец, третьим обстоятельством, требующим поясняющих комментариев, является то, что в табл. 1–6 приводятся сведения и по тем бывшим советским республикам, которые никак не могут быть отнесены к регионам Центральной Азии и Южного Кавказа, а именно по Белоруссии, Молдове, России и Украине. Проведение анализа состояния жилищной сферы в этих государствах выходит за рамки одной статьи, однако, как представляется, сравнения величин тех или иных индикаторов в указанных странах могут быть полезны, и в отдельных случаях такие сопоставления будут производиться.

Количество квадратных метров жилья, приходящегося на одного жителя, в **Азербайджане** с 1990 по 2010 гг. изменилось незначительно: с 12,5 до 12,8 (табл. 3). По сравнению с другими странами Центральной Азии и Южного Кавказа (и в целом СНГ) величина этого показателя в Азербайджане, пожалуй, может быть охарактеризована как «наиболее статичная». Так, самое низкое значение – 11,9 м² – было достигнуто в 1996 г., и, следовательно, наибольшее снижение составило менее 5 % от уровня 1990 г. Поскольку численность населения к середине 1990-х гг. увеличилась на 7–8 % (табл. 4), а площадь построенного жилья сократилась, практически в 5 раз по сравнению с 1990 г. (табл. 5), можно предположить, что снижение показателя общей площади в расчете на 1 жителя до 11,9 м² связано как с демографическими сдвигами, так и с падением объемов жилищного строительства.

Несмотря на то, что объемы ввода нового жилья в Азербайджане в 2000-х гг. почти непрерывно возрастали, даже в 2010 г. величина этого показателя была в 1,4 ниже, чем в 1990 г. Здесь важно обратить внимание, что 2010 г. был самым лучшим для жилищного строительства за весь рассматриваемый период (больше было построено, видимо, «по инерции» только в 1990, 1991 и 1992 гг.), а если сравнивать с предшествовавшим ему 2009 г. (который примерно характеризует средние темпы за 2003–2010 гг.), то снижение будет ощутимым: 1,9 раза. Падение объемов жилищного строительства в худшие годы было почти семикратным (6,85 раза).

В отдельные периоды с 1990 по 2010 гг. количество строившихся квартир сокращалось очень существенно: до 8 раз в 1999 г. (табл. 2). С начала 2000-х их количество стало возрастать, однако и к 2010 квартир строилось в два раза меньше, чем в 1990 г.

Средний размер построенных в Азербайджане квартир постепенно (хотя и с колебаниями в отдельные периоды) возрастал и за 20 лет увеличился на 40 % (табл. 1). Это по сравнению с другими странами Центральной Азии и Южного Кавказа довольно «средний» показатель.

В **Армении** обеспеченность населения жильем возрастала на протяжении 1990–2010 гг. практически непрерывно. В 2010 г. на 1 человека здесь приходилось более 27 м², что в 1,8 раза больше, чем в 1990 г. (табл. 3). Заметим, что население Армении за указанный период хоть и сократилось, но в гораздо меньших масштабах: с 3515 тыс. в 1990 г. до 3262 тыс. в 2010 г., т.е. немногим более 7 % (табл. 4). Следовательно, причины роста значений показателя обеспеченности жильем могут объясняться и увеличением площади жилищного фонда. Он, как следует из табл. 6, на протяжении 1990–2010 гг. увеличивался высокими темпами. Этот факт сам по себе не может не обращать на себя внимания, поскольку объемы жилищного строительства в Армении к этому времени снизились довольно существенно (табл. 5). Если в 1990 и 1991 гг. темпы роста данного показателя были заметно выше средних по СССР (проявление результатов усилий по восстановлению жилищ сотен тысяч людей, оставшихся без крова, после Спитакского землетрясения 1988 года), то в 1992 г. в данной сфере произошел большой спад: более чем четырехкратный по сравнению с 1990 г. В отдельные периоды середины и конца 1990-х гг. абсолютное снижение объемов жилищного строительства в Армении было еще большим. Например, в 1996 г. жилья в эксплуатацию было введено в 8,4 раза меньше, чем в 1990 г.

Таблица 1

Средняя площадь построенных квартир в странах СНГ и Грузии в 1990–2010 гг., м² [3]

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Азербайджан	83	89,8	90,8	83,6	82,9	91	95,8	95,9	97	96,7	90,1	87,4	95,6	94,3	111,4	101,5	113,9	109,9	107,9	111,2	116,4
Армения	84,4	91,3	83,7	86	95,3	106,5	158,2	104,8	150,9	167	108	151,4	124	108,9	294	235,5	321,4	252,9	274,3	241,7	144,5
Беларусь	61,3	64,3	62,6	64,7	66,8	71,4	68,8	72,9	76,2	84,8	89,6	92,6	97,6	94,4	86,7	87,4	89,7	87,9	85	82	78,3
Грузия	87,4	79	81,6	105,6	168,9	134,2	134,5	150	115	166,4	177,3	199	202,3	171,9	н/д						
Казахстан	69	72,5	76,3	80,3	82,9	81,5	89,6	96,7	107,8	115,2	111,7	120,5	123,2	116	118,3	115,1	114,6	116,2	116,5	118,3	117,2
Киргизия	69,6	70,8	65,9	79,7	82,6	79,3	81,3	84,6	87	92,6	91,4	95,6	92,3	91,4	93,8	101,7	103,6	104,7	103,6	104,3	95,5
Молдова	67,3	68,2	73,7	79,3	77,7	76,5	87,8	94,4	90,5	97,8	93	104	110,8	124,9	122,7	115,3	118,2	111,6	99,9	104,1	111,5
Россия	59,1	59,7	60,8	61,3	64,2	68,2	71,2	76	79,1	82,1	81,1	83,1	85,3	85,4	86	84,5	83,1	84,7	83,4	85,3	81,5
Таджикистан	61,3	60,9	62,3	64,6	н/д	90,5	49,1	54,1	55,3	50	43,8	49,2	56,2	46,8	65,7	62,4	49	45,3	67,5	63,8	53,6
Туркменистан	83,9	87,3	95,5	104,4	н/д																
Узбекистан	78,9	83,7	84,7	84,5	80,6	83,9	82,4	94,9	100,1	101	н/д	108	н/д	н/д	112,8	110,3	116	117,2	115,3	118,2	117,2
Украина	60,2	62,3	62,3	65,2	69,4	73,3	76,7	79,6	83,6	83,6	88,8	91,5	95,2	103,3	107	103	105	108,3	111,9	97,6	121,6

Таблица 2

Число построенных квартир в странах СНГ и Грузии в 1990-2010 гг. за счет всех источников финансирования, тыс. [3]

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Азербайджан	34,3	29	24,5	17,1	9,4	6,6	5,6	5,4	5,5	4,3	5,4	6,4	8,4	14,2	12,2	15,7	13,9	14,7	17,1	13,5	17,6
Армения	17,3	20,9	4,3	4,3	3,2	3,1	1,1	2,5	2	1,2	1,8	1,3	2,3	4,7	1	1,5	1,2	1,9	1,9	1,8	3,6
Беларусь	86,1	83,9	71	59,1	50,9	27,3	38,2	46,1	47,7	34,4	39,4	32,5	28,8	32	40,4	43,3	45,7	53,1	60	69,6	84,7
Грузия	11,5	16,8	5,8	2,5	0,9	1,2	1,1	0,7	0,8	1,1	1,2	0,7	1,1	1,1	н/д						
Казахстан	114	84,5	66,1	48	28	20,4	15,7	13,9	10,5	9,6	10,9	12,5	12,6	18,2	21,9	43,8	54,5	57,5	58,8	54,1	54,7
Киргизия	22,4	17,4	13,5	7,4	4,9	4,1	4,2	4,1	6,6	4,4	5	4,1	4,7	4,9	5,3	5,3	5,6	6,6	8	8,4	7,7
Молдова	23,7	18,6	14,5	8,4	7,5	6,7	4	4	3,8	2,9	2,3	2,9	2,3	2,3	2,8	4	4,9	5	6,8	4,8	4,9
Россия	1044	828	682,4	682,3	610,9	602	481,5	430,3	387,7	389,8	373,4	381,6	396,4	426,9	477,4	515,3	608,6	722,5	768,1	701,9	716,9
Таджикистан	28,3	20,1	10,2	8,1	н/д	2,5	3,4	4,9	4,1	4,5	5,6	5,6	5,9	7,2	6,7	8,2	11,7	13,7	11,3	13,1	19,2
Туркменистан	21,3	23,8	20,3	18,8	н/д																
Узбекистан	125,5	112,9	85,6	76,3	66,3	59,3	74,5	71	79,7	77,1	н/д	65,7	н/д	н/д	54,8	54,7	55,9	59,4	62,8	64,4	75,4
Украина	290,3	232	226,6	188,9	145,4	118,2	88,1	80	70	73,5	62,6	64,9	63,8	62,3	70,7	75,9	82,2	94,6	93,8	65,6	76,8

Таблица 3

Обеспеченность населения жильем в странах СНГ и Грузии в 1990–2010 гг., м² [3]

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Азербайджан	12,5	12,2	12,5	12	12,2	11,9	11,9	11,9	12,1	12	12,3	12,2	12,2	12,2	12,4	12,6	12,6	12,7	12,8	12,7	12,8
Армения	15	14,8	14,9	15,2	15,2	17,5	17,8	18,4	19	20,3	20,8	20,9	21	21,1	21,7	23,1	23,6	26,2	26,3	26,6	27,3
Беларусь	17,9	18,3	19	19,4	19,6	19,7	19,9	20,2	20,6	20,8	21,2	21,6	21,9	22,3	22,6	22,6	22,9	23	23,2	23,6	24,6
Грузия	18,8	18,4	19,2	19,3	19,5	19,8	20	20,2	20,2	н/д											
Казахстан	14,2	14,4	14,5	14,6	15,1	15,4	15,6	16,2	16,3	16,4	16,2	16,3	16,6	17	17,3	17,5	17,6	17,9	18,1	18,3	18,4
Киргизия	12	12,2	12,4	12,7	12,6	12,5	12,4	12,5	12,5	12,5	12,5	12,5	12,5	12,5	12,4	12,3	12,5	12,5	13,4	14,3	15,8
Молдова	17,9	18,2	18,4	18,5	19,5	19,9	20,1	20	20,4	20,7	20,8	20,9	21	21,3	21,3	21,4	21,5	21,8	22	22,1	н/д
Россия	16,4	16,5	16,8	17,4	17,7	18	18,3	18,6	18,8	19,1	19,2	19,7	20	20	20,5	20,9	21,1	21,5	22	22,4	22,6
Таджикистан	9,3	9,5	8,9	9,2	8,9	9,1	9,1	9,1	9	9	9,1	н/д	н/д	н/д	8,6	8,6	8,6	8,6	8,5	8,5	8,7
Туркменистан	11,1	11,2	11,4	11,5	11,7	10,8	11,1	11,4	12,3	н/д	17,8	18,3	19,2	19,4	н/д						
Узбекистан	12,1	12,2	12,4	12,4	12,7	12,8	13	13	13,1	13,6	13,8	н/д									
Украина	17,8	18	18,2	18,5	18,7	19,2	19,7	20	20,2	20,4	20,7	20,7	21,3	21,6	21,8	22	22,2	22,5	22,8	23	23,3

Таблица 4

Численность населения в странах СНГ и Грузии в 1990–2010 гг., млн человек [3]

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Азербайджан	7,132	7,219	7,324	7,440	7,550	7,644	7,726	7,800	7,877	7,949	8,033	8,114	8,191	8,269	8,349	8,447	8,553	8,666	8,780	8,897	8,997
Армения	3,515	3,575	3,633	3,464	3,357	3,260	3,249	3,246	3,238	3,232	3,227	3,215	3,213	3,210	3,212	3,216	3,219	3,223	3,230	3,238	3,250
Беларусь	10,19	10,19	10,20	10,23	10,24	10,21	10,18	10,14	10,09	10,05	10,02	9,96	9,90	9,83	9,76	9,70	9,63	9,58	9,54	9,51	9,50
Грузия	5,424	5,453	5,467	5,346	4,930	4,794	4,675	4,558	4,505	4,470	4,435	4,401	4,372	4,343	4,315	4,322	4,401	4,395	4,382	4,385	4,436
Казахстан	16,30	16,36	16,45	16,43	16,33	15,96	15,68	15,48	15,19	14,96	14,90	14,87	14,85	14,87	14,95	15,07	15,22	15,40	15,57	15,78	16,04
Киргизия	4,358	4,425	4,502	4,528	4,505	4,525	4,596	4,661	4,732	4,806	4,875	4,922	4,968	5,013	5,073	5,136	5,189	5,248	5,289	5,348	5,418
Молдова	4,359	4,364	4,357	4,346	4,351	4,346	4,332	4,318	3,651	3,650	3,644	3,635	3,628	3,618	3,607	3,600	3,589	3,581	3,573	3,568	3,564
Россия	147,7	148,3	148,5	148,6	148,4	148,5	148,3	148,0	147,8	147,5	146,9	146,3	145,6	145,0	144,2	143,5	142,8	142,2	142,0	141,9	143,0
Таджикистан	5,244	5,361	5,506	5,567	5,579	5,634	5,701	5,769	5,876	6,001	6,127	6,250	6,376	6,507	6,640	6,780	6,920	7,064	7,216	7,374	7,530
Туркменистан	3,611	3,818	3,970	4,124	4,288	4,435	4,528	4,606	4,681	4,738	4,790	4,845	н/д								
Узбекистан	20,23	20,61	21,11	21,61	22,10	22,47	22,91	23,35	23,77	24,14	24,49	24,81	25,12	25,43	25,71	26,02	26,31	26,66	27,07	27,53	28,00
Украина	51,56	51,62	51,71	51,87	51,72	51,30	50,87	50,40	49,97	49,54	49,12	48,66	48,24	47,82	47,44	47,10	46,75	46,47	46,19	45,96	45,78

Таблица 5

Ввод в действие жилых домов за счет всех источников финансирования в странах СНГ и Грузии, тыс. м² [3]

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Азербайджан	2 848	2 604	2 224	1 430	779	601	537	518	533	416	487	560	803	1 339	1 359	1 593	1 584	1 616	1 845	1 502	2 049
Армения	1 460	1 909	360	370	305	330	174	262	302	200	194	197	285	512	294	353	386	481	521	435	520
Беларусь	5 282	5 392	4 445	3 823	3 403	1 949	2 627	3 360	3 635	2 917	3 529	3 009	2 811	3 019	3 502	3 786	4 101	4 665	5 103	5 711	6 628
Грузия	1 005	1 327	473	264	152	161	148	105	92	183	213	139	223	189	н/д						
Казахстан	7 871	6 130	5 046	3 856	2 322	1 663	1 407	1 344	1 132	1 106	1 218	1 506	1 553	2 111	2 591	5 041	6 245	6 679	6 848	6 403	6 409
Киргизия	1 560	1 232	889	590	405	325	341	347	574	408	457	392	434	448	497	539	580	691	829	876	735
Молдова	1 594	1 268	1 069	666	582	512	351	378	344	284	214	302	255	287	344	461	579	558	679	500	546
Россия	61 694	49 422	41 518	41 808	39 224	41 036	34 301	32 703	30 685	32 017	30 296	31 702	33 832	36 449	41 040	43 560	50 552	61 221	64 058	59 892	58 431
Таджикистан	1 735	1 225	635	523	206	226	167	265	227	225	246	275	332	337	441	512	573	621	763	836	1 029
Туркменистан	1 787	2 078	1 938	1 962	н/д																
Узбекистан	9 908	9 448	7 252	6 445	5 342	4 977	6 138	6 738	7 978	7 789	8 006	7 099	н/д	н/д	6 179	6 033	6 483	6 965	7 240	7 613	8 838
Украина	17 464	14 453	14 125	12 314	10 096	8 663	6 754	6 369	5 855	6 147	5 558	5 939	6 073	6 433	7 566	7 816	8 628	10 244	10 496	6 400	9 339

Таблица 6

Общая площадь жилищного фонда в странах СНГ и Грузии в 1990–2010 гг., млн м² [3]

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Азербайджан	88,7	88,2	90,9	88,4	91,5	90,4	90,6	92,2	94,2	94,7	97,1	97,7	99,2	100,5	101,6	104	105,4	107,9	109,4	112	114,5
Армения	50,9	54,6	55,5	56,8	57,1	57,7	58,7	59,7	61,4	65,6	66,7	67,2	67,5	67,7	69,6	74,4	76,2	84,5	85	86,4	88,8
Беларусь	182,4	187,2	194,8	198,8	200,4	200,5	201,4	203,6	207,1	208,2	212,1	215	216,6	219,2	221,4	220,7	222,4	222,7	224,8	228,2	232,9
Грузия	101,8	99,8	92,7	93	93,4	95	96,3	97,8	н/д												
Казахстан	237,8	243,4	246	247	251,5	254,4	255,4	253,1	н/д	244,5	239,4	241	238,3	243	252,7	254,6	256,2	260,6	267,8	270,9	н/д
Киргизия	53,1	54,8	56,3	57	57,2	57,3	57,6	59,4	59,9	60,6	61,3	62	62,4	62,9	63	63,1	64,8	65,2	70,7	77,2	86,2
Молдова	77,9	79,1	79,8	80,1	70,2	71,8	72,2	73,2	74,5	75,4	75,6	75,9	76,2	76,8	76,8	77,1	77,1	77,8	78,4	78,9	н/д
Россия	2 425	2 449	2 494	2 547	2 608	2 649	2 680	2 715	2 744	2 761	2 787	2 822	2 853	2 885	2 917	2 955	3 004	3 058	3 116	3 177	3 229
Таджикистан	49,5	50,7	49,8	50,3	51,1	52,7	53,3	54,4	55,1	55,2	56,3	54,4	54,7	н/д	57,6	59,4	59,9	61,3	62,6	63,6	66,2
Туркменистан	41	42,4	44,4	45,2	47,2	48,3	50,5	52,5	54,7	н/д											
Узбекистан	250,4	258,4	268,8	278,7	285,7	294,3	303,6	308	317,3	330,2	339,9	н/д	н/д	н/д	373,5	379,3	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Украина	922	933	945	961	963	978	984	1 003	1 008	н/д	1 015	1 026	1 032	1 036	1 040	1 046	1 049	1 058	1 067	1 072	1 080

Очевидно, что резкое и масштабное сокращение жилищного строительства связано с войной с Азербайджаном и общей социально-экономической ситуацией в стране. Даже в самый лучший после 1991 г. для жилищного строительства Армении 2008 г. в стране было введено в 2,8 раза меньше площадей, чем в 1990 г.

Максимальное снижение количества построенных квартир – в 1996 г. – было колоссальным: более чем в 17 раз по сравнению с 1990 г. (табл. 2) Причем, хотя показатель 1996 г. является наименьшим, он отнюдь не радикально отличается от значений других лет. Сопоставимо низкие значения можно наблюдать на протяжении большей части двадцатилетнего периода независимого развития Армении.

Расчеты, произведенные на основе сведений об общей площади введенного в действие жилья и количестве построенных квартир, позволяют сделать вывод, что средние размеры последних в отдельные годы возрастали до 3,6 раз по сравнению с уровнем 1990 г. (табл. 1). По-сравнению с другими странами Центральной Азии, Южного Кавказа и СНГ в целом эти изменения (как в абсолютном, так и в относительном выражении) – самые значительные.

По **Грузии** данные об обеспеченности населения жильём имеются только до 1998 г. включительно (табл. 3). По сравнению с 1990 г. величина показателя несколько сократилась только в 1991 (хотя масштабы этого снижения были незначительными – 2,1 %), а все последующие годы она была выше.

Объемы жилищного строительства в Грузии стали сокращаться, начиная с 1990 г., и к концу десятилетия достигли самых низких значений в СНГ (в расчете на 1000 жителей). Следовательно, рост показателя обеспеченности жильём надо связывать прежде всего с начавшимся в 1993 г. длительным и весьма значительным по масштабам (на 21 % по сравнению с 1992 г.) снижением численности постоянного населения (табл. 4).

Тенденция сокращения количества строившихся квартир в Грузии чётко обозначилась уже в конце 1980-х гг., а в первой половине 1990-х приобрела невиданный размах (табл. 2). Так же, как и в Армении, этот процесс сопровождался увеличением средней площади строившихся квартир (табл. 1). В первой половине 2000-х гг. по величине этого показателя Грузия обошла большинство стран СНГ.

В **Казахстане** ситуация с обеспеченностью населения жильём во многом аналогична той, что наблюдалась в Грузии. Поскольку на протяжении 1990-х гг. (не считая 1999 г.) объемы жилищного строительства стремительно падали (табл. 5), тенденция увеличения общей площади жилых помещений, приходящейся на 1 жителя, наблюдавшаяся еще в 1980-х гг., сохранялась практически на всём протяжении последнего десятилетия XX века. По-видимому, это надо связывать с тем, что в 1993–2002 гг. в стране сократилась (в общей сложности на 9 %) численность постоянного населения (табл. 4).

Сокращение количества построенных квартир, начавшееся уже в 1989 г., продолжалось 10 лет, и к 1999 г. по сравнению с 1990 оно оказалось почти двенадцатикратным (табл. 2). Вместе с тем, на протяжении почти 15 лет наблюдался непрерывный рост средней площади построенных квартир; только со второй половины 2000-х гг. довольно чётко обозначилась «стабилизация» динамики (табл. 1). Любопытно, что примерно в эти годы объемы жилищного строительства больше всего приблизились к докризисным значениям.

Величина показателя обеспеченности населения жильём в **Киргизии** по сравнению с четырьмя рассмотренными выше странами, пожалуй, может быть охарактеризована как «статичная». На протяжении 1990–2007 гг. она совсем незначительно колебалась около значения 12 м² (табл. 3) и только в последние три года первой декады XXI века наметилась тенденция к повышению (13,4, 14,4 и 15,9 м² соответственно). «Стабильность» величин указанного индикатора связана с разной направленностью изменений, определявших её показатели. Темпы ввода жилья в Киргизии сократились довольно существенно, хотя и меньше, чем в Казахстане или Армении (табл. 5). Наибольшее снижение наблюдалось в 1995 г.; в дальнейшем шёл довольно последовательный рост. Имевшие место объемы жилищного строительства, по-видимому, оказались достаточными, чтобы «скомпенсировать» влияние высоких темпов роста населения [2] на величину показателя обеспеченности жильём. А отмеченный рост этого показателя в 2008–2010 гг. связан со значительно возросшими во второй половине 2000-х гг. объемами жилищного строительства (при почти неизменных темпах роста населения в этот период).

В течение всего изучаемого периода площадь строившихся квартир стабильно увеличивалась и, как правило, не превышала средних по СНГ значений (табл. 1).

Единственная страна Центральной Азии и Южного Кавказа, на территории которой на протяжении рассматриваемых 20 лет наблюдалось сокращение показателя обеспеченности населения жильём – **Таджикистан**. Масштабы этого снижения в целом не значительны – площадь сократилась с 9,5 м² в 1991 г. до 8,5 м² в 2008 г. (в 2009 и 2010 гг. величина показателя несколько возросла), однако сам факт и причины подобных изменений, конечно, заслуживают внимания.

Численность населения с 1990 по 2010 гг. возросла более чем на 40 % (табл. 4). При этом объемы ввода нового жилья здесь, как и в других странах СНГ, существенно сократились в 1990-х гг. С начала 2000-х гг. имел место рост жилищного строительства, причем довольно стремительный. Тем не менее даже в 2010 г. объемы вводимого жилья были в 1,7 раза меньше, чем в 1990 г. (табл. 5).

Для Таджикистана на протяжении всего рассматриваемого периода характерна самая низкая по сравнению с другими странами СНГ средняя площадь строившихся квартир. Величина этого показателя, однако, только в течение нескольких лет второй половины 2000-х гг. превысила значения 1990 г. (табл. 1).

Количество строившихся квартир в середине 1990-х гг. снизилось более, чем в 11 раз (табл. 2); это вполне объяснимо, если принять во внимание, что кризис переходного типа усугублялся тяжелейшей гражданской войной.

Таким образом, принимая во внимание динамику рассмотренных показателей, неудивительно, что обеспеченность населения жильём в стране снизилась.

Анализ положения дел в жилищной сфере в **Туркменистане** осложняется отсутствием данных за целый ряд лет по всем интересующим нас показателям. Так, сведения об обеспеченности населения жильём имеются только за 1990–2003 гг. (причем отсутствуют данные за 1999 г.), а данные о масштабах жилищного строительства, количестве и площади новых квартир – только за четыре года: 1990–1993.

Обеспеченность жильём в Туркмении в соответствии с имеющимися данными возросла с 1990 по 2003 гг. в 1,75 раза (табл. 3). Причём существенное увеличение произошло только в начале 2000-х гг. (или 1999 г.), а до этого величина показателя колебалась на уровне 10–12 м².

Несмотря на то, что данные о масштабах жилищного строительства за большую часть рассматриваемого периода отсутствуют, можно сделать некоторые предположения относительно возможно имевших место изменений. Население Туркменистана на протяжении всего периода постсоветского этапа развития росло (хотя масштабы приростов требуют уточнения). Если принять динамику показателя обеспеченности жильём как достоверную, то следует сделать вывод, что темпы увеличения жилищного фонда превышали темпы демографического роста. Из этого следует, что должно было иметь место довольно стремительное увеличение объемов жилищного строительства. Последнее, в принципе, представляется вполне вероятным. Именно в это время сложилась крайне благоприятная конъюнктура на рынке углеводородных энергоносителей, которые являются важнейшей статьёй экспорта Туркменистана. А потому могли появиться ресурсы и средства, необходимые для увеличения объемов жилищного строительства. К сожалению, на основе имеющихся скудных данных невозможно сделать выводы о «структурных особенностях» роста объемов жилищного строительства, а именно о средней площади жилищ, о том, как изменялось число строившихся квартир в отдельные годы и т.п. Стоит еще раз заметить, что сделанные предположения могут иметь научную ценность только при условии, что сведения официальной статистики (в том числе демографические показатели) адекватно отражали реальное положение дел; последнее замечание, впрочем, справедливо по отношению к любой изучаемой стране.

В **Узбекистане** обеспеченность населения жильём на протяжении 1990-х гг. возрастала примерно теми же темпами, что и в 1980-х гг. Сведения о величине данного показателя в 2000-е гг. фрагментарны, однако, принимая во внимание его значения в 2004 и 2005 гг. (табл. 3), похоже, тенденция предыдущих десятилетий сохранялась.

Данные об объемах ввода жилья свидетельствуют о том, что в отличие от остальных стран Центральной Азии и Южного Кавказа в Узбекистане в сфере строительства существенное снижение происходило дважды. Первый раз в середине 1990-х гг., а второй – в начале 2000-х. Любопытно, что масштабы первого спада оказались более значительными, хотя количество построенных в это время квартир было больше. Однако к первой половине 2000-х гг. (по сравнению с серединой 1990-х гг.) средняя площадь квартир возросла на треть.

Таким образом, можно констатировать следующее.

Во всех странах Центральной Азии и Южного Кавказа (кроме Таджикистана) возрастал показатель обеспеченности населения жильём. Происходило это по различным причинам. В ряде стран (например, Казахстане) решающее влияние оказало снижение численности населения, в других (например, в Армении) то, что площадь жилищного фонда возрастала.

При этом во всех без исключения странах СНГ имел место спад в сфере жилищного строительства. Любопытно, что сокращение количества строившихся квартир происходило быстрее, чем падение общих объёмов жилищного строительства. Несмотря на то, что оба показателя демонстрировали весьма схожую динамику, масштабы этих изменений различаются.

Стоит заметить, что неоднократно отмеченный факт увеличения средней площади построенных квартир на фоне снижения их количества фактически означает, что произошло сокращение объемов строительства «бюджетного», т.е. относительно недорогого жилья для широких групп населения. Подобная ситуация (особенно в условиях современной городской действительности, когда на относительно небольшой территории сконцентрированы жилые районы различных по уровню доходов групп населения) едва ли может считаться способствующей социальной стабильности.

Библиография

1. XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февр. 6 марта 1986 г. Стенографический отчет: в 3 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1986.
2. Компакт-диск «20 лет Содружеству Независимых Государств 1991–2010». 2011.
3. Компакт-диск «Официальная статистика стран Содружества Независимых Государств, 2011–16». 2011.

ПРОБЛЕМЫ МОНИТОРИНГА КАДРОВЫХ РЕСУРСОВ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕГИОНА

Таова С.М.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

zvezdochka5588@mail.ru

В статье рассмотрен механизм мониторинга кадровых ресурсов отрасли. Представлена блок-схема мониторинга движения кадров и движение информации при мониторинге кадровых ресурсов регионального здравоохранения.

Ключевые слова: региональное здравоохранение, кадры, мониторинг.

PROBLEMS OF MONITORING HUMAN RESOURCES HEALTH REGION

Taova S.M.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

This article describes a mechanism for monitoring human resources industry. Is a block diagram of monitoring the movement of personnel and movement of information in monitoring the health of the regional workforce.

Key words: regional healthcare, human resources, monitoring.

Современное состояние ресурсного обеспечения здравоохранения характеризуется значительными противоречиями, неизбежными в условиях коренных социально-экономических преобразований, определяющихся, с одной стороны, объективными тенденциями развития экономики, а с другой – уровнем исторически сложившихся социальных отношений в обществе. Одно из них заключается в том, что здравоохранение, обладая огромными финансовыми, материальными, трудовыми и информационными ресурсами, использует их явно нерационально.

Среди всех видов ресурсного обеспечения здравоохранения кадровые ресурсы играют важнейшую роль в функционировании и развитии отрасли, отличаясь наиболее высокой рентабельностью, так как затраты на подготовку кадров, их содержание и развитие при существующей низкой оплате труда несравнимы с тем социальным и экономическим эффектом, который получает общество в отношении сохранения человеческого и трудового потенциала. Кадры – единственный вид ресурсов, который со временем не только не теряет исходной стоимости, а приобретает более высокую ценность за счет накопления профессиональных навыков и знаний.

Вопросам изучения кадрового потенциала здравоохранения в течение последних десяти лет уделялось недостаточно внимания: вступление страны в рыночную экономику привело к нарушению плановости подготовки медицинских кадров, отсутствию контроля за замещением выбывающих кадров из системы здравоохранения. Крайне низкая заработная плата, отсутствие социальной защищенности приводят к оттоку врачебного и среднего медицинского персонала из учреждений государственного здравоохранения.

Важнейшим условием реализации главной цели модернизации здравоохранения РФ является формирование комплексной кадровой политики в региональных системах здравоохранения. Несмотря на оптимистичные среднестатистические показатели, в России в настоящее время имеется неблагоприятная динамика кадрового потенциала, которая характеризуется различными диспропорциями. Имеет место несоответствие общей численности медицинских работников и структуры кадров необходимым объемам деятельности, задачам и направлениям модернизации отрасли. Основные причины неблагоприятной динамики кадрового потенциала отрасли обусловлены отсутствием стратегического планирования и управления кадрами, несовершенством финансирования и правового регулирования в здравоохранении.

Проблема нехватки врачебных кадров остро стоит в целом по стране. По официальной статистике дефицит врачей в России выглядит на первый взгляд не таким уж страшным. Однако беспокоит то, что в последние годы сложился серьезный дисбаланс между крупными городами и сельской местностью.

В то же время по сравнению с Северо-Кавказским Федеральным округом, положение по обеспеченности врачебными кадрами (медицинскими) в КБР не назовешь провальным; республика занимает 7

место, уступая Республике Северная Осетия-Алания, Астраханской области, Волгоградской области, Республике Калмыкия, Ставропольскому Краю и Краснодарскому Краю; а по обеспеченности средним медицинским персоналом КБР находится на пятом месте, уступая лишь Республике Калмыкия, Карачаево-Черкесской Республике, Астраханской области и Республике Адыгея. Главная причина нехватки медицинских кадров – их текучесть [1].

Однако совершенно очевидно: если сегодня у нас не самая худшая позиция по обеспеченности медицинскими кадрами, то завтра она может резко упасть, если не решить проблему с кадрами, исходя из этого, приоритетной задачей Минздравсоцразвития КБР должно стать решение кадрового вопроса.

Абсолютный дефицит кадров в отрасли усугубляется в России еще существенным дисбалансом: в Москве, Санкт-Петербурге, областных центрах медицинских кадров переизбыток, регионы в глубинке «оголены», поскольку врачи уезжают или не доезжают до сел и райцентров из-за нерешенных социальных вопросов.

Еще острее стоит вопрос с закреплением среднего медицинского персонала. Они уходят из профессии или уходят в частные структуры. При избытке медиков в специальностях, которые считаются более денежными, существенно не достает анестезиологов-реаниматологов и хирургов.

Причин нехватки врачей несколько. Первая и самая главная – недостойная заработная плата. Вторая причина (её можно считать следствием первой) – падение престижа профессии. Третья причина – возможность уехать туда, где зарплата повыше. Есть и другие причины. Так, в 2009 году Министерство труда и социального развития Кабардино-Балкарской Республики по причине возрастающего оттока молодых специалистов из региона провело анкетирование среди выпускников Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова для выявления основных причин, движущих молодыми специалистами при выборе места работы за пределами КБР. По результатам проведенного анкетирования было выявлено, что молодыми людьми движут такие основные мотивы, как: низкая заработная плата и отсутствие социальных гарантий в республике.

Но следовало бы отметить, что это далеко не главные мотивы оттока специалистов из региона. Это могут быть проблемы с трудоустройством, криминогенная ситуация, отсутствие профессионального роста и многое другое. По нашему мнению, помимо материальных есть и другие причины жить в мегаполисах. Врачи были и остаются в большинстве своём людьми с высоким уровнем культуры: они стремятся постоянно находиться там, где есть возможность реализовать себя, заниматься наукой и общественной деятельностью.

Из-за отсутствия централизованного сбора информации точно оценить количество молодых специалистов, уехавших из регионов, трудно. Актуальной задачей становится мониторинг процессов в кадровой системе. Мониторинг движения кадров в здравоохранении должен представлять собой периодический процесс сбора информации для решения всех сторон кадровой проблемы в здравоохранении КБР для того, чтобы определить, какие врачи и где именно прежде всего необходимы. Мониторинг должен проводиться регулярно. Это позволит управляющим органам совершенствовать процесс планирования стратегических решений и корректировать проводимую политику в случае возникновения ошибок, различных ограничений и т.д. Задача мониторинга состоит в отслеживании изменений, которые происходят с течением времени в ресурсах, процессе и конечных результатах при помощи ведения учётных записей, создания системы регулярной отчетности, а также проведения исследований среди молодых специалистов для выявления основных причин миграции.

Результаты мониторинга необходимы для принятия управленческих решений в сфере здравоохранения в области кадровой политики. К непосредственным целям можно отнести сокращение числа специалистов, покидающих региональное здравоохранение и выбывающих из медицины, закрепление молодых специалистов за определенными участками, обеспечение отрасли необходимым количеством специалистов.

На рис. 1 наглядно представлена схема логически последовательных шагов мониторинга движения кадров.

Как уже отмечалось выше, считается возможным создание штатной единицы либо маркетингового отдела в рамках Минздравсоцразвития, которая занималась бы отслеживанием трудоустройства выпускников вуза. Предполагается, что в данную базу будет стекаться и обрабатываться вся информация относительно количества окончивших вуз, не устроивших на работу лиц, а выезжающих за пределы республики и возвращающихся, а также количества имеющихся вакансий и людей, которые хотят работать по специальности и тех, кто вообще не желает работать по специальности.

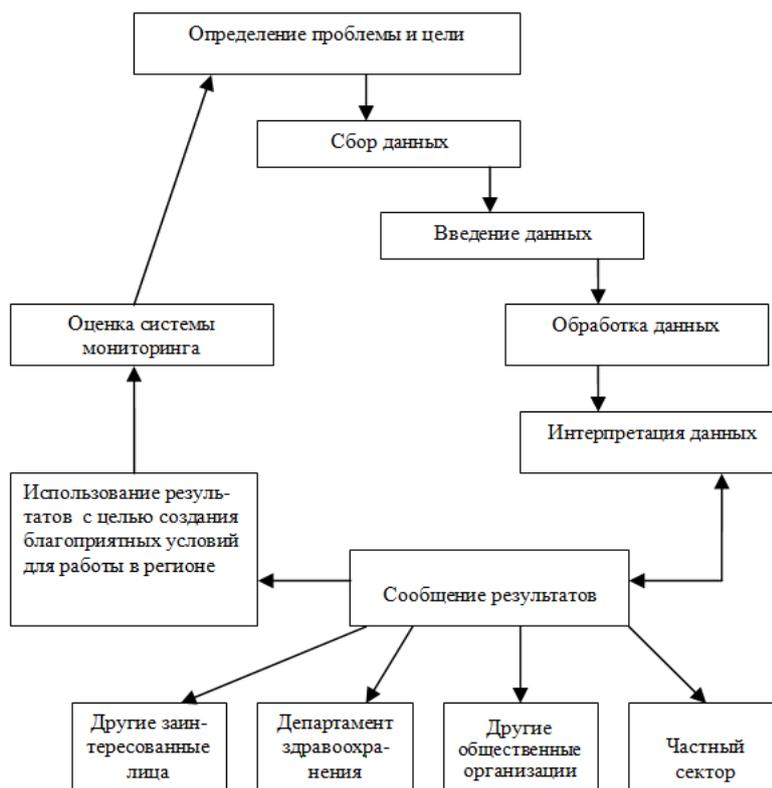

Рис. 1. Блок-схема мониторинга движения кадров

Важным моментом является выявление причин, по которым медики не желают работать, и осуществить это можно, к примеру, методом холодных звонков (рис. 2).

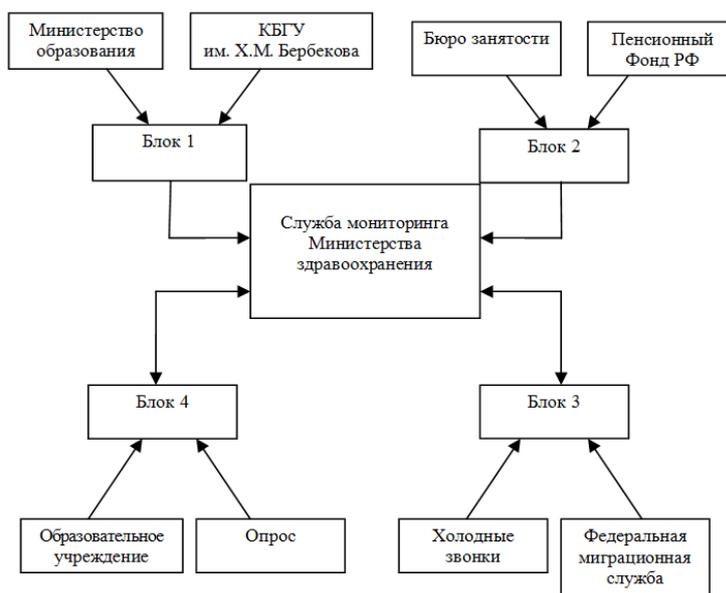

Рис. 2. Движение информации при мониторинге кадровых ресурсов регионального здравоохранения

В результате анализа полученных данных республика получит реальную картину того, что происходит с кадрами и возможность минимизировать отток кадров из региона, корректируя политику в отношении молодых специалистов в сторону увеличения возможностей трудоустройства, карьерного роста и социальных гарантий.

Библиография

1. Кабардино-Балкария в цифрах (статистический ежегодник). – Нальчик: Комстат КБР, 2010. 117 с.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.medkadry.kz.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 81(470.6)

ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ М. КАНДУРА

Гетегежева Ф.В., Темрокова Л.И.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

getegejeva@list.ru

Статья посвящена анализу выразительных средств, используемых М. Кандуром в трилогии «Кавказ». Особое внимание уделяется анализу развернутой метафоры, которая становится основой эпилога произведения.

Ключевые слова: выразительные средства, метафора, сравнение, Кавказ, параллельные конструкции, эпитеты, эпилог.

GOLD MINE M. CANDWR

Getegejeva F.V., Temroкова L.I.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

The article is devoted to the analysis of expressive means and stylistic devices used by M. Quandour in his paid to the analysis of the sustained metaphor the epilogue is based on.

Key words: expressive means, metaphor, simile, the Caucasus, parallel constructions, epithets, epilogue.

Как известно, любое художественное произведение представляет собой сложное единство разнородных черт, отличающих его от других стилей. Его отличает широкое использование экспрессивных, эмоционально окрашенных элементов; на лексическом уровне – это использование слов и словосочетаний, выражающих отношение автора к изображаемому; на уровне морфологии – особое употребление оценочных аффиксов; на уровне синтаксиса – это особое использование структуры предложений.

М. Кандур в трилогии «Кавказ» умело использует выразительные средства разных уровней для передачи основной гуманистической идеи произведения – в любой ситуации человек остаётся самым большим сокровищем на Земле, невзирая на его принадлежность к какой-либо нации и народности, и с какими бы трудностями он ни сталкивался, он не должен терять человеческий облик, не должен забывать свое прошлое, без которого не может быть будущего ни у одного народа, проживающего на Земле.

Основная мысль произведения, основная его цель выражена с самого начала при помощи **метафоры**, которая становится лейтмотивом всей трилогии и повторяется неоднократно на протяжении всего повествования:

*I was at last, on the first leg of a journey to the land of my forefathers, in **search of my roots** [1].*

*Теперь, наконец, я ступлю на землю своих предков, начну **поиск собственных корней** [2].*

*I was determined **to establish my roots** [1].*

*Я **твёрдо вознамерился найти свои корни** [2].*

У автора в поисках своих корней – неудержимое желание написать о своем народе, «не дающее покоя стремление осознать свою черкесскую индивидуальность», которая передается при помощи **параллельной конструкции**:

*I had a **craving to write** about my people.*

*I had a **craving to establish my own identify** [1].*

Данный стилистический приём сохраняется и при переводе этого отрывка на русский язык:

***Мне очень хотелось написать о своём народе. Мне очень хотелось понять самого себя** [2].*

Местом действия всего повествования становится Кавказ и, естественно, основными стилистическими средствами, передающими красоту и неповторимость этого сказочного места, являются **метафора** и **эпитеты**. Вот как описывается одна из могущественных рек Кавказа – Кубань:

Ahmet's river, the Kouban, begins its life in small ice-cold streams in the foothills of the great mount El-brouze. It gathers momentum in its northward flow for nearly thirty miles before it becomes a river of substance. Another twenty or so miles and it turns sharply at a perfect left angle westward widening as it flows,

now in an easterly direction. Here at last, the Kouban becomes the mighty Psijh of Cherkess legend and folklore, the greatest of all the Caucassian rivers [1].

Река Кубань, на берегах которой вырос Ахмет, рождается из маленьких ледяных ручьев у подножия великой горы Эльбрус. Затем он, набирая силу, течет на север, пока, наконец, верст через тридцать не становится настоящей рекой. Потом еще верст двадцать или около того – и она поворачивает круто, почти под прямым углом, влево, расширяется и несёт свои воды на восток. Здесь, наконец, Кубань становится мощной Псиж – героиней черкесского фольклора, самой великой из всех кавказских рек [2].

Притяжательный падеж, используемый в оригинальном варианте с самого начала (Ahmet's river), удачно переводится на русский язык при помощи придаточного предложения (на берегах которой вырос Ахмет), которое передает основную мысль автора – показать, что Кубань – это часть жизни главного героя Ахмета.

Сама же река – это живое существо, которое воспринимается как рождающееся из маленьких существ – ручьев и затем превращающееся в мощное создание – **Псиж**. Старинное черкесское название реки Кубань – **Псиж**, что в переводе означает «древняя река», в данном случае используется как стилистическое средство антономасия, что означает «говорящее имя», и в то же время это слово является ярким примером этнолингвистической осцилляции или реконверсии.

Метафора используется, когда Кавказ называют «wild field» – «дикое поле», подчеркивая его необъятное пространство и первозданность как по отношению к людям, так и по отношению к природе. Яркие эпитеты и красочные метафоры изобилуют при описании **Greater Kabarda** – Большой Кабарды:

Rivers of legendary beauty, the Malka, Bakhsan and Chegem, flowed through these sweet pastures and fertile from the Kavkas mountains surrounding the mighty Elbrouze, to the mighty Terek itself. In the height of spring when the mountain snow melted, numerous other small streams criss-crossed the foothills and augmented the rivers [1].

Перевод на русский язык теряет красочность оригинала в некоторых текстах. Так, например, начало отрывка с использованием метафорического эпитета «**Rivers of legendary beauty**» заменяется прозаическим «там текли реки».

Там текли реки, красота которых воспевалась в легендах – Малка, Баксан и Чегем. Они величаво несли свои воды через изобильные пастбища и плодородные поля от кавказских гор, окружающих богатый Эльбрус, к самому могучему Тереку. В разгар весны, когда таяли снега на вершинах, в предгорьях появилось бесчисленное множество ручейков, питающих реки [2].

Эмфатические параллельные конструкции, используемые в английском варианте «**mighty Elbrouze, to the mighty Terek**» утрачивают силу воздействия, так как при переводе опускается повтор, присутствующий в параллельной структуре оригинала, и предложение становится невыразительным и безликим: «**окружающих богатый Эльбрус, к самому могучему Тереку**». Использование в английском языке литературного слова «**augmented**» также придает определенный возвышенный колорит отрывку; на русском языке данному слову найден удачный перевод в виде стёртой метафоры «**питающих реки**», что представляется вполне оправданным.

Трилогия М. Кандура «Кавказ» заканчивается эпилогом, центральным метафорическим образом которого является дом:

A wise prince with means built a large elevated house in the forest. To make it safe he supported the house with twenty six strong posts of the finest oak. After some time one the oak posts became tired with his labour and wondered to himself. «There are twenty five other posts holding this house. Surely if I walked away it would make no difference to the safety of the house». And so he did, but wouldn't you know! Many of the other twenty five posts had reached the same conclusion. The house crumbled down and the strong oaks were scattered, helpless on their own [1].

Мудрый и богатый князь построил в лесу большой высокий дом. Чтобы он стоял прочно, князь возвёл его на двадцати шести столбах из крепчайшего дуба. Некоторое время спустя один из столбов устал нести свою ношу и рассудил так: «Тут ведь ещё двадцать пять столбов, что держат дом... И если я покину это место, никому не будет вреда». Так он и поступил. Но что бы вы думали! Многие из прочих двадцати пяти столбов решили сделать то же самое. Дом рухнул: оставшиеся мощные опоры раскатились, не в силах более выдержать такой груз.

Этот эпилог, построенный полностью на метафоре, является **обоснованием** того, что произошло на Кавказе 150 лет назад, **объяснением** тому, что происходит здесь в настоящее время и **предостережением** того, что может случиться, если не будет взаимопонимания и согласия между народами, если люди не будут помогать друг другу, если не победит голос разума.

Взаимопомощь и взаимоподдержка, взаимопонимание должны быть основой всех цивилизованных человеческих отношений. Именно к этому призывает М. Кандур в своей исторической трилогии «Кавказ».

Библиография

1. Quandour M.J. Kavkaz. (The Kavkaz Trilogy. Historical Novel). M.: Lada M. Publishing, 1994. 816 p.
2. Кандур М.И. Кавказ. Историческая трилогия: в 3 т. / перевод с англ. В.А. Ченышенко. М.: Кандиналь, 1994. 982 с.

КРУГ ОБЩЕНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Безрокова М.Б.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

bezmadina@yandex.ru

В данной статье рассматривается круг общения как фактор формирования языковой личности в моно- и полинациональном регионе. Исследование проведено по результатам социолингвистического опроса.

Ключевые слова: языковая личность, экстралингвистический фактор, круг общения, социальная среда, мононациональное пространство, полинациональное пространство.

SOCIAL CIRCLE AS A LINGUISTIC PERSONALITY FORMATION FACTOR (ON THE EXAMPLE OF KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC)

Bezroкова M.B.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

This article covers social circle as a linguistic personality formation factor in a mono- and multinational region. The research is based on the results of a sociolinguistic poll.

Keywords: linguistic personality, extralinguistic factor, social circle, social environment, mononational space, multinational space.

На процесс социализации индивида большое влияние оказывает круг общения, в котором знания, опыт языковой личности расширяются. По мнению А.М. Шахнарвича, именно в результате общения происходит овладение «культурой социума посредством языка» [1]. Коммуникация осуществляется эффективнее, если у собеседников имеются общие интересы, общий предмет общения. В ней языковая личность проявляет тенденцию к персонификации, адаптируется к социальной среде, устанавливает межличностные отношения, ведь, как пишет В.К. Журавлев, «человек как личность есть продукт речевого общения» [2]. Некоторые ученые предлагают дифференцировать языковую личность и личность говорящего, определяя последнюю как коммуникативную, причем рассматривают языковую личность как компонент в структуре коммуникативной личности [3] и выделяют различные характеристики, присущие ей, например, мотивационный, когнитивный, функциональный (прагматический) параметры. Первый параметр детерминирован потребностью личности сообщить какую-либо информацию другому или, наоборот, получить ее; второй параметр предопределяет в значительной степени стратегии успешности общения: чем выше когнитивный уровень собеседника, тем эффективнее коммуникация. Третий параметр включает в себя такие важные свойства языковой личности, как достаточно свободное владение языком, умение варьировать языковые средства адекватно коммуникативной цели, умение моделировать речь в соответствии с нормативными требованиями и морально-этическими установками [4]. Коммуникация имеет прямой выход на речевой портрет, который, по мнению Т.В. Кочетковой, складывается из совокупности коммуникативных, социальных и психологических ролей [5]. С.В. Мамаева, исследователь языковой личности школьника, пишет, опираясь на типологию М.Р. Львова, что в общении важными факторами являются «фактор положительных эмоций», «фактор потребности эмоционального контакта с близким человеком», «фактор потребности содержательного общения», «фактор речевой среды» [6]. Она в результате своего исследования приходит к выводу, что современным подросткам присущи в общении такие черты, как «доминантность, мобильность, экстравертность/интровертность», «инициатива и напористость, их основное иллокутивное намерение – желание повлиять на собеседника, убедить его в своей правоте, что находит отражение не только в поступках, но и в речи» [6].

В связи с вышеизложенным мы провели социолингвистический эксперимент, в ходе которого задали нашим респондентам несколько вопросов, ориентированных на получение информации о том, какой круг общения является для них доминантным. Анализ ответов на вопрос о круге друзей, с которыми часто или редко общаются наши респонденты, показал, что, как и ожидалось, в мононациональном пространстве, где проживают в основном представители кабардинской национальности, на первом месте стоит ответ «кабардинцы» (89,89 %); у представителей балкарской национальности преобладает ответ «балкарцы», что составило 90,64 %. Также отмечается, что у представителей полинационального пространства самый высокий процент выбора ответа «кабардинцы, балкарцы, русские». Данные по другим показателям см. в табл. 1.

Таблица 1

Круг ваших друзей в основном составляют ...

	Мононациональное пространство (в %)		Полинациональное пространство (в %)
	Кабардинцы	Балкарцы	
1. Только кабардинцы	89,89 %	–	8,24 %
2. Только балкарцы	–	90,64 %	1,33 %
3. Только русские	–	–	1,66 %
4. Кабардинцы, балкарцы, русские	2,55 %	1,79 %	61,97 %
5. Кабардинцы и балкарцы	–	4,31 %	11,26 %
6. Кабардинцы и русские	6,36 %	3,26 %	5,95 %
7. Балкарцы и русские	–	–	1,99 %
8. Представители других национальностей	1,2 %	–	7,6 %

Круг друзей и знакомых часто выбирает сам человек, однако и это предопределено, в свою очередь, рядом других факторов, в частности, кругом одноклассников (сокурсников, коллег и др.), с которыми приходится общаться ежедневно, что также оказывает влияние на становление и развитие языковой личности. В связи с этим особый интерес представляют следующие результаты: среди представителей городского населения преобладает ответ «кабардинцы, балкарцы, русские» (64,94 %), а среди жителей сельской местности, как правило, с мононациональным населением, 100 % опрошенных указали ответ «только кабардинцы», 82,29 % – «только балкарцы» (табл. 2).

Таблица 2

Круг ваших одноклассников (сокурсников, коллег и др.)

	Мононациональное пространство (в %)		Полинациональное пространство (в %)
	Кабардинцы	Балкарцы	
1. Только кабардинцы	100%	–	4,29 %
2. Только балкарцы	–	82,29 %	2,65 %
3. Только русские	–	–	–
4. Кабардинцы, балкарцы, русские	–	8,33 %	64,94 %
5. Кабардинцы и балкарцы	–	6,25 %	8,58 %
6. Кабардинцы и русские	–	–	8,61 %
7. Балкарцы и русские	–	3,13 %	–
8. Представители других национальностей	–	–	10,93 %

В рамках данного аспекта исследования важным является анализ ответов на вопрос о круге соседей, с которыми наши респонденты общаются. Ожидаемым был ответ «только кабардинцы» и «только балкарцы» у опрошенных, проживающих в мононациональной среде, – у кабардинцев и балкарцев преобладает именно такой выбор (100 % и 92,16 % соответственно). Очевидно, что в полинациональном окружении большинство респондентов указали ответ «кабардинцы, балкарцы, русские» (43,37 %) (табл. 3).

Таблица 3

Круг ваших соседей, с которыми вы общаетесь, составляют ...

	Мононациональное пространство (в %)		Полинациональное пространство (в %)
	Кабардинцы	Балкарцы	
1. Только кабардинцы	100 %	–	26,16 %
2. Только балкарцы	–	92,16 %	4,97 %
3. Только русские	–	1,08 %	2,32 %
4. Кабардинцы, балкарцы, русские	–	–	43,37 %
5. Кабардинцы и балкарцы	–	5,33 %	8,28 %
6. Кабардинцы и русские	–	–	6,62 %
7. Балкарцы и русские	–	1,43 %	3,31 %
8. Представители других национальностей	–	–	4,97 %

В ситуации общения с друзьями только на родном языке общаются 89,09 % всех кабардинцев, проживающих в мононациональной среде. Среди представителей полинационального пространства преобладает общение с друзьями на русском и родном языках (52,19 %), в то время как только на родном языке общаются всего 1,65 % из числа опрошенных. Подробнее см. табл. 4.

Таблица 4

Язык общения с друзьями

	Мононациональное пространство (в %)		Полинациональное пространство (в %)
	Кабардинцы	Балкарцы	
1. Только родной язык	89,09 %	89,5 %	1,65 %
2. Только русский	2,09 %	–	46,16 %
3. Родной и русский	8,82 %	10,5 %	52,19 %

В общении с одноклассниками, соседями выбор языка общения зависит не только от предпочтения участника коммуникации, но и от языковой компетенции собеседника. Доминирующая роль в ситуации общения с одноклассниками в мононациональной среде с преимущественным проживанием кабардинцев и балкарцев отводится только родному языку (96,27 % и 89,42 % соответственно). 66,23 % представителей полинационального пространства отдадут предпочтение родному и русскому языкам (табл. 5).

Таблица 5

Язык общения с одноклассниками

	Мононациональное пространство (в %)		Полинациональное пространство (в %)
	Кабардинцы	Балкарцы	
1. Только родной язык	96,27 %	89,42 %	3,31 %
2. Только русский	–	2,08 %	30,13 %
3. Родной и русский	3,73 %	8,5 %	66,23 %

При ответе на вопрос о языке общения с соседями большая часть опрошенных, проживающих в мононациональной среде, ответили «только родной язык»: для представителей кабардинской национальности это составило 86,36 %, для представителей балкарской национальности – 72,08 %. В полинациональном окружении респонденты указали ответ «родной и русский языки» (57,62) (табл. 6).

Таблица 6

Язык общения с соседями

	Мононациональное пространство (в %)		Полинациональное пространство (в %)
	Кабардинцы	Балкарцы	
1. Только родной язык	86,36 %	72,08 %	16,21 %
2. Только русский	–	–	26,17 %
3. Родной и русский	13,64 %	27,92 %	57,62 %

Как видно из ответов, общение в малых социальных группах, то есть классе, академической группе, основано в мононациональном пространстве на этническом факторе; в полинациональном, скорее всего, на интересах, которые объединяют респондентов. Полагаем, что через коммуникацию школьники, студенты приобщаются к ценностям культуры, расширяют свои речеповеденческие установки. Иногда из трех факторов, оказывающих воздействие на развитие языковой личности (семья, группа/класс, друзья/соседи), референтной может оказаться именно второй фактор, то есть группа/класс, особенно в подростковом возрасте, когда дети в большей степени тяготеют к самопрезентации и самоутверждению. По мнению Л.П. Крысина, «чем сплоченнее группа, тем вероятнее ее речевая гомогенность» [7], то есть учащиеся внутри малой социальной группы используют одни и те же речевые стереотипы, следуют той манере говорения, которая доминирует в их языковой среде. Что касается семейного общения, то его характер, степень влияния на развитие языковой личности зависит во многом от того, с кем ребенок больше общается, от того, кто занимается воспитанием детей в семье – бабушка/дедушка, родители или посторонние, например, няня, гувернантка (что в городе уже давно практикуется).

Таким образом, как показывают результаты нашего исследования, на становление языковой личности в условиях Кабардино-Балкарии оказывает воздействие такой важный экстралингвистический фактор, как круг общения, который во многом предопределяется поликультурным и полилингвальным характером ее развития.

Библиография

1. Шахнарович А.М. Двухязычие: язык, культура и социализация личности // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 252–260.
2. Журавлев В.К. Русский язык и русский характер. М.: Дело, 2002. 254 с.
3. Саломатина М.С. Коммуникативная личность филолога: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 227 с.
4. Колесникова Л.Н. Языковая личность в аспекте диалога культур. Орел, 2001. 288 с.
5. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной культуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999. 53 с.
6. Мамаева С.В. Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5–7-х классов: дис. ... канд. филол. наук. Лесосибирск, 2007. 202 с.
7. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

**К ПРОБЛЕМЕ ФОНЕТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ
ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ТЕКСТА В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ**

Азаматова Т.Х.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

tanika-007@mail.ru

Статья посвящена проблеме фонетического восприятия современной художественной прозы студентами разных национальностей. Для анализа был привлечен отрывок из произведения С.Д. Довлатова «Чемодан». Дан сравнительный анализ результатов эксперимента и приведены статистические данные по особенностям фонетической сегментации предложенного текста испытуемыми.

Ключевые слова: восприятие, фонетическое восприятие, постмодернизм, актуализирующая проза, пауза, фраза, синтагма.

**TO THE PROBLEM OF PHONETIC PERCEPTION
THE POSTMODERNIST TEXT IN THE POLYETHNIC ENVIRONMENT**

Asamatova T.H.

Kabardino-Balkarian State University of H.M. Berbekov

In article it is told about a problem of phonetic perception of modern fiction by students of a various nationality. For the analysis the fragment from the collection of stories of S.D. Dovlatov «Suitcase» has been involved. The comparative analysis of results of experiment and the statistical data on features of phonetic segmentation of the offered text are given.

Keywords: perception, phonetic perception, the postmodernism, staticizing prose, pause, phrase, syntagma.

Понятие «восприятие» в разных гуманитарных науках трактуется по-разному в зависимости от понятийного тезауруса, в котором оно используется. В психологии восприятие – это «субъективный образ предмета, явления или процесса, непосредственно воздействующего на анализатор или систему анализаторов» [1]. В философии значения терминов «восприятие» и «ощущение» совпадают: это «процесс целостного отражения предметов или ситуаций, возникающий при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные зоны органов чувств» [2].

Восприятие в лингвистике рассматривается как процесс восприятия письменной и устной речи (лингвистика текста), стратегия получения информации об окружающем мире и его вербализация (когнитивная лингвистика), понимание языка как феномена культуры (лингвокультурология) и т.п.

Восприятие письменного и устного текстов существенно отличаются друг от друга, в частности, своей реализацией в форме графической материи (визуальное восприятие), нормативностью, длиной предложений, интонационной оформленностью, временной протяженностью восприятия. Однако при восприятии письменного текста существенную роль играют фонетические (звуковые) характеристики речи, в большей степени свойственные устной речи. Современные исследования показывают [3, 4], что механизмы восприятия устной и письменной речи относительно едины, так как письменная речь при чтении подвергается внутреннему озвучиванию. Фонетические и нефонетические (смысловые и грамматические) признаки характеризуют и цельный объект восприятия (текст), и каждую его структурную составляющую. Фонетическое восприятие, таким образом, – это звуковое восприятие текста, осуществляющееся с помощью сегментации, то есть членения речевой цепи на фонетические фразы и речевые такты, что играет значительную роль в понимании смыслового содержания текста. Так, **целью** данной статьи является исследование процессов фонетического восприятия постмодернистского текста студентами-филологами.

Исследование особенностей восприятия современного постмодернистского текста проводилось в полиэтническом регионе – Кабардино-Балкарской Республике. Специфика восприятия текстов жителями республики – кабардинцами, балкарцами, представителями других народов – в первую очередь связана с тем, что каждый из них, несмотря на многовековое совместное проживание, сохранил особый склад мышления, особое мировидение, особое сознание. Поэтому восприятие и понимание текста могут быть разными в сознании участников этого процесса.

Всего в исследовании приняли участие 100 студентов института филологии Кабардино-Балкарского государственного университета. Среди них: кабардинцы – 62 человека (62 %), балкарцы – 31 человек (31 %), представители других национальностей – 7 человек (7 %). Респондентам предлагалось выделить границы синтагм с помощью знака «/» (короткие паузы) и границы фраз с помощью знака «//» (длительные паузы) в письменном постмодернистском тексте – отрывке из произведения С.Д. Довлатова «Чемодан», являющемся классическим примером актуализирующей прозы. В тексте сохранена авторская пунктуация. Он характеризуется объемом в 151 фонетическое слово.

Три вещи может сделать женщина для русского писателя. Она может кормить его. Она может искренне поверить в его гениальность. И наконец, женщина может оставить его в покое. Кстати, третье не исключает второго и первого.

Лена не интересовалась моими рассказами. Не уверен даже, что она хорошо себе представляла, где я работаю. Знала только, что пишу.

Я знал о ней примерно столько же.

Сначала моя жена работала в парикмахерской. После истории с выборами ее уволили. Она стала корректором. Затем, совершенно неожиданно для меня, окончила полиграфический институт. Поступила, если не ошибаюсь, в какое-то спортивное издательство. Зарабатывала вдвое больше меня.

Трудно понять, что нас связывало. Разговаривали мы чаще всего по делу. Друзья были у каждого свои. И даже книги мы читали разные.

Моя жена всегда раскрывала ту книгу, что лежала ближе. И начинала читать с любого места.

Сначала меня это злило. Затем я убедился, что книги ей всегда попадают хорошие. Не то что мне. Уж если я раскрою случайную книгу, то это непременно будет «Поднятая целина»...

Что же нас связывало? И как вообще рождается человеческая близость? Все это не так просто [5].

Проведенное нами исследование показало следующее.

При фонетическом восприятии современной актуализирующей прозы студентами-филологами разных национальностей были выделены паузы разной длительности: 44 % коротких и 55,9 % длительных – респондентами-кабардинцами; 46,1 % коротких и 53,8 % длительных – респондентами-балкарцами; 45,7 % коротких и 54,2 % длительных – представителями других национальностей.

При сегментации текста респондентами были распознаны границы синтагм и фраз.

Респонденты-кабардинцы распознали компоненты синтагм: *Лена; затем; сначала* (5,8 % реакций). Данные элементы не выделяются в тексте пунктуационно, однако некоторые респонденты нуждаются в их актуализации для полноты восприятия текста. Данной группой испытуемых также были выделены целые синтагмы: *после истории с выборами; кстати; и наконец; не уверен даже; не то что мне* (21,3 %). Выделение данных конструкций связано с авторской пунктуацией: сегментации подверглись вводные и вставные конструкции, несущие на себе дополнительную смысловую нагрузку. Большинство респондентов-кабардинцев (72,8 % реакций) были распознаны предикативные части предложений: *не интересовалась моими рассказами; где я работаю; я знал о ней примерно столько же; она стала корректором; окончила полиграфический институт; трудно понять; друзья были у каждого свои; что лежала ближе; меня это злило; то это непременно будет «Поднятая целина»...; все это не так просто* и др. Данные конструкции являются парцелированными. Отграничение их неудивительно, так как парцеллят, выделяясь интонационно и точкой на письме, образует с базовой частью смысловое и коммуникативное единство.

Лишь 5,5 % студентов-филологов балкарской национальности распознали компоненты синтагм (*затем, сначала*). Данные респонденты нуждаются в дополнительной сегментации текста, выделяя при этом слова, помогающие понимать порядок следования частей высказывания. 15,9 % студентов-балкарцев отграничили целые синтагмы: *и наконец; кстати; совершенно неожиданно для меня; в какое-то спортивное издательство; не то что мне*. На выделение данных конструкций, видимо, повлияла расстановка знаков препинания в тексте: сегментации подверглись обособленные члены предложения (вводные и вставные конструкции). Большинство испытуемых (78,5 %) выделили предикативные части предложений: *три вещи может сделать женщина для русского писателя; трудно понять; разговаривали мы чаще всего по делу; что лежала ближе; и начинала читать с любого места; третье не исключает второго и первого; Лена не интересовалась моими рассказами; знала только* и т.д. Как видно, эта группа респондентов уделяет большое внимание отделению базовой части от парцеллята, что проявляется в обилии реакций на этих участках текста.

Представители других национальностей так же, как и другие респонденты, испытывали некоторые трудности при восприятии текста, что выразилось в выделении 6,5 % испытуемыми компонентов синтагм: *и первого; сначала; затем*. Данная группа респондентов уделяет большое внимание отграничению конструкций, несущих дополнительную информацию. Это целые синтагмы (27 % реакций), представленные не только вводными и вставными конструкциями, но и компонентами придаточных частей сложного предложения (*три вещи; для русского писателя; и наконец; совершенно неожиданно для меня;*

кстати; моя жена; после истории с выборами; в какое-то спортивное издательство; и даже книги; моя жена; с любого места; не то что мне; то это непременно; и как вообще). Большинство (66,3 %) реакций респондентов направлено на выделение предикативных частей предложений.

Как видно, в большинстве случаев выделение синтагм испытуемыми совпадает с авторской пунктуацией. Однако в некоторых случаях реципиенты «рубят» синтагматическую цепочку, так как подчинительным средствам связи в данном типе прозы отведена небольшая роль. На первый план выдвигаются интонационные средства (*три вещи; моя жена; и даже книги; с любого места; для русского писателя; Лена* и др.)

Среди фраз, выделенных в ходе сегментации текста представителями кабардинской национальности, наблюдаются: 8,3 % частичных фраз (*и наконец; не то что мне* и др.), 93,4 % простых фраз (*я знал о ней примерно столько же; разговаривали мы чаще всего по делу; женщина может оставить его в покое; знала только, что пишу; сначала моя жена работала в парикмахерской; зарабатывала вдвое больше меня; и начинала читать с любого места; что же нас связывало* и др.). Большое количество реакций на границе простых фраз можно объяснить направленностью процесса восприятия на более значимую информацию. Парцелляция предикативных частей сложного предложения небезразлична к их структурно-семантическому статусу, что в ряде случаев приводит к обогащению смысла.

Большинством респондентов-балкарцев (89,3 % реакций) так же, как респондентами-кабардинцами, распознаются границы простых фраз (89,3 % реакций): *не уверен даже; знала только; я знал о ней примерно столько же; моя жена всегда раскрывала ту книгу; она стала корректором; разговаривали мы чаще всего по делу; и даже книги мы читали разные; затем я убедился; то это непременно будет «Поднятая целина»...; все это не так просто* и т.п. Лишь 10,6 % опрошенных были выделены частичные фразы, что говорит о значимости для некоторых респондентов каждой части высказывания, как рематической, так и тематической: *трудно понять; и наконец; кстати; знала только; в какое-то спортивное издательство; не то что мне; женщина для русского писателя*.

78,8 % студентов-филологов других национальностей были отмечены такие простые фразы, как *она может кормить его; она может искренне поверить в его гениальность; кстати, третье не исключает второго и первого; где я работаю; после истории с выборами ее уволили; поступила; зарабатывала вдвое больше меня; друзья были у каждого свои; и начинала читать с любого места; уж если я раскрою случайную книгу; как вообще рождается человеческая близость* и т.п. Этой группой испытуемых было выделено больше частичных фраз (21 %), чем остальными группами (*в какое-то спортивное издательство; для русского писателя; трудно понять; и наконец; кстати; знала только; не то что мне; три вещи; сделать женщина*). При данном процессе сегментации частичных фраз синтагма отделяется от предложения, при этом отчлененная часть вводит реципиента в наиболее важный компонент информации – простую фразу.

Выделение фраз респондентами в актуализирующем тексте также в основном зависит от авторской пунктуации. В некоторых случаях разрушение связи между предложениями испытуемые выделяют дополнительными паузами. Этим достигается эффект коммуникативной равнозначности каждого звена высказывания.

Для наглядности проведенного анализа результаты эксперимента приводятся в табл. 1–3.

Таблица 1

Количество пауз

Респонденты	Паузы	
	короткие («/»)	длительные («//»)
Кабардинцы	44 %	55,9 %
Балкарцы	46 %	53,8 %
Представители других национальностей	45,7 %	54,2 %

Таблица 2

Количество синтагм

Респонденты	Синтагмы		
	компоненты синтагм	цельные синтагмы	предикативные части
Кабардинцы	5,8 %	21,3 %	72,8 %
Балкарцы	5,5 %	15,9 %	78,5 %
Представители других национальностей	6,5 %	27 %	66,3 %

Таблица 3

Количество фраз

Респонденты	Фразы		
	частичные фразы	простые фразы	сложные фразы
Кабардинцы	8,3 %	93,4 %	0 %
Балкарцы	10,6 %	89,3 %	0 %
Представители других национальностей	21 %	78,8 %	0 %

Таким образом, анализ экспериментальных данных позволяет сделать следующие выводы.

1. Фонетическое восприятие – сложный и многогранный процесс, включающий такие механизмы, как: 1) просодическое наложение на сегментные единицы суперсегментных единиц; 2) сегментация речевой цепи; 3) актуальное членение высказывания.

2. Фонетическое восприятие текста зависит как от особенностей объекта восприятия (современная художественная актуализирующая проза), так и от особенностей воспринимающего субъекта, в частности, от национального сознания реципиента.

Особенности фонетического восприятия современной художественной актуализирующей прозы студентами-филологами разных национальностей заключаются в следующем:

1. При сегментации текста респонденты используют интонацию разной регистровой принадлежности и паузы различной длительности.

2. В выделении синтагм и фраз наблюдаются различия. Так, респонденты-кабардинцы и респонденты-балкарцы менее активно, чем респонденты других национальностей, выделяют компоненты синтагм (студенты-филологи кабардинской национальности – 5,8 %, балкарской национальности – 5,5 %, представители других национальностей – 6,5 %). При этом респонденты-балкарцы и респонденты-кабардинцы более активны в выделении предикативных частей предложения (студенты-филологи кабардинской национальности – 72,8 %, балкарской национальности – 78,5 %, представители других национальностей – 66,3 %).

3. Большинство респондентов выделяют простые фразы. Однако в процентном соотношении наблюдаются различия (студенты-филологи кабардинской национальности – 93,4 %; студенты-филологи балкарской национальности – 89,3 %; студенты-филологи других национальностей – 78,8 %). Выделение сложных фраз практически отсутствует.

Таким образом, можно сделать вывод, что тексты актуализирующей прозы сегментируются респондентами «под давлением» знаков препинания. Обилие знаков препинания не позволяет читателю большую синтагматическую свободу. Однако в некоторых случаях размер синтагм и фраз значительно сокращается под влиянием разговорного субстрата.

Библиография

1. Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1998. 639 с.
2. Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. Минск: Книжный Дом, 2003. 1280 с.
3. Чернова М.М. Ритмомелодическая структура как компонент процесса самоорганизации текста: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2002. 30 с.
4. Долотин К.И., Чой Сун Ми. К вопросу о специфике просодического оформления речи в корейском языке // Лингвистика речи в теории и эксперименте. М., 2005. С. 55–67.
5. Довлатов С. Чемодан. СПб.: Азбука-классика, 2008. 183 с.

КОРНЕВЫЕ МОРФЕМЫ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Баба Магеррамли

Институт языкознания им. Насими НАН Азербайджана

В данной статье проводится анализ корневых морфем структуры ГС (гласный + согласный) на материале тюркских языков. По мнению автора, корневые слова рассматриваемой структуры являются одной из словоформ самого древнего пласта тюркских языков.

Ключевые слова: корневая морфема, гласный, согласный, слог, тюркские языки.

ROOT MORPHEMES IN TURKIC LANGUAGES

Baba Magerramli

Institute of Linguistics. Nasimi ANAS

The thorough explanation of vowel + consonant structured root morphemes is given in the article based on the materials of Turkic languages. According to the author's opinion, such structured root words are one of the word forms of the ancient period of Turkic languages.

Key words: root morphem, vowel, consonant, syllable, turkic.

Исследование древних корней слова играет важную роль при изучении истории тюркских языков. В тюркологии первичные корни слов именуются корневыми морфемами. Определение древних структур слов при реконструкции корневых морфем является одной из нерешенных проблем тюркского языкознания. В тюркологии бытуют противоречивые мнения относительно первичности возникновения открытого или закрытого слогов.

Проблема структуры корня тюркских языков занимает одно из центральных мест в тюркологии. Решение данной проблемы позволяет не только сформулировать основные принципы выделения корневой морфемы на современном уровне и тем самым заложить прочную основу для исследования систем формообразования и словообразования в синхронном аспекте, но и выявить основные пути эволюции корня и основы как категорий, складывающихся в определенных условиях [1]. Одной из самых древних структур корнеслов в тюркских языках является структурная форма слова ГС. Название данной структуры слова тюркологи нередко используют в ряде корневых слов, так как в тюркологии при реконструкции праформ отдается предпочтение моносиллабизму.

В древних тюркских языках использовались нижеследующие структурные корни ГС тюркского происхождения: *аб* – «охота», *ач* – «открывать», *ач* – «голодный», *ач* – «милость», *ач* – «изголодаться», *ай* – «луна», *ай* – «говорить», *ал* – «хитрость», *ал* – «алый», *ал* – «брат», *ан* – «ум», *ар* – «обманывать», *ар* – «уставать», *аг* – «течь», *аг* – «белый», *аг* – «измениться», *аг* – «подниматься», *аиш* – «пища», *аиш* – «переходить», *ат* – «лошадь», *ат* – «имя», *ат* – «стрелять», *аз* – «малый», *аз* – «народ», *ан* – «дичь», *ал* – «обман», *ар* – «быть», *ир* – «чувствовать», *ич* – «пить», *ич* – «внутренняя часть ч.-либо», *иг* – «болезнь», *ил* – «государство», *ил* – «вешать», *ит* – «собака», *ит* – «делать», *ит* – «толкать», *ой* – «дума, мысль», *он* – «десять», *ог* – «стрела», *ол* – «он», *он* – «гибнуть», *ог* – «мать», *ог* – «мысль», *ог* – «хвалять», *ол* – «умирать», *оп* – «целовать», *от* – «проходить», *от* – «желчь», *от* – «петь», *оз* – «сам», *уч* – «летать», *уч* – «крыло», *уч* – «горсть», *уд* – «корова», *уд* – «следовать», *ум* – «надеяться», *ур* – «бить», *уз* – «петь песню», *йн* – «выходить», *йн* – «голос», *йз* – «рвать», *уд* – «посылать». Как показывают факты, в древнетюркский период количество корней структуры ГС было незначительным. Большинство этих корней используются в современных тюркских языках. В этих структурных корнях прослеживаются фонеморфологические следы древнетюркского периода.

В современных тюркских языках структурные корни типа ГС имеют различные фоноварианты: тофалар. *ас* – казах., туркмен. *аз* – «заблудиться, сбиться с пути»; татар. *иш*, тофалар. *еш*, алтай. *эш* «друг, пара»; язык желтых уйгуров *ыс*, азерб. *иш* (с~ш) – «дело». Слово *он* «голос» в языке желтых уйгуров [2] встречается в остальных тюркских языках в варианте *йн*. В тюркоязычных письменных

источниках XIV века использовался глагол *уз* – «посылать» [3], в современных тюркских языках используется вариант *ыд*. В тюркских языках произошло характерное чередование $d \sim z$.

Г. Рамстедт полагал, что в алтайских языках первичные глагольные основы наличествовали в следующих структурах: Г, СГ, ГС, СГС, ГСС, СГСС [4]. А. Н. Кононов относительно данной проблемы высказывает следующее: «Кратчайшей формой тюркского корня является корень, состоящий из 1) одного гласного, 2) согласного и гласного, 3) гласного и согласного... Что же касается весьма распространенного в современных тюркских языках корня типа согласный + гласный + согласный, то следует иметь в виду, что морфологический анализ в большинстве случаев определяет третий элемент (т.е. конечный согласный) как залоговый показатель (при глагольных корнях) или как словообразовательный аффикс (при именных корнях)» [5].

В тюркологии проблема структуры корневых морфем главным образом исследовалась Н.А. Баскаковым. Он в процессе исследования, которое проводил на протяжении долгих лет, пришел к заключению, что все корневые морфемы СГС (согласный + гласный + согласный) образовались в результате эволюции структурных корней. Н.А. Баскаков считает, что этот тип корня представляет собой древнейшую структуру корня. По его мнению, «корни типа (С)ГС тесно связаны с проблемой так называемых протетических согласных *w, j, h* в анлауте, в отношении которых существуют две основные теории их происхождения. Первая, господствующая, основывается на вторичном, неэтимологическом, позднем их происхождении, т.е. считает их вставочными, протетическими согласными и объясняет их вставку либо наличием дифтонгоидных призвуков анлаутного гласного, либо наличием анлаутного придыхательного приступа и инкурсии под влиянием сандхи. Вторая же разделяет мнение о том, что большинство начальных согласных *w, j, h* в тюркских языках являются этимологическими древними согласными, исконно присутствовавшими на ранних стадиях развития консонантизма и вокализма тюркских языков. Таким образом, корни типа (С)ГС представляют собой результат фонетической эволюции единой структуры корня, состоящей из СГС» [6]. Это всего лишь субъективное мнение Н.А. Баскакова. С ним не соглашается А. Зайончковский, который утверждает, что тип СГС является производным от типа СГ [7]. Б. Юнусалиев, исследовавший корневые морфемы киргизского языка, отмечает, что принятый за первичный тип корня *с + г + с* носит во многом условный характер, ибо как видим на примере *жак-, жан-, жал-*, многие современные слова этого типа могут быть расчленены по мере расширения наших познаний по исторической грамматике. То же самое относится и к типам живых корней, состоящих из комплекса *г + с* (*ал* – «брать»; *ат* – «бросать», «стрелять»). Здесь должны быть учтены, как и в других случаях, возможные фонетические изменения в ходе развития языка [8].

Действительно, возможность всех первичных корневых морфем быть в форме закрытого слога или образоваться лишь из одной корневой формы не является убедительной. В тюркских языках возникновение некоторых корней типа гласный + согласный с этимологической точки зрения можно доказать лишь при сравнении параллельных фактов тюркских языков.

В современных тюркских языках количество структурных корневых слов типа ГС различно. Проведенные статистические анализы дали разные результаты. Э.В. Севортяном выявлено 308 общетюркских и межтюркских корней этого типа, которые он называет «односложными основами». Среди них 65 имен, 123 глагола, 85 синкретических основ (омонимы – глаголы и имена) [9]. А.Т. Кайдаров отмечает, что в современном казахском языке используются 158 корневых морфем типа ГС. Он пишет: «Несмотря на свою малочисленность, на данном этапе развития тюркских языков структурные типы Г, СГ, ГС являются наиболее древними, отражающими пратюркское состояние развития тюркских языков» [10]. Б.О. Орузбаева же определила в современном киргизском языке функционирование 172 корневых морфем типа ГС [11]. В современном азербайджанском языке не используются 33 глагольные основы типа ГС [12].

Некоторые корневые морфемы структуры ГС асемантизировались. Тюркологические исследования показывают, что некоторые древние корневые слова «окаменели» и превратились в «мертвые корни». Например, казахский тюрколог Ж.А. Манкеева в результате этимологического анализа около 1000 глагольных основ определила в казахском языке наличие 300 мертвых глагольных основ. По ее мнению, явление десемантизации связано с семантическим развитием корневых морфем [1]. Подобно другим тюркским языкам, и в современном азербайджанском языке некоторые глаголы структуры ГС превратились в асемантические морфемы.

Корень глагола *итәлә* – «толкнуть» в азербайджанском языке сохранился в языке жёлтых уйгуров в форме **it* структуры ГС. Таким образом, форма, встречающаяся в азербайджанском языке, образовалась позднее, этот глагол объединен аффиксами *ит + ә + лә* и превращен в фузильный корень.

В древнетюркском языке слово **ög* означало «мать». Данная корневая морфема в слове *ögüç* «мать» в современном уйгурском языке «окаменело». Корень *uz* «художество» в современном азербайджанском языке асемантизировался в слове *уста* (мастер).

Некоторые корневые морфемы такого рода профузируются, асемантизируются, а в остальных тюркских языках сохранились. Например, в азербайджанском языке асемантизированный корень **or* – «резать» в слове *ораг* (серп) используется в диалектах узбекского языка как независимая морфема.

Большинство этих структурных корней, использовавшихся в древнетюркских языках, превратились в результате морфонологического развития тюркских языков в мертвые корни. Интересен тот факт, что это невозможно отнести ко всем тюркским языкам. Так, корневое слово типа ГС, превратившееся в одном тюркском языке в мертвый корень, в другом тюркском языке смогло сохранить первичную протоформу. Например, в азербайджанском языке слово *ирэли* (вперёд) является простым по структуре, не распадается на корень и аффикс. В киргизском же языке корень *ир* используется как свободная морфема (в значении «вперед»): *ир алдында* «впереди всех». Историческую асемантизацию некоторых корневых морфем структуры ГС можно определить путем сравнения аналогичных фактов тюркских языков.

То, что компонент *ал* в слове *алын* в азербайджанском языке является корневой морфемой, подтверждается словом *ал* «лоб» в языке жёлтых уйгуров [2]. Таким образом, в слове *алын* (лоб) азербайджанского языка произошла фузия корня и аффикса. Данное слово, с историко-этимологической точки зрения, образовалось от корневой морфемы **ал*. Из этих фактов вытекает, что в современных тюркских языках некоторые корневые морфемы структуры ГС асемантизируются. Ж.А. Манкаева отмечает, что глагол *ырга* – «качать» в казахском языке образовался от корневой морфемы **ыр-*, глагол *ад+ас* «заблудиться», «ошибаться» – от корневой морфемы **ад-* [1]. В современных тюркских языках этимологический корень некоторых многосложных слов связан именно с корневыми морфемами структуры ГС. Этот факт показывает, что для наблюдения за процессом асемантизации в тюркских языках исследование корневых морфем структуры ГС даёт богатый материал.

Б.О. Орузбаева характеризует корневые морфемы типа ГС на материале киргизского языка следующим образом: «Большинство корневых морфем структуры ГС представляют собой изначальные односложные звуковые комплексы, сохранившие, с одной стороны, свою структурно-семантическую целостность, а с другой – ставшие основой образования многих исторических производных (вторичных), прослеживаемых при рассмотрении морфемно-этимологического состава ряда нечленимых двух- и многосложных образований» [11].

Некоторые корневые морфемы типа ГС, использовавшиеся в древнетюркских диалектах, архаизировались в современных тюркских языках. К подобного рода корням относятся: *аг* – «подниматься», *ок* – «род», *ыд* – «нарушать», *өн* – «лицо», *оз* – «спасаться» [13].

Рассмотрим фономорфологическое развитие некоторых основ такого типа:

**ус* «ум»: чуваш. *ас* «память», др. тюрк. *ус* «ум», кирг. *ес* «память», уйг. *ас* «ум, память», в синьцзянском диалекте уйгурского языка *ус* «память» [14]. В башк. яз. *йгә* – «думать», кумык. *ес* «память», тур. *ус* «ум», *усланмак* «поумнеть». Как отмечает Э. Наджип, в XI–XIV вв. в некоторых тюркских языках слово *ус* использовалось в значении «ум, память» [3]. Отметим, что в прототюркский период корневая морфема **у* использовалась в значении «думать, мыслить». Таким образом, с этимологической точки зрения, корень *ус* возник в последующие этапы.

Сравнив факты тюркских языков, мы видим, что фономорфологическое развитие некоторых корневых морфем типа ГС осуществилось с возникновением протетических звуков в анлауте. Протетические звуки, использующиеся в начале слова, в основном следующие: *й*, *в*, *h*. Например: тур. *йыл* – азерб. *ил* «год», тур. *ййз* – азерб. *йз* «лицо», кирг. *ир* – «ударять, бить» – азерб. *вур*. Возможно, в азербайджанском языке данная форма образовалась потом. Тофалар. *ыр* «песня» – башк. *йыр*, кирг. *ур* – «лаять», азерб. *һйр*, кирг. *ар* – «уоставать», уйг., узбек. *һар*. Как видно, в уйг. и узб. языках использование *h* в анлауте широко распространено.

Некоторые корни типа ГСС в тюркских языках исторически возникли из корневых морфем типа ГС: *анд* // *ант* «клятва» < **ан*. Данная корнеформа сохранилась в наречии Синьцзян уйгурского языка [14]. Современные диалекты и говоры тюркских языков сохранили реликты древнетюркского языка.

В древних письменных источниках слово *ай-* означает «говорить». Таким образом, глагольный корень *айт* («говорить»), использующийся в некоторых современных тюркских языках, с этимологической точки зрения является производным. Данный факт подтверждает историческое образование корней типа ГСС (гласный+ согласный + согласный) в тюркских языках от корней структуры ГС (гласный + согласный).

Иными словами, неправильно рассматривать все моносиллабические корни слов в качестве корневых морфем. Такого рода корни встречаются также и в нетюркских языках. Данный факт еще раз подтверждает ностратическое происхождение этих слов. Например: глаголы с протосемантикой **op//ap//yp* – «движение» наблюдаются не только в тюркских языках: лат. *or-ior* «подниматься, рождаться», фин. *oraat* «всход», санскрит. *ar-dhitum* «расти», калмыц. *ирнэ* «идти». В восточном айцком диалекте башкирского языка *ороу* – «бросать», в лит. башк. языке – «ударять» [15], яз. желт. уйгуров *ор* – «класть» [2], в хакас., чуваш. яз. *ор* – «копать». В письменах Сиро-Тюрк, относящихся к тюркоязычным надгробным памятникам средних веков, *арди* – «было, был» [16], жёлтый уйгур *ур* – «спускаться» [2], *ер* – «быть» [2]. В родственном тюркским языкам корейском языке глагол *о* – «идти», по всей вероятности, связан с редукцией последнего сонорного согласного в ауслауте (в конце слова).

В тюркских языках некоторые корневые морфемы такого рода являются синкретичными (коррелятивными) корнями, т.е. имеют значение «имя – глагол». Данные корни являются языковыми фактами, отражающими древние особенности тюркских языков, так как в тюркологии синкретичные корни считаются древними языковыми явлениями. Эти примеры отражают следы прототюркского периода. Данные примеры свидетельствуют в пользу наличия переходного периода тюркских языков из аморфности к агглютинации.

Статистика показывает, что и в древнетюркском языке, и в современных тюркских языках структура ГС главным образом наблюдается в глаголах ГС.

В древнетюркских письменных источниках использование такого рода корней различно. В письменах Сиро-тюрк, относящихся к тюркоязычным надгробным памятникам средних веков, встречаются следующие корни структуры ГС (гласный + согласный): *ел//ил* «народ», *ит* «собака» [16].

Некоторые корни такого рода претерпели редукцию. Древ. тюрк. *ол* «этот, он» – совр. азерб. яз. – *о*.

Проведенное исследование приводит к мысли, что некоторые корни такого рода образовались от корней типа Г (гласный). Например, древняя форма глагольного корня *ур-//ер-* в наречии Синьцзян уйгурского языка используется в форме *е-//и* – «быть» [14]. Данный факт доказывает, что некоторые корни типа ГС, с этимологической точки зрения, являются производными и возникли из корневых морфем типа Г (гласный). Следовательно, по этой причине нецелесообразно рассматривать все эти корнеслова как первичные корни слов. Между ними наличествует достаточное количество производных, с этимологической точки зрения, корней. Например, слово *оғ* – «мысль» исторически образовалось от корневой морфемы типа Г (гласный) **ө* – «думать».

В тюркских языках в словах такой структуры наблюдается также протяжение: *от* «огонь» (язык жёлтых уйгуров). Данное протяжение наблюдается главным образом в туркменском и якутском языках: якут. *ол* «он», туркмен. *ай* «луна». Такого рода протяжение иногда даже образует семантическое различие.

Исследования показывают, что корневые морфемы такого типа являются одними из таких корней слов, которые больше сохраняют лексико-семантические особенности. Б. Халилов, исследовавший в азербайджанском языке фоносемантическое развитие глаголов и сравнивший факты орхоно-енисейских памятников с аналогичными фактами современного азербайджанского языка, пришел к выводу, что глаголы слогового типа ГС (гласный + согласный) в азербайджанском языке выступали в древних источниках как единицы, имеющие независимое лексико-семантическое значение. Такие глаголы, являясь древними и выступая в качестве производного источника, впоследствии, развившись, приобрели новые семантические оттенки [17].

Одной из характерных особенностей семантики древних вариантов корневых морфем типа ГС является то, что большая часть их характеризуется омонимичностью. Эту особенность отмечает Н.А. Баскаков. Однако возникновение этой омонимии он связывает со структурным развитием корневых морфем типа ГС: «В результате развития структуры корня иногда образуется омонимия корневых морфем: **am* – идти, **am* – бросать, **am* – лошадь, **am* – имя» [6].

Данный семантический процесс присущ многим тюркским языкам. Например: язык жёлтых уйгуров *ур* – «дыхание, жизнь», *ур* – «косить», *ур* – «спускаться», *ур* – «мужская одежда», *йр* – «верх», *йр* – «всходить, подниматься», *ой* – «звук», *ой* – «долина». Даже в языке жёлтых уйгуров наблюдается фоносемантический распад: *ос* – «вешать», «подниматься», *ыс* – «дым» [14]. В языке жёлтых уйгуров корневые морфемы типа ГС (гласный+ согласный) имеют два, а иногда и три фонетических варианта: *он-//ун-* «подниматься», *он* – «голос». Так как язык жёлтых уйгуров больше других тюркских языков сохранил особенности древнетюркского языка, мы приводим много примеров именно из фактов данного языка.

Фонетическая форма данных корневых морфем, используемых в древнетюркском языке, со временем подверглась изменению: древ. тюрк. *аб* – «охота» – совр. азерб. яз. – *ов*. В фонетическом развитии корневых морфем такого рода наблюдается также озвончение: древ. тюрк. **am* – «имя» – совр. азерб. яз. *ад*, древ. тюрк. *от* – «огонь» – совр. азерб. яз. *од*.

Для сравнения отметим, что в тюркских и монгольских языках корневые морфемы типа ГС (гласный + согласный) с фоносемантической точки зрения параллельны: тюрк. *op* «яма» – монг. *op* «след, место», тюрк. *ur* «род» – монг. *ür* «плод». Примечателен тот факт, что некоторые односложные в тюркских языках корни такого рода в монгольском языке двусложны. В тюркских языках *ep-//ur-* – «дойти», в диалектах монгольского языка *ure-*. Эти факты еще раз подтверждают генетическое родство тюркских языков с монгольским.

Таким образом, мы приходим к выводу, что слоговой тип ГС для тюркских языков является одной из самых древних словоформ. Большинство производных корней современных тюркских языков образовалось от данной слоговой структуры. Однако не все основы такого рода являются первичными. Некоторые из них – производные с этимологической точки зрения. В результате морфонологической эволюции некоторые корни типа ГС превратились в фузильные основы.

Библиография

1. Манкеева Ж.А. Реконструкция первичных корней глагольных основ казахского языка. Алма-Ата: Гылым, 1991. 154 с.
2. Малов С.Е. Язык жёлтых уйгуров. М.: Наука, 1957. 154 с.
3. Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М.–Ленинград: Наука, 1989. 479 с.
4. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1957. 254 с.
5. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.: Наука, 1980. 255 с.
6. Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М.: Наука, 1979. 270 с.
7. Зайончковский А. К вопросу о структуре корня в тюркских языках. Глагольные основы моно-силлабические (односложные) типа С + Г (согласный + гласный) // Вопросы языкознания. М., 1961. № 2. С. 28–35.
8. Юнусалиев Б.М. Киргизская лексикология (Развитие корневых слов). Ч. I. Фрунзе: Киргизское государственное учебно-педагогическое изд-во, 1959. 248 с.
9. Мусаев К.М. Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984. 227 с.
10. Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата: Наука, 1986. 328 с.
11. Орузбаева Б. О структурно-морфологических особенностях корневых морфем типа ГС в киргизском языке // Советская тюркология. Баку, 1975. № 5. С. 78–81.
12. Səlıllov F. Azərbaycan dilinin morfonologiyası. Bakı: Maarif, 1988. 286 p.
13. Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. Фрунзе: Издательство Академия Наук Киргизской ССР, 1971. 196 с.
14. Малов С.Е. Уйгурские наречия Синьцзяна. М.: Изд. восточ. лит., 1961. 183 с.
15. Максютлова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1976. 292 с.
16. Джумагулов Ч. Язык сиро-тюркских (неисторианских) памятников Киргизии. Фрунзе: Илим, 1971. 162 с.
17. Асланов В.И. К проблеме реконструкции корневых морфем // Советская тюркология. Баку, 1971. № 2. С. 67–75.
18. Xəlilov V. Fəllərin ilkin kökləri. Bakı: ADPU, 1998. 220 p.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «Известия Кабардино-Балкарского государственного университета»

Для публикации в журнале «Известия Кабардино-Балкарского государственного университета» принимаются статьи на русском или английском языках, содержащие результаты актуальных фундаментальных и прикладных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ.

1. Основные документы, необходимые для публикации

1.1. Один экземпляр статьи в бумажном виде и на электронном носителе отдельным файлом (на диске (дисете); на наклейке диска (дискеты) (обязательно!) указываются фамилия автора (авторов) и название статьи.

1.2. Полные сведения об авторе (авторах) на русском и английском языках в бумажном виде и в электронном варианте, оформленном отдельным от статьи файлом, который включает в себя следующие данные:

- фамилия, имя, отчество (полностью) каждого автора;
- место работы (наименование организации), ученая степень, ученое звание, должность каждого автора;
- контактные телефоны, почтовый индекс и адрес, адрес электронной почты (e-mail) каждого автора.

1.3. Сопроводительное письмо на бланке учреждения, где выполнена работа.

1.4. Внешняя рецензия доктора наук (по желанию).

1.5. Акт экспертизы о возможности опубликования в открытой печати – для физико - математических, химических, биологических, технических, экономических наук и науки о земле.

1.6. Справка об учебе в аспирантуре или докторантуре для аспирантов и докторантов;

1.7. «Лицензионный договор» (один на авторский коллектив) в 2-х экз. Без Договора статья не будет опубликована. Текст Договора размещен на сайте журнала «Известия КБГУ».

2. Правила оформления статьи

2.1. Объем статьи в пределах 15 страниц формата А4, интервал – 1,5, размер шрифта Times New Roman Cyr 14 пт; поля страницы: слева – 3 см, справа – 1 см, сверху – 2,0 см, снизу – 2,5 см.

Краткие сообщения в пределах 4 машинописных страниц, включающих не более 2 рисунков и 2 таблиц.

2.2. Статья должна включать:

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- название статьи (на русском и английском языках);
- фамилия, имя, отчество автора (авторов) (на русском и английском языках);
- реферат статьи (до 500 знаков) (на русском и английском языках);
- ключевые слова (5–7 слов на русском и английском языках);
- текст статьи, отражающий цель исследования, методы работы, собственно исследования, конкретные выводы;
- библиография (в библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте; номер источника в тексте указывается в квадратных скобках – автоматическая нумерация ссылок не допускается);

- подпись автора (авторов).

2.3. Иллюстрации к статье (рисунки, фотографии) должны быть черно-белыми, четкими (разрешением не менее 300 dpi, расширение *.jpg.) и вставлены в текст. Обычный размер иллюстраций не более половины листа А4. Формулы и символы помещаются в текст с использованием редактора формул Microsoft Education. Таблицы вставляются в текст; ссылки на рисунки и таблицы обязательны; названия таблиц и подрисуночных подписей обязательны.

2.4. Нумерация страниц обязательна.

2.5. Тип файла в электронном виде – RTF.

Образцы оформления библиографии:

книга

Самарский А.А., Гулин А.В. Устойчивость разностных схем. М.: Наука, 1973. 210 с.

Интегральные схемы: Принципы конструирования и производства / под ред. А.А. Колосова. М.: Сов. радио, 1989. 280 с.

статья из книги, сборника, журнала

Петренко В.И., Доготь А.Я. Пневмогидравлический кавитационный процесс // Геодинамические основы прогнозирования нефтегазоносности недр: тезисы докладов 1-й Всесоюзной конференции. М., 1988. Ч. 3. С. 616–617.

Хлынов В.А. Общегосударственное планирование рыночной экономики: Опыт Японии // Экономист. 1994. № 4. С. 89–94.

Базаров А.Ж. О некоторых нелокальных краевых задачах для модельных уравнений второго порядка // Известия вузов. Математика. 1990. Т. 2, № 3. С. 11–15.

диссертации и авторефераты диссертации

Ерков С.А. Формирование художественного восприятия произведений изобразительного искусства на уроках изобразительного искусства в 5, 6 классах средней общеобразовательной школы: дис... канд. пед. наук. М., 2006. 184 с.

Вахромов Е.Е. Психологические особенности самоактуализации подростков с отклоняющимся поведением: автореф. дис... канд. психол. наук. М., 2003. 30 с.

При несоблюдении указанных правил редакция оставляет за собой право не публиковать статью.

3. Порядок рецензирования

3.1. Рукопись направляется на рецензирование ведущим специалистам в данной области (внешнее и внутреннее рецензирование).

3.2. Результаты рецензирования редакция сообщает автору по электронной почте.

3.2. По результатам рецензирования редколлегии принимает решение о целесообразности опубликования материала, о чем дополнительно сообщается автору.

Статьи представляются в редакционно-издательский отдел ИПЦ КБГУ.

Адрес ИПЦ КБГУ: 360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Контактный телефон: (8662) 72-23-13.

E-mail: rio@kbsu.ru, izvestia_kbsu@mail.ru. E-mail-адрес защищен от спам-ботов, для его просмотра у Вас должен быть включен Javascript.

Ответственный секретарь редакции – **Шогенова Марина Чашифовна.**

После положительного решения редколлегии о публикации статьи в журнале «Известия КБГУ» автор (или авторы) статьи перечисляет на р. сч. КБГУ плату из расчета 500 руб. (в т.ч. НДС) за страницу рукописи.

Назначение платежа: редакционно-издательские услуги («Известия КБГУ»), код дохода 07430201010010000130, разрешение № 0732069510 от 30.03.05 г. пункт 1. В стоимость входят расходы по доставке журнала по территории России. Автор (или авторы) статьи получает 2 экземпляра журнала бесплатно.

Для выкупа дополнительных номеров журнала необходимо передать в редакцию (ИПЦ КБГУ) письмо - заявку с указанием номера и количества экземпляров журнала и перечислить на р. сч. КБГУ плату из расчета 250 руб. (в т.ч. НДС) за один экземпляр журнала с назначением платежа: редакционно-издательские услуги (за журнал «Известия КБГУ»), код дохода 07430201010010000130, разрешение № 0732069510 от 30.03.05 г. пункт 1.

Реквизиты КБГУ для платежей:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова» (КБГУ)

Почтовый и юридический адрес:

360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Телефон: 42-25-60,

Voice/fax: +7(495) 3379955

Телетайп: 257245 “Альфа”

E-mail: bsk@kbsu.ru

ОКПО 02069510

ОКОНХ 92110

ОГРН 1020700739234 от 22.07.11г.

ОКОГУ 13240

ОКАТО 83401000000

ОКЭВД 80.30.1

ОКОПФ 72

ОКФС 12

Банковские реквизиты:

Получатель:

ИНН 0711037537/ КПП 072501001

Отдел № 1 УФК по Кабардино-Балкарской Республике (0401 КБГУ л/с 20046Х17540)

Банк получателя:

ГРКЦ НБ Кабардино-Балкарск. Респ. Банка России г. Нальчика

БИК 048327001

Р/с 40501810100272000002

КБК 00000000000000000130

Копия платежного документа передается или высылается в редакцию журнала по электронной почте.

**ИЗВЕСТИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**PROCEEDING OF THE
KABARDINO-BALKARIAN
STATE UNIVERSITY**

ТОМ III, № 1

Редакторы *Л.З. Кулова, Т.П. Ханиева*
Компьютерная верстка *Е.Л. Шериевой*
Корректор *Е.А. Балова*

В печать 21.03.2013. Формат 60x84 ¹/₈.
Печать трафаретная. Бумага офсетная. 13.02 усл.п.л. 13.0 уч.-изд.л.
Тираж 1000 экз. Заказ № .
Кабардино-Балкарский государственный университет.
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

Полиграфическое подразделение КБГУ.
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.